
VE
RI
TAS

„ZHIVAIA STARINA"

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Оглавленіе.

Страп.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

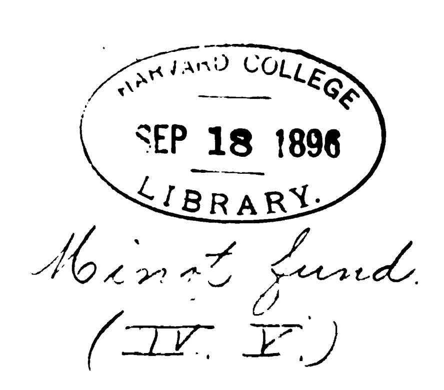
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Деревня Будогоща и ея преданія[1]).

(Этнографическій очеркъ).

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ —лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы въ деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣтъ и, несмотря увѣщанія приходскаго священника о. П. Д. Созина, предлагавшаго даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, молъ, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной—боязнь, что ребенокъ «выше отца-матери выроститъ», сбалуется, а затѣмъ—отдаленность школы, находящейся въ Будьковѣ-сельцѣ при церкви, верстахъ въ 6 отъ Будогощи. Зимой мѣшаетъ холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляетъ дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ переѣзжать на лодкѣ; лѣтомъ же, какъ извѣстно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идутъ въ лѣса рубить по найму дрова, или же—

[1]) Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года.

пилить ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскуи и Пчевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтѣ» всѣ смотрятъ съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замѣчая поведеніе, манеры, вообще всю внѣшность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюденіемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти школы [1])—мѣстный говоръ утрачиваетъ постепенно нѣкоторыя древнія черты, напр. оканье и мѣну *ц* и *ч*, однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ русской діалектологіи» [2]) обратимъ вниманіе на слѣдующее: на пространствѣ около 25 верстъ по теченію р. Пчевжи мною сдѣланы были наблюденія на обоихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели онѣ.

Говоръ жителей праваго берега отличается слѣдующими особенностями.

Оканье довольно значительное: *к*орета, *о*птека. *Е* послѣ мягкихъ согласныхъ и j произн. какъ j*о*; *ѣ* постоянно=*и*; *би*лой, хл*и*пъ, д*и*ло. Членъ отъ, та, то—весьма частъ: мужикъ-отъ, бабы-тѣ, бабъ-тыхъ (обычное литературное тѣхъ передается формою тыхъ), на лаву-ту. Смѣшиваются падежи словъ женскаго рода: дат. и род. единственнаго, и дат. и твор. мн. числа.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто именит. и вин. съ неопредѣленнымъ: работа работать, соха над' чинить, пора лядина рубить,—солома возить,—корова доить и т. п.

Въ 3 лицѣ ед. числа отсутствуетъ окончаніе *тъ*: вездѣ мы или не имѣемъ его, или—форма оканчивается на *ть*, *те*: ид*ё*, говор*и*, крич*и*, но je, jес*те*. Также и во мн. числѣ *тъ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣемъ: пи*шо* (пишутъ), ле*жо*, ска*чо*, покѧ̀жо, лю̀*бя*, говор*я*. Случаи втораго полногласія: гѐропъ (горбъ), столѐпъ (столбъ), смерёдушка, на верёхътъ. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «луськой быкотъ давку заболъ; синтактическая особенность: просить съ дат. падежемъ: просила брату бѐльшему.

Всѣ эти данныя записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ.

---

[1]) Говорю отчасти, потому что изъ 30 дѣтей школьнаго возраста ходятъ въ школу всего 3 человѣка, а выдержалъ экзаменъ на льготу 4-го разряда—1 за два послѣднихъ года.

[2]) Живая Старина 1892 г., вып. II.

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же *ѣ=и*, но кромѣ того: мѣна *ц* и *ч*; *о* всегда съ особымъ удареніемъ; *е* чистое сохраняется послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ: пойд*е*те; напь*е*шься, такъ помр*е*шь, бр*е*вно—р. бревенъ, пôвéз*е*тé; сверхъ того—мягкое *д*, *т*, произносятся какъ мягкое *г*, *к*, или близко къ тому: пôйгêмке (пойдёмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ *д* и *т* считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ въ деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить *д* и *т* такъ мягко, какъ они.

Чѣмъ объяснить подобную разницу въ частностяхъ говора? Весьма вѣроятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной *ц* и *ч*); съ другой—пришлое населеніе, также занявшее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣтъ, но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «корелой».

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно оттѣнкамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди средняго роста (до $2^1/_2$ арш.), волосы большею частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и сѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій. Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы дожны указать, что наблюденія г. Богословскаго дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими [1]).

Историческихъ воспоминаній среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ; съ нимъ связаны многочисленныя преданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои свѣдѣнія о кладахъ крайне скудны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику [2]), я перейду къ характеристикѣ міросозерцанія мѣстнаго жителя, главнымъ образомъ останавливаясь на вѣрованіяхъ въ сверхъестественныя существа.

Тысячелѣтнее христіанство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ суевѣрій. Наряду съ вѣрой въ

---

[1]) Новгородскій сборникъ, I т.
[2]) Тт. II, 80; 111 III, 3, 27 37, 97, 23 и т. д; IV, 68; V, 18, 97 *и* passim.

Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣшими, водяными и др. Не мало безпокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила; не даромъ говорится пословица: Богу молись да на чорта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ замѣнять его евфемизмами: врагъ, онъ, шишко.... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и повѣрья, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболѣе отразилась вѣра въ различныя таинственныя существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разсматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что онѣ возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерцаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболѣе подвергнувшимися обработкѣ на русской почвѣ.

Обратимся прежде всего къ миѳическому существу, о которомъ сохранилось наиболѣе всякаго рода разсказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣшемъ. Мѣстный крестьянинъ большую часть года проводитъ въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы, уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ саннаго пути онъ съ лошадью рядится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣетъ много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, цѣлыми ночами разсказываются сказки одна другой фантастичнѣй, и каждый гулъ вѣтра, движеніе куста или дерева, осыпаннаго снѣгомъ, стонъ звѣря, разнесшійся въ лѣсной глуши, даютъ поводъ и тему для новыхъ разсказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, человѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай разсказывали мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погостѣ мѣстный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучитъ кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвѣчаетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: знай своё твердитъ, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ, большой-большой, едва въ кабакѣ помѣщается. «Давай», говоритъ, «четверть вина!» Налилъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крякнулъ, закусилъ селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велитъ налить. И эту выпилъ и третью и всё ведро. Денежки положилъ да и говоритъ: «сю зиму много звѣрья буде у васъ». Сказалъ и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живетъ съ пастухами, которые знаютъ заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападеній звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пень и, прочитавъ заговоръ, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать, во первыхъ, по огррмному росту, а кромѣ того онъ всегда безъ бровей, никогда не подпоясывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянинъ д. Градоши Прокопій Никифоровъ, съ которымъ частенько разныя чуда бывали.

Въ Ильинъ день, послѣ обхода съ крестами, пастухъ градоськой загналъ скотъ въ лощинку, а Прокопій тутъ и случись; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собирается. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталъ, смотритъ черезъ ногу и видитъ: сидитъ пастухъ на осиновомъ пнѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по серединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашиваетъ онъ пастуха: «Выбирай себѣ любово, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говоритъ: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послужи».—«Ну, ладно».— Кривой вражонокъ какъ схватитъ лозину, да какъ крикнетъ—и повалилъ скотъ по дорогѣ, а большой то и говоритъ пастуху: «смотри только, какъ станешь загонять—иди по слѣду, а навстрѣчу не ходи: всѣ дома будутъ. И сгинули всѣ. Прокопій Никифоровъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой—лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ разсказъ о бабѣ лѣсовихѣ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жилъ онъ совсѣмъ одинъ. Разъ заходитъ къ нему прохожій и просится ночевать. Мужикъ пустилъ его, накормилъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за ночлегъ денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тяжело, что кругомъ лѣсъ, что скотина быватъ заблудится, бы-

вать звѣрье обидить. За хлѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ воротъ выгони,—ввечеру придутъ къ воротамъ сами, только во дворъ загони. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходитъ скотина цѣлый день—къ вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасетъ!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видитъ пасется оно, а съ краю полянки стоитъ высокая-высокая старуха, опёршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянулъ её за руку да и говоритъ: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилецъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше—и вовсе сгинула. Подивился мужикъ, пошелъ домой, а съ тѣхъ поръ скотъ перестаетъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываетъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичаютъ, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребенка, мальчика лѣтъ 13. Нынче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрытъ кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбранили» или прокляли подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣлъ мѣсто фактъ: дома—домовой, въ водѣ—водяной, въ лѣсу—лѣсовой [1])

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутникъ живетъ въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываетъ имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ встрѣчу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогощи. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегъ. Упалъ я, хочу выскочить—глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держитъ онъ меня когтями и не пускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулупъ вода холодная, слышу, льется, а онъ смотритъ: глаза то у врага водянаго такъ и горятъ. Перекрестился я, да

какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегъ то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго».

Но случается, что водяной или омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человѣкоподобномъ видѣ. Разсказываютъ, будто однажды омутникъ изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помощь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

Въ Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выходя оттуда, видятъ они старичка, который говоритъ имъ: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой,» спрашиваютъ мужики, «и чего тебѣ нужно»?

«Я здѣшній омутникъ», отвѣчаетъ старичекъ; «забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житья мнѣ нѣтъ отъ него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Забоялись они, спрашиваютъ: «какъ же мы его выгонимъ«? А онъ имъ: «возьмите стяжьё и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегъ валъ, за нимъ другой, такъ вы по первому и бейте стяжьемъ, а втораго не троньте—это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валъ—ударили по немъ мужики, а одинъ то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь—стоитъ въ водѣ тотъ свой омутникъ. и палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говоритъ, бросаешь!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кисы на берегъ серебра насыпалъ и говоритъ: «Берите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли.—«Мы», говорятъ, «не за деньги брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сдѣлали, что не взяли ничего», сказала разсказчица, еслибъ взяли, то всё равно деньги въ черепье дома обернулись бы) [1]). И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ обѣщался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже—будутъ, а у васъ на перевозѣ—никого?».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествъ, къ домашнимъ миѳическимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣе извѣстнымъ—банному и рижному хозяину.

Банный въ большинствѣ разсказовъ является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видъ различныхъ

---

[1]) О превращеніи бѣсовскихъ денегъ въ уголья см. у Аѳанасьева. Народныя русскія легенды М. 1868 стр. 167. Опытъ миѳологическаго объясненія см. въ его же статьѣ: «Миѳическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. 2.

людей и такимъ образомъ морочитъ деревенскій людъ. Въ банѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяевъ [1]). Вотъ что разсказываютъ въ д. М. Будогощѣ о банномъ:

Пріѣхалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяевъ байня топлена, и въ той байнѣ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай сѣли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходятъ въ баню, раздѣлись въ передбанникѣ, входятъ въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежитъ и ноги раскарячилъ: видятъ— торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣстной, озорной!» говорятъ бабы,—и домой. Пришли, на торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходилъ. А показался то подъ видомъ торгаша баенной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было.

«Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подъѣзжае тройка. Вылѣзъ баринъ, велилъ сготовить чаю, созвать посидку, да и говоритъ хозяину: «стопи мни-ка байну, да найди человика, чтобъ меня помылъ да попарилъ, а я за всё сто рублей дамъ».—«Какъ за сто рублей не найти человика», говоритъ мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоетъ те и попари». «Ладно». Стопилась байна, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны нейдуть. Ждалъ—пождалъ, да и спрашиваетъ у кучера: «что, молъ, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ люби долго париться»! Пождалъ мужикъ еще: нѣтъ, неймется ему: пойду, думаетъ, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходи къ байны и глѣди въ окощко: и види: сиди баринъ на полку и съ бабы кожу сымае. Онъ какъ закричитъ, да побѣжитъ за народомъ! Прибѣжали: баня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣтъ. Побѣжали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистливымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожжетъ гумно и уничтожитъ весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды, не взлюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу; построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ

---

[1]) Срв. Новгородскій сборникъ, I, 284—6.

деревню ночовать мужикъ съ медвѣдемъ. Куда его положить? неловко такого звѣря въ избу пускать. Вотъ ему и велѣли въ ригѣ той ночовать, что недавно построена была. Стопили ригу; мужикъ съ медвѣдемъ забрались туда и забились за печку: теплѣе тамъ ночовать. Въ полночь приходи рижной хозяинъ и принози множество рыбы. Началъ онъ ей печь на угелькахъ; печетъ и роетъ на краешокъ, а медвѣдь из-за печки подбиратъ лапкой, да подъѣдатъ. Рижной хозяинъ остатнюю рыбку спёкъ, на печку кинулъ. Хватился, сталъ искать—нѣтъ ни одной! Бросился за печку; какъ его сгрёбъ—и не знать кто—да началъ его тискать! «Ну, ты, пусти», кричитъ рижной: насилу вырвался, ушелъ весь оцарапаный. И черезъ нѣсколько времени идетъ одна женщина рано поутру за водой, а онъ ей на стрѣчу и спрашиваетъ: «жива ли у мужика, чья этая рига, кошка?»—«Жйва, да еще такихъ же семерыхъ родила»!—«Эко горе то», говоритъ рижный; «скажи ты пожалуста мужику, что ригу ту я у нево сжегъ, больше не буду, полно. Пусть онъ деньги мои оберетъ: ихъ подъ угломъ риги пивоваренной котелъ зарытъ. Хотѣлъ я ему опять ригу сжечь, да болѣ не пойду». И вправду, обралъ мужикъ деньги: большой котелъ полный серебра, и сталъ богато жить.

Наряду съ разсказами, гдѣ дѣйствующими лицами являются существа миѳическія, пріуроченныя и, такъ сказать, прикрѣпленныя къ извѣстному мѣсту, мы находимъ не мало разсказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водянаго, насколько я наблюдалъ это, самый житель д. Будогощи не связываетъ представленія о чемъ то страшномъ, зломъ, враждебномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмѣщаетъ въ своемъ міросозерцаніи и Бога христіанскаго, и противуположное Ему существо, источникъ всякаго зла—чорта, или, какъ чаще его называютъ иносказательно, врага, и наряду съ ними нѣчто среднее—цѣлый рядъ божествъ, о которыхъ мы выше говорили. Представленія этихъ миѳическихъ существъ и чорта, діавола отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ—существо отвратительное; самое имя его грѣшно произносить, тогда какъ съ лѣшимъ или домовымъ вступить въ извѣстнаго рода соглашеніе далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ людей и миѳическихъ существъ мы говорили. Теперь рѣчь будетъ объ отношеніяхъ людей и нечистой силы, чорта. Нѣкогда Аѳанасьевъ писалъ такъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутливо-сатирическій тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и

лукавства сказочныхъ героевъ» [1]). Слова Аѳанасьева, будучи отчасти справедливы относительно вышеприведенныхъ сказокъ о миѳическихъ существахъ, далеко не соотвѣтствуютъ истинѣ, въ чемъ мы убѣдимся когда, ниже ознакомимся съ разсказами жителей д. Малой Будогощи о чертяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи мы встрѣтимъ среди жителей совершенно различное отношеніе къ нечистой силѣ, къ мертвецамъ и тому подобному чудеснымъ и таинственнымъ существамъ. Въ иныхъ мѣстахъ вы совершенно не услышите сказокъ о мертвецахъ и чертяхъ; въ иныхъ сказки найдутся, но будутъ, дѣйствительно, сатирическаго характера; наряду съ этимъ есть много мѣстностей, почти весь сѣверъ, гдѣ населеніе твердо вѣритъ въ существованіе чорта, какъ врага и ненавистника человѣка, гдѣ сказки о нечистой силѣ отличаются мрачнымъ характеромъ и совершенно лишены всякаго ситирическаго элемента.

Вотъ разсказъ о томъ какъ врагъ надъ человѣкомъ шутилъ.

Собралась разъ о святкахъ посидка. Много плясали, въ игры играли, пѣли. Ребята разбаловались и стали выдумывать, что бы такое почуднѣй сдѣлать. Вотъ одинъ парень и говоритъ: „дай ка попытаю (испробую), какъ люди давятся. До смерти не задавлюсь же на глазахъ у всѣхъ. Вы меня, ребята, подержите, а я въ петлю голову суну». Всѣ рады: новая забава нашлась. Сдѣлали мертвую петлю, привязали къ матицы; только онъ сунулъ туда голову да затянулъ малость—вдругъ въ двери становой, да какъ гаркнетъ: «А кто тутъ давиться задумалъ! Я вотъ сейчасъ всѣхъ васъ разберу»! Всѣ по угламъ разскочились, кто къ дверямъ бросился: глядь—никакого становаго и не бывало, только метель крутитъ, да вѣтерокъ воетъ и снѣгъ переметываетъ. Подошли всѣ къ парню, а онъ и вправду задавился: виситъ въ петлѣ да покачивается. А становымъ то врагъ отъ прикинулся, да на людей мороку навелъ. Вообще, удавленники—любимая добыча чорта. чорту-баранъ, какъ говоритъ пословица,

Даже тѣ люди, которые не боятся нечистаго и всячески угождаютъ Богу, не обезпечены отъ нападеній нечистаго и козней его Слышалъ я въ той же деревнѣ разсказъ о кузницѣ, который и привожу здѣсь.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ и кузница была у него. Былъ, онъ хорошій человѣкъ, никого не обижалъ, не обманывалъ; часто къ обѣдни ходилъ. Всѣ его любили, и всю бы жизнь свою онъ прожилъ по хорошему, кабы только врагъ на него не обидѣлся. Была у него въ кузницѣ, на правой сторонѣ, какъ войти, икона—Спасъ премилостивый, а на другой сторонѣ, на доскѣ,

---

[1]) Народныя русскія легенды, стр. 168.

врагъ намалеванъ какъ есть, съ рогами, съ хвостомъ и весь въ шерсти. И всякой разъ, какъ взойдетъ кузнецъ въ свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнетъ и плюнетъ: всего его заплевалъ. И часто сожалѣлъ кузнецъ о томъ, что нѣтъ у него молотобойца, а одному работать не сподручно: иной работы иначе какъ вдвоемъ и не справить. А мастеръ онъ былъ первый въ тѣхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ приходитъ странникъ, еще молодой, и просится ночевать. Переночевалъ и проситъ еще на денекъ остаться: присталъ горяздъ. Что-жъ, думаетъ кузнецъ, пусть поживетъ денекъ, «А не побьешь ли ты молотомъ», говоритъ онъ страннику. Странникъ согласился. Пошли въ кузницу, и весь тотъ день работалъ странникъ на кузнеца и очень ему полюбился. Приходятъ домой ужинать, а кузнецъ и говоритъ: «кабы сталъ ты у меня молотобойцемъ, лучше тебя не надобъ»?—«Что-жъ, мнѣ некуда идти, я хоть и у тебя поживу», отвѣчаетъ прохожій.—«Нанялъ бы я тебя, да не знаю, быватъ много спросишь?»—«Что тамъ за много! Буду я у тебя жить, ты меня пой-корми, а черезъ три года дай мнѣ сковать то, что я захочу». Обрадовался кузнецъ. Работникъ лихой, всѣмъ хорошъ, всѣмъ доволенъ. Живетъ молотобоецъ годъ, живетъ другой, ужъ и третій къ концу приходитъ. И вотъ, наканунѣ дня разсчета, останавливается у кузнеца ночевать старенькой престаренькой рабъ Божій, странникъ.

Выходятъ утромъ они, кузнецъ и молотобоецъ, на работу, и говоритъ молотобоецъ: «помнишь хозяинъ условіе, дай сковать, что хочу».—«Да куй;» говоритъ кузнецъ, «желѣза много je».—«Только ты не смотри», предупреждаетъ молотобоецъ. Вошелъ онъ въ кузницу, что стояла на берегу рѣки, разжогъ горно и ждетъ. Проходитъ мимо старенькій старичекъ, что у нихъ ночевалъ. Идетъ и охаетъ; покачивается, отъ старости едва на ногахъ стоитъ, того и гляди по земли растянется. Кричитъ ему молотобоецъ: «Эй дѣдушка, заходи ко мнѣ»!—«Тяжело, родимый, на гору не здынусь», отвѣчаетъ старикъ. «Полно приходи сюда, я те помогу, помоложу̀. Подошелъ старикъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «чѣмъ же ты меня помолодишь»?—«Перекую».—«Да что ты»?—«Ложись, увидишь».—«Эхъ, все одно помереть», говоритъ старикъ, «лягу попытаю». А кузнецу то любопытно: прикинулся да въ щелку и смотритъ. И видитъ онъ: взялъ молотобоецъ старика, положилъ въ горно, засыпалъ уголья, да какъ зафычитъ мѣхами, только искры столбомъ поднялись. Раскалилъ старика, бросилъ на наковальню, билъ, билъ молотомъ, да въ разныя стороны поворачивалъ; потомъ въ чанъ съ водой окунулъ: зашипѣла вода, паръ столбомъ поднялся. Кинулъ молотобоецъ старика объ земь—и сталъ старикъ молодцомъ хоть куда: парень лѣтъ двадцати, кудри русыя въ колечки зави-

ваются, щеки полныя румянцомъ горятъ, походочка молодецкая. Встряхнулся повелъ глазами вокругъ: каковъ молъ я! Взялъ онъ котомочку, поблагодарилъ мастера и дальше пошелъ. Старый кузнецъ, словно ума рѣшившись, опрометью домой бросился; кричитъ старухѣ матери: «Ей, матушка, давай я тебя перекую, молода будешь»! «Что ты», говоритъ ему мать, «аль Богъ разумъ отнялъ? видано-ль дѣло стариковъ ковать»? «Э, не разговаривай со мной, я у молотобойца сейчасъ научился», закричалъ кузнецъ; схватилъ онъ старуху, та упирается, Приволокъ онъ ее въ кузницу, связалъ, бросилъ въ горно, и ну мѣхами раздувать. Старуха та вопитъ благимъ матомъ, а онъ и взаправду ума рѣшился: знай себѣ дуетъ.

А молотобоецъ и странникъ, котораго помолодили, побѣжали по деревнѣ и кричатъ: «идите вси крещоны въ кузницу, смотрите какъ кузнецъ мать сожогъ»! Сбѣжался народъ, ворвались въ кузнецу: видятъ кузнецъ безъ памяти мать жжетъ, а старуха ужъ померши. Взяли его въ желѣза, да и повезли въ городъ. Хватились молотобойца—ни его, ни странника нѣтъ: сгинули.

Слѣдуетъ замѣтить, что настоящая сказка, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается не оригинальной, не самостоятельной по своему сюжету. Обозрѣвая сказочный матеріалъ, мы замѣчаемъ, что въ сказкахъ любимое мѣсто чорта—кузнечная труба. Кромѣ того, мы имѣемъ легенду о томъ, какъ хромой бѣсъ перековалъ пустынника [1]). Весьма сходный варіантъ мы находимъ тамъ же, а затѣмъ—сюжетъ этой сказки извѣстенъ и въ западноевропейскихъ [2]) и въ остальныхъ народныхъ литературахъ [3]).

Мы не будемъ входить въ подробности сравненія; отмѣтимъ лишь то, что еслибы настоящій сюжетъ о мстительномъ чортѣ былъ совершенно чуждъ нашей народности, если бы онъ не нашелъ подходящей почвы, чтобы укорениться и получить широкое распространеніе, то мы оставили бы его безъ вниманія, какъ нѣчто случайное. Но здѣсь появленіемъ его нельзя пренебрегать: нашъ сюжетъ совпалъ съ вѣрованіями и взглядами народа на нечистаго и прочно укрѣпился въ народной средѣ; примкнувъ къ другимъ разсказамъ о томъ же чортѣ и объ отношеніи его къ людямъ.

---

[1]) Народныя русскія легенды собр. Аѳанасьевымъ стр. 76—77.

[2]) Тамъ-же стр. 104—107, и примѣчанія стр. 145. Срв. Отечеств. Записки 1840 г. № 2. смѣсь, стр. 50—51. тоже, отчасти иначе,—Grimm. Kinder und Hausmärchen II, № 147 Христосъ и ап. Петръ перековываютъ нищаго, Norwegische Volksmärchen, gesammelt. v P. Albjornsen und Jorgen, № 21. П. В. Шейнъ, Матеріалы. II т. стр. 144.

[3]) Отмѣтимъ хотя бы варіантъ въ „Книгѣ Мудрости и Лжи“ (Грузин. басни XVII ст.) С. С. Орбеліани, перев. Ал. Цагарели. Спб. 1878. стр. 84, № 75.—варіантъ наиболѣе схожій съ нашимъ.

От сказокъ о нечистой силѣ обратимся къ тѣмъ народнымъ разсказамъ, гдѣ также силенъ элементъ чудеснаго и таинственнаго, къ разсказамъ о мертвецахъ. Вѣра въ сохраненіе мертвецами способности живыхъ людей— двигаться, говорить, являться людямъ изъ могилъ и вступать въ различныя отношенія съ живыми близкими людьми и родственниками—эта вѣра была всегда сильно распространена въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ и эпохъ [1]). Не будемъ распространяться о возможныхъ причинахъ возникновенія подобнаго вѣрованія; укажемъ лишь на наиболѣе вѣроятную причину, на аналогію сна и смерти, которая всегда бросалась въ глаза людямъ.

Мертвецъ—существо наполовину уже иного міра: этимъ онъ внушаетъ таинственное уваженіе къ себѣ. Пока трупъ не подвергся окончательному разложенію—въ него всегда можетъ вернуться душа его и оживить къ новой дѣятельности. Это воззрѣніе мы находимъ, напримѣръ, у египтянъ и равнымъ образомъ у народовъ ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Оно—плодъ извѣстнаго психическаго настроенія, являющагося по поводу двухъ аналогичныхъ явленій, созерцаемыхъ человѣкомъ. Издавна существовалъ также взглядъ, что души добрыхъ людей, послѣ смерти этихъ послѣднихъ, являются охранителями живыхъ людей и интересовъ ихъ. Души же злыхъ, особенно колдуновъ или знавшихся съ нечистой силой, оказываются и послѣ смерти тѣла, врагами и ненавистниками всего живущаго, подобно діаволу, которому они служили при жизни.

Сообразно этимъ послѣднимъ взглядамъ на мертвецовъ, народные разсказы о нихъ распадаются на двѣ группы: одни повѣствуютъ о мертвецахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Вотъ разсказъ, выдаваемый за быль, о мертвецѣ обогатившемъ мужика; сообщаю его тѣми же словами, какъ слышалъ самъ.

Гнали ребята барки по Мсты, вошли въ Волхово. Стали ночовать; глядь, однôво на берегу и забыли. Пошелъ онъ по берегу: думаетъ своихъ наздогнать. И видитъ, лежитъ на берегу покойникъ въ хорошой одежи. Вотъ парень то и здумай: роздину ево; на што ему хорошая одежа?—а мника послўжи. Роздилъ и пошолъ. Только и дўмае: штожъ я ёво такъ то бросилъ. Вернулея молитву сотворить и вйди, што у ёво на груди хрестъ золотой. Снялъ съ ёво хрестъ, да неловкô безъ хреста бросить. Надилъ на покойника свой, да и говоритъ: «вотъ мы хрестамъ помѣнялись, побратались,

---

[1]) Объ этомъ собранъ матеріалъ и указана литература въ первыхъ главахъ изслѣдованія И. Созоновича: «Ленора Бюргера и родственные сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской». Варшава. 1893.

значитъ. Прощшай братъ хрестовой!» Нашолъ онъ своихъ; и вотъ приходитъ ночь. Является ему этотъ покойникъ и говдри: «што ты, хрестовой братъ, меня и не похоронилъ; гришно теби-ка меня такъ бросить. Вернись, захорони меня, да возьми у меня съ руки золотоё кольцо». Совѣстно стало парню. Вернулся, помолился надъ нимъ, захрестилъ, вся молитвы прочёлъ, какія зналъ и опять пришолъ на барку. А ночью снова приходи къ нему покойникъ и говдри: «Вотъ взялъ ты теперь кольцо, одежу; сходи, какъ будешь въ Новѣ-городѣ, къ моёй матушки и скажи, што ты, мой братъ хрестовой, захоронилъ меня, а въ подпольи пусть она розломатъ стѣнку, (и указалъ гдѣ) и што найдешь—себи возьми». Парень и былъ въ Новѣ-городѣ, да не послушался: «што», говори, «пойду я, объявлюсь?—на меня скажутъ, што убилъ. да посадя». А покойникъ опять къ нему приходи и проси. Думаетъ парень: што какъ онъ и дома начнё ходить кожную ночь? схожу. Рѣшилъ и пошелъ. Показалъ онъ матери кольцо и всё разсказалъ по порядку. Мать сейчасъ ево въ клѣть посадила, заперла и хочетъ въ судъ отдать. Только пришла ночь. И вотъ сынъ покойникъ приходи къ матери и говори: «выпусти матушка тово человѣка, сведи ево въ подпольё и отдай ему што онъ самъ возьметъ. Кабы не захоронилъ онъ меня, такъ клевали бы меня вороны, мылъ бы мои косточки холодный дождикъ». Свела мать парня въ подполье; нашелъ онъ тамъ казну, какъ сказано было, поѣхалъ на родину и сталъ жить да поживать.

Въ этомъ разсказѣ отразилось вѣрованіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ, что позорно и нечестиво оставлять умершаго безъ погребенія.

Теперь обратимся къ сказкамъ, гдѣ мертвецъ является страшнымъ, злымъ существомъ. Вотъ сказка о трехъ братьяхъ и отцѣ колдунѣ.

Жили были трое братьевъ, а отецъ у нихъ былъ колдуномъ и жилъ особй. Померъ онъ и помирамше велилъ, чтобъ его трои сутки откараулить, а раньше того не хоронить. Приходитъ какъ разъ къ нимъ въ этое время солдатъ и просится ночовать. Они и говорятъ: милости просимъ «ночовать, только сйночь покарауль ты у насъ отца». Солдатъ согласился. Забрался въ избушку, гдѣ особй жилъ колдунъ, зажогъ свѣчку, сиди й читае. Вдругъ съ трубы штотъ кричитъ: «упаду!» А онъ неглядя въ отвѣтъ: «да падай!» И упала въ йзбу нога, вся въ шерстй. Немного погодя опять: «упаду!» Солдатъ опять: «вались», говоритъ. И снова тотъ же голосъ: и упала другая нога, потомъ руки, туловище, голова. И опять голосъ: «встаю».—«Да, вставай», сказалъ солдатъ: поднялъ глаза и видитъ: стоитъ передъ нимъ ктотъ мохнатой, страшной такой. «Погоди я ужо те проберу», говоритъ солдатъ: какъ сталъ пробираться мохнатой къ ему, онъ его и пересѣкъ саблей.

Запѣли пѣтухи и чудо сгинуло. На вторую и на третью ночь упросили остаться солдата опять караулить; то-же самое случилось съ нимъ. Братья перепугались, прося ево: «свези ужъ и на погостъ ево». Солдатъ велѣлъ набить на домокъ [1]) три обруча железныхъ, поставилъ на телѣжку и самъ сверху сѣлъ. Ѣхалъ, ѣхалъ; обручъ—лопъ! Поноѣхалъ еще немного—другой лопъ! Немного погодя и третій лопнулъ. Солдатъ на руку обручи надѣваетъ и что есть духу скачетъ на погостъ. Привезъ покойника, а батька дома нѣтъ. Говоритъ отъ матки-попадьи: «тѣло привёзъ». А она ему велила поставить ево въ синяхъ, въ чуланчикѣ. Набилъ солдатъ обручи на домокъ и уѣхалъ скорѣй. Сиди матка ночью, ждё батька. Вдругъ обручъ: лопъ! Не батька ли пріихалъ, думае матка и поглядыва за окошко. И второй, и третій лопнулъ—и батька всё нѣтъ. Слыши попадья: ктотъ въ избу идё, въ дверь ломится: «пущай», говоритъ, «а то и такъ попаду!» Она замнулась, залѣзла на печку, всѣхъ ребятъ и кошекъ и собакъ съ собой забрала. Мертвецъ вломился въ избу, сталъ шарить у печки и лѣзть туда; попадья ему щенка бросила: онъ его разорвалъ и съилъ. И опять лѣзетъ, а она ему кого-нибудь опять кине: всихъ и кошекъ и собакъ перерыла; маленькаго ребенка ему бросила: онъ и того разорвалъ и съилъ. И въ этое время запилъ питунъ — мертвецъ упалъ навзничь. Немного погодя срядъ и батька пріихалъ. Видитъ каково у матки чудо случавши, скопилъ народъ, свезли мертвеца въ яму, зарыли и осиновымъ колышкомъ забили.

Настоящая сказка по своему характеру и складу близко подходитъ къ сказкамъ сообщеннымъ И. Сазоновичемъ въ вышеупомянутомъ его изслѣдованіи. Говорятъ также въ д. Будогощѣ, что мертвецы жестоко наказываютъ тѣхъ, которые относятся къ нимъ безъ должнаго уваженія. Одинъ изъ такихъ случаевъ мести мертвеца я здѣсь и приведу.

Собрались дѣвки да ребята на посидку, а одинъ парень и говоритъ: «давайте ка я сюда покойника принесу». А о ту пору былъ покойникъ въ часовни. Парень и вправду принёсъ его, поставилъ у дверей къ печкѣ. Сталъ покойникъ оттаивать и опускаться, а дѣвки отъ страха кто на печку, кто въ запечокъ забрались и велятъ несть его назадъ. А парень не хочетъ, говоритъ: «несите сами!»—забоялся. Покойникъ молчалъ, молчалъ да и заговорилъ: «кто взялъ, тотъ и неси назадъ». Хоть страшно было, а надо несть. Вотъ парень съ товарищемъ и понесъ его. Принесли въ часовню, положили на старо мѣсто, а покойникъ и говоритъ: «попрошшайтесь со мной». Товарищъ, который помогалъ нести назадъ, попрощался какъ слѣдуетъ, а первого, выдумщика, покойникъ захва-

---

[1]) Домокъ—гробъ

тилъ руками за шею, и отнять нельзя было. Руки пилить хотѣли—пила нейдетъ. Такъ ихъ вмѣстяхъ и схоронили.

Нѣкоторыя сказки о мертвецахъ не лишены комическаго элемента, но въ общемъ—это рѣдкое явленіе. Какъ примѣръ мы сообщимъ сказку, довольно сходную въ частностяхъ съ приведенной нѣсколько выше сказкой о колдунѣ, трехъ сыновьяхъ и солдатѣ.

Жили-были мужикъ да баба, и былъ у нихъ сынъ. Сына сдали въ солдаты. Отслужилъ онъ свой срокъ и вернулся домой въ деревню а матери и отца нѣтъ. Спрашиваетъ онъ, гдѣ они; ему отвѣчаютъ мужики: «вотъ новой домъ, тутъ и померъ твой отецъ, а мать тоже давно померши». Взялъ солдатъ вина и пошелъ въ домъ. Сидитъ ночью, пьетъ вино, а покойникъ и приходитъ— весь въ бѣломъ. И говоритъ онъ сыну; «я съѣмъ тебя».—«Погоди», говоритъ солдатъ, «сперва вина выпьемъ, а потомъ и съѣшь меня».—Пьютъ, а солдатъ этакъ между прочимъ и спрашиваетъ, быдто ни къ чему: «и чѣмъ это, батюшка, васъ убиваютъ?» А покойникъ и говоритъ: «осиновымъ коломъ три раза буде на йспашку успѣешь ударить—убьешь». Пошелъ солдатъ въ сѣни, быдто за нуждой; ищетъ осиновой палки, а мертвецъ кричитъ: «што ты тамъ мѣшкаешь, мни ка тебя ясь пора». Нашелъ, наконецъ, солдатъ палку, подошелъ къ мертвецу, да какъ хватитъ его: тотъ и опрокинулся. Сдѣлали домокъ ему, обручи набили и повезли на погостъ. По дорогѣ одинъ лопнулъ, другой цѣлъ остался. Привезли, похоронили и осиновымъ клиньямъ забили.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: разсказы чудеснаго характера—о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, существахъ, о чортѣ и встающихъ изъ гробовъ мертвецахъ распространены далеко не повсемѣстно и вовсе не равномѣрно въ средѣ нашего крестьянства. Не будемъ отрицать вліянія школы, какъ фактора разрушающаго миѳическія воззрѣнія на природу; но и помимо того, что школа существуетъ давно и имѣетъ много учениковъ, мы встрѣчаемъ села, гдѣ населеніе чрезвычайно много знаетъ разсказовъ о мертвецахъ и чертяхъ. Съ другой стороны въ совершенно забытыхъ просвѣщеніемъ глухихъ углахъ мы къ удивленію можемъ совершенно не встрѣтить подобныхъ разсказовъ. Причина, на нашъ взглядъ, лежитъ въ существенныхъ чертахъ психическаго склада народа, мѣстность населяющаго данную.

Кое гдѣ уже съ недовѣріемъ начинаютъ относиться къ такимъ разсказамъ. Старые люди, слыша высказываемыя сомнѣнія и распросы о причинахъ этихъ чудесъ, повторяютъ одну обычную фразу: «въ старину люди простые были, проще насъ, оттого и видѣли всякія чудеса, а теперь пошелъ хитрой народъ, до всего самъ дойти хочетъ».

В. Н. Перетцъ.

Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 г.

Мм. гг.!

Въ нынѣшнемъ году, весной, я получилъ предложеніе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ въ корельскомъ краѣ. Мѣстомъ для своихъ экскурсій я избралъ часть губ. Выборгской (нѣкоторыя мѣстности уѣзда Сердобольскаго, пограничныя съ Олон. губерніей) и въ губ. Олонецкой—уѣзды Петрозаводскій и Олонецкій. Съ этою цѣлью я и отправился изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня на пароходѣ въ Сердобольскій уѣздъ. Живя здѣсь среди мѣстныхъ корелъ, финляндскихъ уроженцевъ, я присматривался къ ихъ жизни, нравамъ, обычаямъ, привычкамъ. И теперь, подводя итоги своимъ наблюденіямъ, могу сказать, что финляндскій корелъ далеко опередилъ своего родного брата олончанина. Здѣсь не встрѣтишь уже такого невѣжества, какое до сихъ поръ еще спокойно ютится въ лѣсныхъ деревенькахъ Олонецкой Кореліи, удаленныхъ отъ уѣзднаго города или даже отъ центральныхъ селеній верстъ на 40 и на 50. Финляндскій корелъ много видалъ, много слыхалъ на своемъ вѣку и свободно, со смысломъ разбираетъ финскую грамоту. Его «тупа» (домъ) поставлена на высокомъ каменномъ фундаментѣ и покрыта прочной, драничной (дранка—лучина) крышей. При входѣ въ нее всякаго посѣтителя необыкновенно пріятно поражаетъ та уютная чистоплотность и нѣкоторое довольство (матеріальное), о которыхъ и понятія не имѣетъ нашъ постоянно грязный, вѣчно чумазый, полуголодный землякъ. У него вы найдете—и прибитый къ оконной рамѣ термометръ (непремѣнно Цельсія), дешевенькій альбомъ фотографическихъ карточекъ, листокъ мѣстной газеты «Laatokka» и непремѣнно «вирси-кирья» (книга, содержащая богослужебные стихи) и «Тестаменти» (библія) въ красивыхъ кожанныхъ переплетахъ. Не удивится финляндецъ-корелъ, если вы покажете ему и пожарную машину во время самаго дѣйствія,—которая до сихъ поръ приводитъ въ нѣмое изумленіе олонецкаго корела,—«да эта машина, скажетъ онъ (финляндецъ), у насъ, въ нашемъ мѣстечкѣ давно уже заведена на общественный счетъ»... Найдется у него и усовершенствованный плугъ, ресорный кабріолетъ, съ мягкой волнистой шерстью овца, о которыхъ еще не приходится и мечтать нашему олончанину.

Изъ Финляндіи, постепенно двигаясь изъ деревни въ деревню (Koiran-osa, Impilaks, Kitelä, Pitkä-ranta, Kolmi-kanta, Hippi, Risto-oja, Uusi-kylä, Uuksu, Кяжняжи, Sadula, Salmis, Varba-selgä), я перевалилъ въ предѣлы своей родины—Олонецкой губерніи. Еслибы мнѣ пришлось переѣзжать границу (въ дер. «Kondu») въ самую темную ночь, и если бы даже не существовало строгаго шлагбаума, и тогда бы я непремѣнно почувствовалъ или, вѣрнѣе,—ощутилъ что я ѣду по родной землѣ: ровное широкое полотно дороги, обитое крупнымъ пескомъ—«чурой», кончилось, и началась убійственная съ глубокими промоинами, избитыми колеями—почтовая, на которой постоянно рискуешь выскочить изъ телѣги, или полетѣть внизъ головой въ какую-нибудь котловину вмѣстѣ съ лошадью и экипажемъ.

«Отчего же здѣсь пошла такая скверная дорога? спросилъ я у своего ямщика, который съ угрюмымъ равнодушіемъ покачивался на козлахъ...

— Что ти скасалъ?.. встрепенулся мой возница.

«Отчего, говорю, скверная здѣсь дорога?»

— Дорогъ?... дорогъ здѣсь русськой...

И это было въ устахъ простодушнаго кореляка достаточнымъ объясненіемъ на мои вопросы.

Въ концѣ мѣсяца іюня я былъ уже въ Олонцѣ, въ одномъ изъ старинныхъ корельскихъ городовъ (по дорогѣ въ Олонецъ я заѣзжалъ въ сс. Видлицы и Тулоксу). Городъ настолько имѣетъ въ себѣ мало «городскаго», что сначала невольно принимаешь его за одно изъ селъ, которыя на протяженіи верстъ 10—15 безпрерывно тянутся по берегу рѣки Олонки. Здѣсь тѣ же крестьянскія сѣрыя избы, съ двухскатными тесовыми крышами, тѣ же крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ и бѣлыхъ сапогахъ, та же корельская рѣчь,— и невольно думаешь, что это также какое-нибудь село, только нѣсколько побогаче. Но вотъ замелькали полицейскія управленія, уѣздныя присутствія, трактиры съ необыкновенно большими вывѣсками, и пріѣзжій, наконецъ, догадывается, что онъ въ городѣ, который когда-то далъ свое имя цѣлой области въ 112,322 квадратныхъ верстъ.

Въ самомъ центрѣ города, гдѣ выстроенъ каменный соборъ, окрашенный желтой краской, дома мѣстнаго купечества, духовенства и властей,—раскинулись на нѣсколько десятинъ ровные, гладкіе, сѣнистые луга. Косари, звеня косами, косили сѣно, когда я въѣзжалъ въ городъ. «Чьи это луга?..» спросилъ я у одного изъ мѣстныхъ обывателей, удивленный такими патріархальными порядками.

— А это—отца протоіерея... отвѣчалъ спокойно Олончанинъ,—Онъ много тутъ сѣна накашиваетъ...

«Но какже они такъ очутились въ центрѣ города?...

— Да очень просто... Отецъ протоіерей взялъ на свое имя нѣсколько номеровъ плановыхъ мѣстъ, домовъ-то строить не строитъ, а сѣно коситъ, и отъ этого ему—большой доходъ...

Цѣлыхъ шесть дней, начиная съ понедѣльника и кончая субботой, въ городѣ царитъ мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ властей. Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане мирно почивали. За то въ воскресенье городъ совсѣмъ преобразовывается. Въ этотъ день въ Олонцѣ бываетъ базаръ. Съ самаго ранняго утра цѣлыя толпы окрестныхъ мужиковъ толкаются на площади около возовъ, мѣстныхъ лавокъ и ларьковъ самаго первобытнаго, примитивнаго устройства. Надъ городомъ носится гомонъ отъ цѣлой тысячи корельскихъ языковъ. Продаютъ соленую рыбу, провѣтренную, вяленую говядину, кожу и постное масло. Вездѣ кричатъ, рядятся, спорятъ,—и все это происходитъ и ведется на корельскомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, любитъ полногласіе и отъ этого выходитъ необыкновенно крикливымъ. Въ Олонцѣ даже и «власти» говорятъ по-корельски. Мнѣ самому случилось слышать, проходя по набережной, гдѣ живутъ зажиточные люди и начальство, какъ мѣстный воинскій начальникъ закликалъ во дворъ корову, пасшуюся на зеленомъ берегу Олонки: «Тпрукой, тпрукой, тулэ кодихъ, тулэ кодихъ»... Ровныя плоскія окрестности Олонца представляютъ весьма удобныя мѣста для землепашества. Здѣсь даже и мѣщане—городскіе жители—исключительно почти заняты земледѣліемъ. Сѣютъ рожь, овесъ, ячмень и получаютъ большіе доходы отъ продажи сѣна. Оттого, кажется, и самое названіе Олонца по корельски «Анусъ», финны передѣлали въ «Aunus», что значитъ хлѣбный стогъ, житница корельскаго края. Такой же взглядъ на Олонецъ, какъ на городъ богатый и при томъ веселый, сказался и въ нѣкоторыхъ корельскихъ пословицахъ: «хоть айжалъ, да Ануксэһъ-піä»—хоть на оглоблѣ, да къ Олонцу, «хоть айнавонъ, да Ануксэзъ»—хоть разокъ, да въ Олонцѣ,—т. е. въ Олонцѣ такъ хорошо, такъ въ немъ весело, что хоть на оглобляхъ ѣхать, хоть разокъ побывать, да именно только въ немъ. И сами олончане не прочь иногда кстати похвастать о богатствѣ своего города: «тулдаһъ рибулойсъ, ляхтіетäһъ ребolойсъ»—«пріѣдутъ-молъ къ намъ въ тряпкахъ, а уѣдутъ въ лисицахъ», но на самихъ олончанахъ почему-то не замѣтно этихъ лисицъ. Большинство населенія Олонца отличается необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ и какою-то лѣнивою плавностью въ походкѣ, что сильно напоминаетъ русскихъ мужиковъ. Это обстоятельство подало мнѣ поводъ думать, что жители г. Олонца, по всей вѣроятности, не при-

родные корелы, а пришлые русскіе, позабывшіе только свой языкъ и перенявшіе языкъ туземцевъ.

Пересѣкши весь Олонецкій уѣздъ поперекъ [1]) отъ СЗ. на ЮВ., я перевалилъ въ уѣздъ Петрозаводскій, въ которомъ въ этомъ году направился прямо на югъ, къ рѣкѣ Свири, переходя иногда въ пограничный уѣздъ—Лодейнопольскій. Исходилъ много деревень, селъ (Святозеро, Вашакова, Важенская пристань, Сигъ-наволокъ, Палгуба, Мельница, Ахпой-сельга, Маяйсельга, Каскесъ-наволокъ, Маньга, Ладва, Таржеполь, Кашкана, Мечуой-ярви, Пагачиницы) большею частью пѣшкомъ или верхомъ на лошади, потому что пути сообщенія таковы, что по нимъ въ пору только пройти или много-много проѣхать верхомъ. Представьте себѣ едва замѣтную тропинку, густо обросшую лѣсомъ и кустами; она то поднимается въ крутую гору надъ небольшимъ, но глубокимъ озеромъ-ламбой, или стремительно опускается внизъ въ болотину, гдѣ грязь никогда не высыхаетъ; вотъ она красиво извивается по сухому сосновому бору, то пробѣгаетъ по зеленой березовой рощѣ и вдругъ сразу обрывается, упрямо опершись въ рѣчку, чрезъ которую нѣтъ ни мостика, ни перевоза.

Таковы въ большинствѣ случаевъ пути сообщенія, по которымъ приходилось путешествовать. Оступись тощая пѣгашка, на спину которой приходится взбираться всякому, кто не пожелаетъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія, и полетишь куда-нибудь подъ гору съ опасностью свернуть шею, разбить голову о камни, или искупаться въ грязной болотинѣ. О быстрой ѣздѣ, конечно, и думать нечего.

И такъ, что же получилось въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по корельскому краю? Что сдѣлано мною во весь лѣтній періодъ? Мною собрано: 1) нѣсколько сказокъ и 2) легендъ; 3) нѣсколько загадокъ и пословицъ (въ добавленіе къ прошлогоднему сборнику); 4) сказанія о кладахъ и 5) нѣсколько сказаній о Литовцахъ; 6) записаны заговоры крови и змѣинаго яда (въ нѣсколькихъ экземплярахъ); 7) свадебныя причитанья Кидельскаго прих. Сердобольск. уѣзда и 8) причитанья погребальныя—добавленіе къ прошлогоднему; 9) записаны толкованія сновъ у кореляковъ; 10) собственныя имена ихъ,—корельскіе святцы, 11) примѣты на всевозможные случаи въ жизни; 12) примѣты и обычаи при воспитаніи дѣтей; 13) стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ; 14) дѣтскія пѣсенки и 15) пѣсни, приближающіяся по содержанію къ поэмамъ... Одна изъ такихъ пѣсенъ-поэмъ (женитьба «Сеппуой Илмаллинэнъ»), мною уже представлена многоуважаемому нашему пред-

[1]) Посѣтилъ дд.- Торосъ-озеро, Коткозеро, Войвазъ-ламби, Кескозеро, Зильчѣй, Нирка...

сѣдателю В. И. Ламанскому. Пѣснь записана мною со словъ крестьянки-корелки Петрозаводскаго уѣзда, д. Бородинъ-Наволока—Катерины Туру. По словамъ этой женщины, она (пѣсня) поется во время свадебъ и застраховываетъ жениха и невѣсту отъ дѣйствій всякаго колдовства. По содержанію и формѣ, пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также встрѣчаются герои Калевалы—Wäinämöien, Ilmarinnen, Iovkahainen, и описываются похожденія ихъ, въ частности Ilmarinen'а. Есть даже мѣста, которыя представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой.

Но при всемъ томъ корельская поэма не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ сравнительно съ финской эпопеей, записанной Лёнротомъ. Такъ, напр., Хидвидъ-царь и его дочь Муардѣй-Дуардѣй—въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются. И въ Калевалѣ, правда, въ одной изъ рунъ описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но описывается нѣсколько въ другомъ видѣ и иными чертами, и Вяйнэмѣйнэнъ (какъ помнится) не является, какъ здѣсь (въ корельск. поэмѣ) врагомъ Илмаринена и не строитъ ему козней. Пѣснь на корельскомъ языкѣ изложена звучными стихами, одинаковаго размѣра съ Калевалой, и читается очень легко, аллиттерація въ ней встрѣчается довольно часто (подробнѣе см. самую пѣснь) [1]).

А теперь кстати я считалъ бы не лишнимъ познакомить почтенное собраніе, хотя въ краткихъ чертахъ, съ тѣми пріемами воспитанія дѣтей (разумѣю—въ самый ранній періодъ), которыя и до сихъ поръ практикуются въ Олонецкой Кореліи. Пусть это сообщеніе будетъ малой частицей изъ того, что мною собрано и записано по этому предмету во время лѣтнихъ странствованій.

Дѣти въ Корелѣ ростутъ такъ же свободно, на волѣ, какъ только можетъ рости дикое растеніе въ лѣсу или крапива на задворкѣ. Они, послѣ того какъ минетъ 3—4 первыхъ года, рѣшительно предоставляются самимъ себѣ, и на родителяхъ лежитъ лишь болѣе легкая обязанность — доставлять имъ хлѣбъ и кой-какую одежишку, которая въ рѣдкихъ случаяхъ грѣетъ, а обыкновенно только прикрываетъ тѣло отъ нескромнаго глазу. Бѣгающій ребенокъ считается уже настолько взрослымъ, что родители не опасаются оставлять его одного дома, уходя сами въ лѣсъ на работу. И не знаетъ корельское дитя никакихъ мамокъ и нянекъ, проказитъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонетъ въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлыя селенія.

Но за то въ первые годы своей жизни, особенно пока не отростутъ зубы, много съ нимъ горя и хлопотъ бѣдной матери... Оберегать отъ худого

---

[1]) См. IV вып. Ж. Стар. 1893 г. Отд. II, стр. 541—553.

глаза и лѣчить отъ всевозможныхъ болѣзней, начиная отъ чесотки и кончая «призоромъ», кормить грудью и убаюкивать въ люлькѣ по ночамъ — все это лежитъ на матери, которая и днемъ, какъ здоровый человѣкъ, не сидитъ сложа руки: она на равнѣ съ другими членами семьи должна исполнять всѣ работы около дома и въ лѣсу. «Охъ ужь эти мнѣ дѣти..., говоритъ иная баба, раждающая ежегодно по ребенку,—совсѣмъ измучилась съ ними, ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою»... и такимъ образомъ Божье благословенье для нея обращается въ чистое проклятіе.

Періодъ беременности, какъ извѣстно, и для корельской женщины продолжается около девяти мѣсяцевъ. Но если же случится, что упрямому ребенку и послѣ этого срока почему-либо не захочется выходить на бѣлый свѣтъ изъ матерней утробы, то у кореляка на этотъ случай есть очень хорошее средство. Стоитъ только беременной женщинѣ насыпать овса въ задній подолъ рубашки и, слегка наклонившись впередъ, скормить его лошади, и ребенокъ волей-неволей долженъ будетъ оставить насиженное мѣсто и съ крикомъ недовольства увеличитъ собою корельскую семью въ качествѣ ея новаго члена. Если же и это средство окажется недѣйствительнымъ, то тогда прибѣгаютъ къ самому крайнему, самому варварскому, что можетъ случиться только въ корелѣ: родильницу привѣшиваютъ къ «orsi-puu» (продольныя и поперечныя перекладины отъ одной стѣны къ другой, на которыхъ кореляки сушатъ сѣти, лучину и одежду), съ силой нажимаютъ животъ и такимъ способомъ выдавливаютъ упрямаго ребенка.

Для родильницы уступаютъ въ избѣ цѣлый уголъ и огораживаютъ его кой-какимъ тряпьемъ—въ видѣ занавѣски. Окно противъ этого угла также глухо законопачивается—платками, кафтанами и овчинными шубами. «Розониччу»—родильница лежитъ въ углу на соломѣ и слегка стонетъ; слабый стонъ является какой-то необходимой принадлежностью каждой родившей женщины: «А не равно кто войдетъ въ избу и, не слыша стоновъ, подумаетъ: вотъ вѣдь родила, и хоть бы что. Ни одного стона... А этимъ, извѣстно, легко и сглазить».

Пуповину у ребенка въ большинствѣ случаевъ обрѣзываетъ какая-нибудь мѣстная старушенка, искусная во всякаго рода колдовствахъ и знахарствахъ. Отрѣзанную пуповину бросаютъ прямо во дворъ, въ уголъ, и рѣдко когда даютъ себѣ трудъ закопать ее въ навозъ.

«А зачѣмъ закапывать? спрашиваетъ кореякъ.— Свинья все равно съѣстъ, долго валяться не будетъ... Свинья тоже для себя старается, ей вѣдь,— «веро»—обѣдъ будетъ»...

Самый пупокъ обвязываютъ волосами родильницы или прядями льна,

которыя были вплетены въ ея косы во время вѣнчанія, и только рѣдко-рѣдко когда простыми нитками. Завязать хорошо, удачно пупокъ считается большимъ мастерствомъ, и не каждая бабка возьмется за это дѣло. Часто случается такъ, что завязанный пупокъ снова развязывается, и ребенокъ истекаетъ кровью. «Когда родила я перваго ребенка, разсказывала одна корелка, пригласила «бабничать» (буабимаһъ) Вахрамѣевну. Тогда что еще знала?.. Ничего... Долго вѣрила тому, что ребенокъ выходитъ изъ пазухи... Ну, такъ вотъ и пригласила я эту Вахрамѣевну... Она у меня тутъ «бабничала», мыла ребенка, пупокъ обрѣзывала.. Говорю ей: Вахрамѣевна, покажи-ка ребенка?. Какъ погляжу я, такъ пеленки у ребенка, что брусничнымъ сокомъ облиты, а самъ ребенокъ сталъ какъ бѣлая скатерть».

— И умеръ у тебя ребенокъ?..

«Какже... тѣмъ же днемъ и умеръ»...

Чрезъ нѣсколько дней, обыкновенно, выпадаетъ пупокъ, отрываясь по тому самому мѣсту, гдѣ былъ перевязанъ волосами или ниткой.

Пупокъ, по воззрѣніямъ кореляковъ, имѣетъ весьма важное значеніе для каждаго человѣка. Умъ человѣка находится въ таинственной тѣсной связи съ нимъ, а потому его не бросаютъ «зря» куда-попало, какъ пуповину, но прячутъ его въ особыя укромныя мѣста и тщательно хранятъ въ продолженіи всей жизни. Обыкновенно, его запихиваютъ подъ потолочную балку и строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь не крянулъ: «крянулъ пупъ ребенка, крянулъ его умъ, навѣкъ сдѣлалъ его несчастнымъ» (liikutid lapsen njaban, liikutid hänen milen, igäks asuid osatuoiks).

Окрестить ребенка—не слишкомъ-то торопится корелякъ, въ особенности если первый кое-какъ здоровъ и не внушаетъ опасности умереть съ часу на часъ. Проходитъ недѣли 3—4 или даже мѣсяцъ—другой, тутъ только онъ ѣдетъ за своимъ «pappi»—священникомъ и привозитъ его на домъ «lapsi, valatattai», т. е. буквально—облить ребенка. Крещеніе въ Корелѣ не считается за фактъ особенной важности, и совершается оно безъ всякой праздничности и торжественности. Часто семейные въ самый день крестинъ уходятъ въ лѣсъ на работы, и остаются дома только родители—отецъ и мать ребенка, но и они не присутствуютъ при самомъ обрядѣ крещенія: отецъ, чтобы отъ этого не сдѣлалось плаксивымъ дитя, а мать, потому что считается еще нечистой. Ребенка погружаютъ въ ушатъ или квашню, въ которой въ обычное время мясятъ тѣсто.

Кумъ и кума механически, безъ всякаго, смысла повторяютъ за священникомъ «символъ вѣры», слова отреченія отъ сатаны и дуютъ и плюютъ на прогоняемаго діавола. Когда ребенка погружаютъ въ купель,—обращаютъ

вниманіе на то, въ какомъ положеніи находится его тѣло: если ребенокъ выпрямился—значитъ скоро умретъ, а если скорчился, собрался въ комокъ—это вѣрный признакъ къ жизни... На шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ со множествомъ различныхъ амулетовъ, которые совершенно закрываютъ собою символическій знакъ христіанства. Между ними чаще всего встрѣчаются: ртуть (elāv artu—живая ртуть), зашитая въ холщевую тряпочку; она, по мнѣнію кореляковъ, охраняетъ тѣло отъ различныхъ накожныхъ сыпей; цвѣтъ ржи, который будто бы привлекаетъ къ ребенку симпатіи окружающихъ; медвѣжій коготь, чтобы ребенокъ не былъ боязливъ и робокъ; кусочекъ кожи съ вырѣзанной на немъ пятиконечной звѣздой, — отъ дѣйствій «paha»—нечистаго, и наконецъ, высушенная мошонка кастрированнаго кота, какъ предохраняющее средство отъ грыжи.

Мѣстомъ, гдѣ спитъ ребенокъ, служитъ колыбель—люлька, по корельски «кяткюдъ». Кяткюдъ дѣлается изъ осиноваго дерева и сшивается ивовыми прутьями. Въ ней вы не найдете ни одного гвоздика, ни винтика,—ничего, что бы напоминало о металлѣ. Она, обычно, деревяннымъ крюкомъ прицѣпляется къ «оцѣпу»—длинному березовому колу, воткнутому въ желѣзное кольцо подъ самымъ потолкомъ. «Кяткюдъ» виситъ на веревкахъ и можетъ раскачиваться въ двухъ направленіяхъ: сверху внизъ и изъ стороны въ сторону. Для удобства раскачиванія съ боку привязываютъ веревку въ формѣ петли. Въ эту-то петлю продѣвается нянькой нога, и люлька свободно, по желанію, раскачивается въ разныя стороны. И сидитъ себѣ за такой люлькой ветхая старушка въ роли няньки... Слезящіеся ея глаза не видятъ уже продѣть нитки въ ушко иглы, дрожащія руки то и дѣло спускаютъ со спицъ петли чулка... Куда она годится?.. Какую работу она можетъ исполнять?.. А пусть лучше сидитъ за люлькой и качаетъ ребенка... И убаюкиваетъ его она, день-деньской, напѣвая своимъ беззубымъ морщинистымъ ртомъ безконечныя пѣсенки:

Мянинъ, мянинъ мягелэ,
Тулинъ, тулинъ тойжелэ,
Тули кахту-колматту,
Тули Тійту вастаhъ...
Ой, синä Тійту,
Суа сина калуа;
Синунъ лапсэдъ нялгяhъ куолтиhъ...
Тійту калуа эй суа
Тійтанъ лапсэдъ нялгяhъ куолтиhъ... [1])

---

[1]) Здѣсь мною приводится только отрывокъ пѣсни.

Не весела эта дѣтская пѣсенка какъ по напѣву, такъ и по содержанію. не радости и утѣхи сулятся въ ней подростающему ребенку, не счастливая доля рисуется въ ней заманчивыми чертами, а та же скудная корельская природа и тяжелая жизнь съ голодухами и нуждой.

Пошелъ я на гору,
Пришелъ на другую,
И повстрѣчался дорогой я съ Титомъ...
«Ой, Титъ, Титъ!
Иди рыбу ловить:
Вѣдь не то твои дѣти
Съ голоду умрутъ»...
Титъ рыбы не ловитъ,
Его дѣти съ голоду умираютъ...

Ограничиться однимъ простымъ устройствомъ люльки—опытный корелякъ считаетъ весьма недостаточнымъ. Убрать её, умѣло обращаться съ ней—опять нужно знаніе (tiedo) и ветхія старушонки и на этотъ разъ сохранили свои примѣты. Онѣ говорятъ, что самое лучшее въ люльку, подъ изголовье ребенка, положить «комель» отъ того вѣника, которымъ парилась мать ребенка въ первыя три бани послѣ родовъ. Многіе кладутъ туда же по кусочку обожженнаго камня и привязываютъ его къ комелю конопляной ниткой, а нѣкоторые еще привѣшиваютъ сверху надъ ребенкомъ медвѣжій коготь. И вотъ, когда люлька снабжена такими предохранительными средствами, къ ребенку не можетъ пристать ничто худое. Если ребенка почему-либо снимутъ вонъ изъ люльки, послѣдняя не оставляется пустою: въ нее непремѣнно нужно положить вѣникъ или еще лучше сапоги матери. А оставь-ка такъ люльку, не замѣтишь вѣдь, какъ нечистый «paha» устроитъ какую ни-на-есть пакость: заберется въ люльку самъ или подложитъ въ нее свое паршивое дѣтище...

Не вынесутъ также ребенка изъ дому на улицу какъ-нибудь просто, безъ всякихъ примѣтъ. Опытная мать, выходя изъ избы, непремѣнно ужь мазнетъ мизинцемъ правой руки надъ устьемъ печи и сдѣлаетъ сажей знакъ—пятнышко на лбу или за ухомъ ребенка,—это необходимо, чтобы не сглазилось дитя.

Кормится ребенокъ на первыхъ порахъ молокомъ матери. Подавая грудь, мать должна взять её всей рукой, а захвати-ка почему-либо она двумя или тремя пальцами, значитъ она не желаетъ полнаго счастія своему ребенку.

Но какая-такая найдется мать, которая не пожелала бы полнаго счастья своему родному дитяти?! Она не только сама желаетъ этого всѣмъ своимъ существомъ, но постарается, чтобы и отецъ любилъ его и заботился о немъ. А сдѣлать это, по мнѣнію корела, очень легко. Стоитъ только новорожденнаго тотчасъ послѣ родовъ завернуть въ отцовскую рубаху, и всѣ симпатіи послѣдняго перейдутъ на ребенка. И эта примѣта строго исполняется даже и въ томъ случаѣ, когда роды происходятъ въ лѣсу, во время самой работы. Отецъ ребенка съ пресерьезнымъ видомъ снимаетъ съ себя рубаху и отдаетъ ее въ пеленки своему дѣтищу, а самъ или остается нагимъ, или натягиваетъ свой зудящій кафтанъ на голое тѣло.

Такъ ребенокъ (какъ я уже сказалъ) на первыхъ порахъ кормится грудью своей матери. Но такая пища не всегда можетъ быть предлагаема аккуратно. Мать на 3-й или 4-й день послѣ родовъ уже считается совершенно здоровой и волей-неволей должна участвовать во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Ребенокъ остается дома, а мать уходитъ въ лѣсъ на цѣлый день, а иногда (и это очень часто) и на цѣлую недѣлю—«yö kunsih», съ ранняго утра понедѣльника и до поздняго вечера субботы, и во весь этотъ долгій промежутокъ она ни разу не имѣетъ возможности навѣстить его. Чѣмъ же тогда кормятъ ребенка? Кормятъ всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками. Поятъ коровьимъ молокомъ, кормятъ ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, толокняной кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ,—словомъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ питаться невзыскательная утроба взрослаго кореляка.

Безъ сомнѣнія, конечно, такая пища вредно дѣйствуетъ на нѣжную организацію ребенка: ребенокъ хирѣетъ, худѣетъ и становится «въ чемъ душа». Изъ раскачивающейся люльки только и слышится рѣзкій пискъ ребенка голоднаго, страдающаго хроническимъ разстройствомъ желудка. Но нянькѣ до этого очень мало дѣла. Она знаетъ свою обязанность—раскачиваетъ ногой люльку изъ стороны въ сторону и, въ случаѣ только сильнаго, очень сильнаго плача втыкаетъ въ ротъ соску, чтобы чѣмъ-нибудь хоть угомонить неспокойнаго крикуна. «Да задавись хоть на минуту,а то всѣ уши сквозь прокричалъ... У... «Pädemätöi—негодный». Ребенокъ чуть не захлебывается молокомъ, неожиданно вливающимся въ его кричащую глотку. На минуту другую замолкаетъ и опять снова начинаетъ кричать съ удвоенной силой.

И болѣетъ же однако корельское дитя, чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Не даромъ и не безъ мукъ онъ, бѣдняга, завоевываетъ себѣ право существованія среди угрюмой, непривѣтливой сѣверной природы. На первыхъ же порахъ корельское дитя сни-

таетъ какимъ-то долгомъ заболѣть отъ «дурнаго глаза» (paha silme), призору, «съ вѣтру» (tuules), «съ лѣсу» (мечясъ), отъ воды (ведэсъ) и отъ всевозможныхъ дѣйствій «paha» (нечистаго), который почему-то сильно возненавидѣлъ безпомощнаго кореляка. Болѣетъ ребенокъ, плачетъ, худѣетъ, не спитъ по ночамъ и причиняетъ массу безпокойства бѣдной матери, умаявшейся за день за тяжелой каторжной работой сѣверянина. Что же тогда предпринимаютъ родители и, въ частности, мать, когда ихъ дитя мучится, не знаетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью? Есть множество примѣтъ и средствъ, которыя постепенно изобрѣтала многовѣковая жизненная борьба среди этой суровой сѣверной природы,—средствъ, помогающихъ, по мнѣнію корела, во всякихъ болѣзняхъ и нездоровьяхъ.

Сглазилось, примѣрно, дитя, его несутъ въ жарко натопленную баню и продѣлываютъ надъ нимъ всевозможныя манипуляціи: парятъ, мѣряютъ, обливаютъ водой, повертываютъ внизъ головой подъ банной матицей, просовываютъ межъ ноги матери и многое множество другихъ средствъ. Обыкновенно, повертываніе внизъ головой подъ банной матицей происходитъ такимъ образомъ. Вымывъ и выпаривъ ребенка на жаркомъ полкѣ, мать или бабка беретъ его за ноги и буквально повертываетъ внизъ головой такъ, чтобы онъ пятками могъ коснуться сажанной банной матицы. «Спи, произноситъ при этомъ бабка, спи, какъ матица, не знай ни приходящихъ (въ избу), ни уходящихъ» (магада ку кӥлюнъ селге, ӓлӓ тіедӓ ни туліядъ, ни мӓніядъ). И такую эквилибристическую штуку, которая была бы въ пору любому аккробату, заставляютъ ребенка продѣлывать до трехъ разъ

Заболѣлъ ли ребенокъ съ вѣтру, его кладутъ въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ,—«пусть молъ, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь, какъ рукой сниметъ». Спризорилось ли дитя, его обдаютъ водой, приготовленной особымъ образомъ. Приносятъ съ рѣки или озера воду, которую разбавляютъ въ три горшка. Водой перваго горшка моютъ иконы, втораго столъ (только углы его), а водою третьяго оконныя стеклы и дверную скобку. Этой-то водой и обливаютъ ребенка сквозь рѣшето подъ дымовымъ отверстіемъ трубы. Не заспитъ ли почему-либо ребенокъ по ночамъ, то и противъ этого есть средство, которое, по мнѣнію кореловъ, очень хорошо, помогаетъ. Къ люлькѣ ребенка, если то будетъ мальчикъ, привязываютъ сѣть, только что начатую вязать, Если же дитя женскаго пола, то кладутъ прялку съ пучкомъ льна и воткнутымъ веретеномъ,—пусть, молъ, «йӧнъ иткеттӓй» —ночью заставляющій плакать ребенка,—пусть-молъ занимается работой и не мѣшаетъ младенцу спать. Хорошо также помогаетъ въ этомъ случаѣ, если на окнахъ и на порогѣ

дверей разставить ножи остріемъ вверхъ: «тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побоится, и ребенокъ будетъ спать хорошо».

Всякая почти вещь изъ домашняго обихода въ умѣлыхъ рукахъ можетъ при случаѣ помочь болящему ребенку; даже и грязные отцовскіе порты могутъ иногда сослужить большую службу. Стоитъ только привѣсить ихъ къ люлькѣ, и ужь не сглазится тотъ ребенокъ ни какими силами. А если ту же часть мужскаго костюма повѣсить на ночь надъ дверями, то самый безпокойный ребенокъ, увѣряетъ васъ корелякъ, будетъ спать, какъ мертвецъ. Чаще всего корелякъ въ случаѣ болѣзни дитяти прибѣгаетъ къ «мѣрянью» — «пидӓвъ лапси міёрӓтӓ». Не спалъ ребенокъ спокойно ночью, испражняется ли часто подъ себя, или просто спризорился—его непремѣнно «мѣряютъ». – Самый процессъ мѣрянья происходитъ такимъ образомъ. Мѣряющая мать или старая бабка садится на порогъ лицомъ на избу и кладетъ ребенка себѣ на колѣни, животомъ внизъ, головой налѣво, а ногами направо. Затѣмъ беретъ правую его руку и лѣвую ногу и соединяетъ ихъ за спиной ребенка, отплевываясь въ тоже время чрезъ лѣвое плечо. Потомъ такимъ же точно образомъ беретъ лѣвую руку и соединяетъ съ правой ногой и отплевывается черезъ плечо. И такъ продѣлываетъ до трехъ разъ.

Но всѣ эти болѣзни, о которыхъ сейчасъ только говорили, все это еще чистые пустяки, вздоръ сравнительно съ одной, которая ежегодно по веснамъ откуда-то, Богъ вѣсть, заносится въ Олонецкую корелу. Нежеланная гостья эта—оспа, настоящее горе сѣверныхъ селъ и деревень. И представьте себѣ лѣсную деревеньку, пріютившуюся гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на берегу излучистаго озера. Жизнь обитателей идетъ смирно, спокойно за обычными работами, съ которыми сроднился вѣками Олонецкій корелъ. Ледъ на озерѣ тронулся; съ горъ потекли съ веселымъ журчаньемъ ручейки; на ивахъ показались мохнатыя почки. Въ воздухѣ потянуло тѣмъ тонкимъ ароматомъ весны, который и здѣсь на труженника корела оказываетъ благотворное вліяніе, хочется работать, хочется съ удвоенной энергіей пахать неблагодарную мать сыру землю, вырубать густые лѣса и дѣлать пожоги. Но вдругъ, неожиданно, среди одного изъ такихъ яркихъ теплыхъ дней, какъ молнія, проносится ужасная вѣсть: оспа въ деревнѣ. Останавливается сразу обычное теченіе жизни; все повертывается вверхъ дномъ и происходитъ невообразимая сутолока—паника, которую живя здѣсь, (въ городѣ), невозможно и представить. Въ каждомъ домѣ лежитъ больной, сильно разметавшись въ горячечномъ состояніи. Родители стоятъ около постели больнаго, предупреждая его малѣйшія желанія, и сами не знаютъ за что взяться, за что ухватиться, откуда ждать помощи. И это сознаніе,—сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности въ конецъ

парализируетъ медлительнаго отъ природы кореляка и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?.. Ѣхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможетъ ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка»—«Нюмаланъ руби», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства,—или отнести больнаго въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больнаго, упрашивать, чтобы дорогая гостья оспа смилостивилась, кротко обошлась бы съ больнымъ, не попортила бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала бы на вѣкъ калѣкой... И оба средства стоятъ одно другаго: первое, отличаясь какою-то неразумною дикостью, а другое отчаяніемъ, равнаго которому не скоро и сыщешь.

Но (вообразимъ лучшее) кончилась благополучно оспа, пронесъ Богъ счастливо нежеланную гостью; у ребенка постепенно начинаютъ крѣпнуть ножки, его языкъ, хотя еще шепелявитъ и картавитъ, но довольно сносно справляется съ словами и фразами, и присмотръ за корельскимъ ребенкомъ почти кончается. Дѣлай теперь онъ, что хочетъ, бѣгай по улицѣ вволю,—все это разрѣшается ему, пока семьѣ не потребуется его трудъ, пока его самого не запрягутъ вмѣстѣ съ сивкой въ соху и не заставятъ тянуть ее во всю жизнь до самой смерти.

Н. Лѣсковъ.

Примѣч. редакціи. Печальная картина этого полуязыческаго мрака и полной безпомощности Олонецкой корелы, столь недалекой отъ Петербурга, должна бы заставить призадуматься и общество и администрацію. Конечно экономическое развитіе населенія, хорошіе пути сообщенія, увеличеніе числа добросовѣстныхъ врачей, фершаловъ и акушерокъ могутъ и должны поднять внѣшнее благосостояніе этой несчастной корелы, но нужно подумать и объ удовлетвореніи ея первыхъ духовныхъ потребностей. Вывести бѣдныхъ кореляковъ изъ ихъ полуязычества можно единственно лишь систематическимъ назначеніемъ въ корельскіе приходы священниковъ и псаломщиковъ исключительно изъ кореляковъ, не стыдящихся своего происхожденія, напротивъ горячо любящихъ свой народный языкъ и свою народность, заведеніемъ возможно большаго количества школъ и церковно-приходскихъ и народныхъ, земскихъ, съ учителями опять таки изъ природныхъ корелъ, или отлично знающихъ языкъ корельскій, нужно поставить какъ можно лучше преподаваніе корельскаго языка въ Петрозаводской духовной семинаріи, равно какъ и въ той учительской семинаріи, которая должна приготовлять учителей для корельскихъ волостей Олонецкой губерніи, пересмотрѣть—и дополнить чего не достаетъ,—всѣ имѣющіеся переводы на корельскій языкъ богослужебныхъ книгъ, Евангелія... Въ этомъ отношеніи истинно-великая дѣятельность покойнаго Ильминскаго должна служить свѣтлымъ образцомъ всего нашего учебнаго вѣдомства всѣхъ краевъ Россіи, гдѣ есть инородцы...

Этнографія, этнологія не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно празднымъ собираніемъ и нанизываніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдовъ и остатковъ матріархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологіи. Задача эт-

нографіи и этнологіи состоитъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи народовѣдѣніе (этнографія и этнологія) имѣетъ великое значеніе и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ. Такъ не несчастіе и не бѣдствіе, а великое благо и богатство наше заключается въ этомъ изобиліи разныхъ инородцевъ, разсѣянныхъ по Россіи и внутри и на окраинахъ. Чѣмъ численнѣе извѣстный историческій народъ,—т. е. національность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу,—и чѣмъ болѣе этотъ народъ въ предѣлахъ своей государственной территоріи имѣетъ инородческихъ элементовъ, чѣмъ они разнообразнѣе и разнороднѣе между собою, тѣмъ оно благопріятнѣе и плодотворнѣе для гражданственности и образованности этой національности. При такомъ выгодномъ процентномъ отношеніи главнаго національнаго элемента (славянскаго, и въ немъ общерусскаго, а въ послѣднемъ великорусскаго) ко всѣмъ прочимъ инородческимъ, неславянскимъ, а часто и нехристіанскимъ, вообще самымъ разнороднымъ элементамъ, какое имѣется въ Россіи, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ опасеній за упадокъ преобладающаго значенія русскаго языка въ Россіи: чѣмъ болѣе будутъ просвѣщаться и развиваться наши разнообразные инородцы, тѣмъ болѣе, при всемъ ревнивомъ охраненіи своей народности, они будутъ нуждаться въ русскомъ языкѣ, въ русской книгѣ и принимать дѣятельное участіе въ общей русской государственной и культурной жизни. Это участіе ихъ тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ оно будетъ свободнѣе и охотнѣе, чѣмъ болѣе главный русскій національный элементъ будетъ доставлять убѣдительныхъ и наглядныхъ доказательствъ своего безбоязненнаго, вполнѣ искренняго и дружелюбнаго расположенія ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ инородческимъ элементамъ.

И съ точки зрѣнія историко-этнографической и съ точки зрѣнія государственнаго права сильно ошибаются, когда уподобляютъ, въ вопросѣ народностей, Россію, на примѣръ, Австро-Венгріи. Тамъ не одинъ, а два главныхъ руководящихъ національныхъ элемента: нѣмецкій и мадьярскій, да и процентное и политическое и культурное отношеніе нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніи къ элементамъ славянскимъ и итальянскому (въ Тиролѣ) и мадьярскаго въ Транслейтаніи къ элементамъ славянскимъ и румынскому неизбѣжно наконецъ должно привести къ значительному ослабленію Нѣмцевъ въ Цислейтаніи и Мадьяръ въ Транслейтаніи въ пользу Славянъ и Итальянцевъ въ одной и Славянъ и Румынъ въ другой.

При справедливо ожидаемомъ въ будущемъ экономическомъ и культурномъ ростѣ Россіи, никакія силы въ мірѣ не могутъ помѣшать широкому, въ ближайшія 50—100 лѣтъ, распространенію русскаго литературнаго языка внѣ предѣловъ Россіи, такъ что если не къ концу перваго, то несомнѣнно къ концу втораго полувѣка онъ станетъ мало по малу общимъ органомъ разумѣнія во взаимныхъ сношеніяхъ различныхъ Австро-Венгерскихъ народностей между собой, такъ какъ Мадьяру въ Транслейтаніи, а Нѣмцу въ Цислейтаніи будетъ несравненно легче овладѣть въ совершенствѣ однимъ, чѣмъ двумя, тремя славянскими языками (чешскимъ, польскимъ, сербохорватскимъ). Къ тому же русскимъ языкомъ въ Россіи будетъ говорить въ то время свыше 200, 300 милліоновъ людей, и знаніе его можетъ только служить чрезвычайному развитію всякаго рода сношеній западной Европы съ Россіею и съ прилегающими къ ней краями азіатскими. Между тѣмъ, соображая прошлое и настоящее, можно съ увѣренностью утверждать, что 1) Нѣмцы въ Цислейтаніи и Мадьяры въ Транслейтаніи не въ силахъ уже надолго удержать свое нынѣшнее преобладаніе надъ Славянами и Итальянцами въ одной и надъ Славянами и Румынами въ другой части Австро-Венгріи; 2) ни одинъ изъ славянскихъ языковъ, ни болгарскій, ни сербо-хорватскій, ни словѣнскій, ни польскій, ни чешскій, ни словенскій, т. е. словацкій, ни серболужицкій, словомъ ни одинъ славянскій, за исключеніемъ русскаго, ни въ ближайшемъ настоящемъ, ни въ далекомъ будущемъ не можетъ достичь значенія языка общеславянскаго и 3) знанію рус-

скаго языка предстоитъ еще самое широкое распространеніе въ Европѣ, въ Азіи, въ Америкѣ, между Германцами, Романцами и Славянами, а затѣмъ и въ остальномъ мірѣ.

Несходство, въ этомъ отношеніи, Россіи съ Австро-Венгріею раскрывается еще въ томъ, что нѣмецкая государственная стихія въ Австріи оказалась уже совершенно безсильною относительно такъ называемаго историческаго государственнаго права Мадьяръ и уже обнаруживаетъ большія колебанія по отношенію такого же историческаго права Чехіи и Поляковъ; наконецъ съ разрѣшеніемъ такъ или иначе боснійско-герцеговинскаго вопроса (вѣчно въ нынѣшнемъ положеніи онъ оставаться не можетъ) нѣмецкая государственная стихія Австріи станетъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о присоединеніи Далмаціи [1]) къ Хорватіи и Славоніи и вообще съ очень мудренымъ вопросомъ сербохорватскимъ. Послѣ долгаго сопротивленія, нѣмецко-австрійскій элементъ какъ будто вынужденъ согласиться на введеніе славянскаго богослуженія (съ глаголическими книгами) въ Загребскомъ діоцезѣ. Это уже будетъ большой ударъ для распространенія нѣмецкой католической культуры на славянскомъ югѣ, хотя это введеніе въ значительной степени и направлено противъ сербовъ православныхъ, но оно ожидаемаго успѣха теперь уже имѣть не можетъ,—окатоличить Риму и Австріи Сербовъ уже не удастся,—у Славянъ же католиковъ со славянскимъ богослуженіемъ, гдѣ позже, гдѣ раньше, непремѣнно поднимутся вопросы объ уничтоженіи обязательнаго целибата бѣлаго духовенства, о введеніи чаши для мірянъ въ св. таинствѣ причащенія, о наибольшей независимости мѣстнаго епископата отъ Рима и т. д.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ стоитъ въ Россіи главный русскій элементъ къ разнымъ историческимъ притязаніямъ своихъ инородцевъ: балтійскихъ Нѣмцевъ, привислинскихъ Поляковъ (съ ихъ идеею возстановленія старой Рѣчи Посполитой отъ моря до моря, съ Литвою и Малою и Бѣлою Русью), Армянъ, казанскихъ, астраханскихъ и сибирскихъ Татаръ съ ихъ воспоминаніями о прежнихъ царствахъ... Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, безъ вниманія, имѣетъ ли она свои привилегированныя сословія, свою развитую старую культуру, или не имѣетъ, главный русскій элементъ можетъ и долженъ спокойно признавать права родныхъ языковъ въ ихъ богослуженіяхъ и религіозныхъ поученіяхъ, въ народной школѣ (чѣмъ культурнѣе народъ и край, тѣмъ легче можно вводить и обязательное обученіе русской грамотѣ и языку, а не преподаваніе въ народной школѣ на русскомъ языкѣ), само собой, въ семьѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ театрахъ и въ литературѣ. За исключеніемъ же Финляндіи, гдѣ преобладаетъ почти однородное населеніе, во всѣхъ другихъ краяхъ Россіи, гдѣ по смѣшанности населенія, напр. въ Польскомъ краѣ, съ его множествомъ Евреевъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ и Русскихъ, или въ юго-восточныхъ краяхъ Имперіи, гдѣ, сверхъ смѣси нарѣчій, и самые языки недостаточно культурны, всѣ среднія и высшія училища казенныя или хотя бы частныя, но съ государственными правами, могутъ быть только или вполнѣ или преимущественно русскими [2]). Вообще же въ Россіи, не какъ въ Австро-Венгріи, а какъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, въ сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, есть и можетъ быть только одинъ языкъ государственный, національный. Въ Россіи есть различныя народности съ различными народными языками, а иногда и съ областными автономными правами, но строго говоря одна только политическая національность и одинъ лишь націо-

[1]) Когда же Далмація соединится съ Хорватіею, то во флотѣ австрійскомъ уже нельзя будетъ удержать языка нѣмецкаго.

[2]) Какъ я уже однажды писалъ, въ среднихъ польскихъ училищахъ и въ Варшавскомъ университетѣ слѣдуетъ допустить или ввести необязательное преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, сверхъ закона Божьяго, на польскомъ языкѣ, напр. польскаго языка, литературы, исторіи Польши. Желательно наконецъ въ интересахъ справедливости,—слѣдовательно строго государственныхъ,—и въ интересахъ просвѣщенія—образованіе польской археографической коммисіи въ Варшавѣ для изданія источниковъ и памятниковъ польской исторіи, языка, литературы, церкви, искусства, права.

нальный языкъ. И эта національность и этотъ національный языкъ—единственная славянская національность и единственный въ мірѣ славянскій языкъ съ правами на значеніе не только общеславянскаго, но и міроваго языка.

Такимъ образомъ невозможное въ Австро-Венгріи примиреніе христіанскихъ, гуманныхъ началъ благоволенія и уваженія ко всѣмъ народнымъ разновидностямъ съ интересами государственнаго единства вполнѣ возможно и легко можетъ быть примѣнено въ Россіи. Полное осуществленіе этого идеальнаго, чисто-христіанскаго требованія въ высшей степени желательно для Россіи и можетъ быть для нея только плодотворно въ отношеніяхъ государственномъ и культурномъ [1]). Неизбѣжно ведя искусственный австро-венгерскій конгломератъ къ естественному разложенію и распаденію, оно будетъ только тѣснѣе связывать и крѣпче сплачивать разнородныя части и дальнія окраины Россіи съ ея главнымъ русскимъ ядромъ или тѣломъ.

Мы не смѣемъ сомнѣваться, что приведенное выше требованіе начала истиннаго благоволенія и справедливости ко всѣмъ безъ различія инородческимъ элементамъ нашимъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ станетъ у насъ въ Россіи общесознанною необходимостью. Всякое дружное стремленіе къ новому частному примѣненію высокихъ христіанскихъ началъ и идеи правды возвышаетъ характеры, поднимаетъ общественный духъ и строй, а возвышеніе и усиленіе общественной нравственности, всякое торжество христіанскихъ началъ въ жизни общественной и государственной только служатъ къ укрѣпленію здороваго государственнаго порядка. Не пренебреженію ли и не нарушенію ли этихъ началъ обязано появленіе и развитіе анархизма съ его бомбами въ современной Европѣ?

Рѣшительное отрицаніе возстановленія исторической Польши (такое отрицаніе тѣмъ естественнѣе и обязательнѣе для насъ, что историческая Польша есть отрицаніе единства русскаго народа,—къ тому же это возстановленіе совершенно неисполнимо, невозможно) и полное признаніе съ нашей стороны этнографической Польши, какъ одной изъ славянскихъ разновидностей, рано или поздно примиритъ съ Россіею огромное большинство всѣхъ Поляковъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ. Только въ связи съ единственнымъ великимъ славянскимъ государствомъ можетъ обезпеченно жить и мирно развиваться польская народность. Безъ промышленности ей нѣтъ будущаго, а польская промышленность никогда не достигнетъ широкаго развитія ни въ Пруссіи, ни въ Австро-Венгріи. Только въ Россіи и съ Россіею можетъ преуспѣвать промышленность польская и завоевывать себѣ новые рынки въ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ Азіи.

Русскому народовѣдѣнію по изученію всѣхъ русскихъ инородцевъ предстоитъ огромное поприще и громадное будущее: антропологія, лингвистика, филологія, исторія въ самомъ широкомъ объемѣ—этнологическая (или историческая этнологія), церковная, политическая, исторія права, искусствъ, литературы и пр. и пр.,—художества изобразительныя, музыка, поэзія пріобрѣтутъ громадный запасъ новыхъ данныхъ, новые кругозоры, методы и пріемы, несказанно такимъ образомъ обогатятъ русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность. Но для успѣховъ русскаго народовѣдѣнія необходимо намъ въ себѣ воспитать любовное вниманіе и уваженіе ко всѣмъ инородцамъ безъ различія, какъ бы иные изъ нихъ ни стояли низко на ступеняхъ культурнаго развитія. Нужно, чтобъ у всѣхъ у нихъ была своя грамотность, свое духовенство, свои народные учителя, отлично знающіе ихъ языки. И никогда не надо забывать, что одни собственно русскіе ученые, безъ помощи и предварительныхъ работъ мѣстныхъ уро-

---

[1]) Для того конечно надо подумать не объ однихъ русскихъ губерніяхъ съ многочисленнымъ дворянствомъ, но и о совершенно запущенномъ нашемъ европейскомъ сѣверѣ: губерніяхъ Олонецкой, Вологодской, Архангельской, цѣлыхъ уѣздахъ Новгородской, столь бѣдныхъ хорошими путями сообщеній, медицинскою помощью, духовенствомъ и всякими образовательными средствами—какая скудость народныхъ и среднихъ школъ и ни одного высшаго, хотя бы какого нибудь спеціально-техническаго, морскаго, комерческаго—для такого даровитаго населенія.

женцевъ, природныхъ знатоковъ и наблюдателей, въ этомъ отношеніи немного могутъ сдѣлать. Только когда завяжутся и укрѣпятся искреннія дружественныя сношенія великихъ и малыхъ центровъ русской образованности съ самыми глухими углами, захолустьями и окраинами русскаго инородческаго міра, когда тамъ на пріѣзжаго русскаго будутъ смотрѣть не какъ на носителя часто непонятныхъ приказаній или сборщика всякихъ правыхъ и неправыхъ податей и даней, но какъ на благожелательнаго согражданина и друга, можно и должно ожидать крупныхъ успѣховъ русскаго народовѣдѣнія по части изученія русскихъ инородцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и столь желательнаго внѣшняго и внутренняго ихъ развитія, распространенія между самыми отсталыми изъ нихъ грамотности и образованія и появленія изъ ихъ среды даровитыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, вполнѣ преданныхъ русскому отечеству.

Есть одно обстоятельство, на которое нельзя перестать указывать, когда идетъ рѣчь объ инородческомъ вопросѣ въ Россіи и тѣсно всегда съ нимъ связанномъ русскомъ просвѣщеніи. Есть одна у насъ великая преграда развитію русской науки, образованности и достиженію того мѣста и значенія, какое русскому языку подобаетъ, по историческому и міровому положенію русскаго государства и по дарованіямъ русскаго народа. Пока одно изъ нашихъ крупныхъ государственныхъ ученыхъ учрежденій будетъ съ достойнымъ сожалѣнія упорствомъ продолжать печатать труды своихъ членовъ и постороннихъ ученыхъ на нѣмецкомъ языкѣ, до тѣхъ поръ каждый русскій инородецъ въ правѣ говорить русскимъ и всякій нѣмецъ и мадьяръ австрійскимъ славянамъ: «оставьте, господа, ваши толки о русскомъ языкѣ и народѣ, какъ о величинахъ историческихъ, міровыхъ. Русскіе сами у себя дома непризнаютъ за русскимъ языкомъ права и возможности служить органомъ высшаго знанія. Первое ихъ офиціальное ученое учрежденіе считаетъ невозможнымъ обходиться безъ нѣмецкаго языка при изданіи своихъ бюллетеней и мемуаровъ. Такимъ образомъ и въ славянской Россіи славянскій т. е. русскій элементъ пригнетается, подчиненъ нѣмецкому, одному изъ инородческихъ элементовъ въ Россіи, уже лѣтъ сто слишкомъ облюбованному, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, Петербургомъ, хотя этого петербургскаго пристрастія, вполнѣ впрочемъ понимая его причины, Россія никогда не раздѣляла и раздѣлять не можетъ. Не смѣшно ли, говорятъ Остзейскіе нѣмцы, вы выводите нѣмецкій языкъ изъ Дерптскаго университета, Дерптъ переименовываете въ Юрьевъ, а сама ваша Академія Наукъ, высшее центральное ученое учрежденіе, по большинству членовъ уже русская, продолжаетъ строго держаться нѣмецкаго языка въ своихъ изданіяхъ».

Со всѣми этими возраженіями нельзя не согласиться. Если въ самомъ дѣлѣ такъ нужны нѣмецкія академическія изданія, то почему бы не обратить и всѣ наши университеты въ нѣмецкіе и всѣ наши ученыя общества не заставить печатать свои труды по нѣмецки?

Мы знаемъ, что даже нѣкоторые академики изъ русскихъ настаиваютъ на необходимости изданія на казенный счетъ своихъ трудовъ по нѣмецки, иначе, молъ, дѣлаемыя русскими учеными о т к р ы т і я остаются Европѣ неизвѣстными.

Это слово о т к р ы т і е слишкомъ громкое слово. Истинныя открытія дѣлаются рѣдко да и не всегда академиками и черезъ академіи, разумѣемъ и не одну нашу, а всѣ въ мірѣ. Довольно если употребимъ тутъ слово н а х о д к а или н о в о е н а б л ю д е н і е. Особеннаго несчастія для науки, человѣчества произойти не можетъ, если напечатанное въ русскомъ изданіи какое нибудь ботаническое изслѣдованіе станетъ извѣстнымъ за границею нѣсколькими недѣлями или мѣсяцами позже. Во многихъ наукахъ и даже вѣроятно во всѣхъ бывало, бываетъ и будетъ еще не разъ, что иное замѣчательное изслѣдованіе, напечатанное на любомъ изъ самыхъ распространенныхъ языковъ, по годамъ оставляется безъ вниманія, проходитъ незамѣченнымъ. И такіе случаи часто повторяются съ трудами оригинальными особенно не успѣвшихъ еще пріобрѣсть себѣ громкой репутаціи молодыхъ ученыхъ или ученыхъ и не молодыхъ, но не привыкшихъ прибѣгать ни къ какимъ рекламамъ. Наши академики имѣютъ уже и то преимущество передъ остальными русскими учеными, что у нихъ всегда въ распоря-

женіи казенная типографія и бумага. Остальнымъ не мало приходится хлопотать о средствахъ и о мѣстѣ напечатанія своихъ работъ. Теперь благодаря Бога не только съ каждымъ десятилѣтіемъ, но можно сказать съ каждымъ пятилѣтіемъ прибываетъ у насъ число способныхъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Почему же ихъ изслѣдованія всегда менѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ труды академиковъ или тѣхъ? кого они академіи представляютъ? И отчего государство должно отпускать суммы на переводы съ русскаго на иностранные языки для однихъ ученыхъ, а для другихъ нѣтъ. Въ Европѣ не немногіе русскіе ученые и писатели пользуются извѣстностью, часто очень широкою, а между тѣмъ ни они сами, ни государство шагу не дѣлали о переводѣ ихъ на языки иностранные: Пушкина, Гоголя, Толстаго, Достоевскаго иностранцамъ понимать гораздо труднѣе, чѣмъ труды русскихъ географовъ, математиковъ, натуралистовъ и пр. и пр. Однако въ Европѣ на разныхъ языкахъ выходятъ переводы нашихъ поэтовъ, романистовъ и цѣликомъ или въ извлеченіяхъ изслѣдованій разныхъ русскихъ ученыхъ безъ всякаго посредства, рекомендаціи или покровительства нашей Академіи. Число образованныхъ и ученыхъ людей въ Европѣ со знаніемъ русскаго языка не такъ уже мало, чтобы въ спеціальныхъ европейскихъ журналахъ не могли являться, да и являются сообщенія о русскихъ книгахъ или статьяхъ. На западѣ пребываетъ постоянно значительное количество русскихъ подданныхъ, настоящихъ или бывшихъ, изъ природныхъ русскихъ, евреевъ, нѣмцевъ, поляковъ, людей образованныхъ и спеціалистовъ, живущихъ литературнымъ трудомъ. Наконецъ состоящіе же при Академіи или нанимаемые въ Петербургѣ нашими академиками переводчики могли бы получать такіе же заказы изъ Европы для передачи ей в с ѣ х ъ о т к р ы т і й нашихъ академиковъ и вообще сотрудниковъ академическихъ бюллетеней и мемуаровъ. Пусть даже Академія, если ужъ такъ нужно, даетъ на руки академиковъ или излюбленныхъ ею ученыхъ средства на переводы и на изданіе ихъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ, но пусть такія изданія носятъ частный характеръ. Русскому государственному ученому учрежденію просто не прилично печатать офиціальныя свои изданія на языкѣ нѣмецкомъ, ибо тѣмъ унижается честь и достоинство русскаго языка и народа. Теперь ясно это уже не немногимъ, а вскорѣ будетъ понятно и массамъ. Россіи отъ того пользы мало, что Академія состоитъ изъ русскихъ членовъ. Нужно, чтобы она непосредственно подымала и достойно представляла высшее русское знаніе. Наука—великая сила, и русское государство можетъ и должно тратить на нее большія деньги на честь и славу, на обогащеніе и возвеличеніе русской литературы, русскаго языка, а не языка нѣмецкаго. По историческимъ судьбамъ нѣмецкій языкъ есть языкъ:—1) великаго сосѣдняго намъ высококультурнаго пятидесятимилліоннаго народа, несравненно болѣе насъ богатаго, имѣющаго свою имперію, свои государства, которыя давно заботятся о процвѣтаніи родной литературы и науки, 2) великой сосѣдней намъ военной державы, главы Тройственнаго Союза, 3) родной языкъ одной изъ нашихъ инородческихъ стихій, наболѣе нуждающихся въ вольномъ и невольномъ признаніи за русскимъ языкомъ значенія культурнаго и государственнаго, 4) языкъ старыхъ притѣснителей и угнетателей значительной части соплеменнаго намъ Славянства, гдѣ русскій языкъ призванъ постепенно расшатывать и вытѣснять господство и преобладаніе языка нѣмецкаго. Нѣмецкія же изданія на русскія деньги служатъ важнѣйшимъ препятствіемъ такому желанному для Россіи распространенію русскаго языка среди родственныхъ ей Славянъ, наносятъ тяжкія раны русскому самосознанію, стѣсняютъ его развитіе, роняютъ нравственный авторитетъ русскаго языка и народа передъ нашими инородцами, западными славянами, мадьярами, нѣмцами и пр., наконецъ питаютъ и поддерживаютъ въ Россіи, къ несчастію, слишкомъ у насъ и безъ того закоренѣлое, предубѣжденіе и неуваженіе къ русской мысли и литературѣ во всемъ ея широкомъ значеніи.

Изъ года въ годъ[1]).

(Описаніе круговорота крестьянской жизни въ с. Усть-Ницынскомъ Тюменскаго округа).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Село Усть-Ницы, какъ показываетъ самое названіе, лежитъ при устьѣ рѣки Ницы на правомъ берегу ея при впаденіи въ р. Туру. Оно находится въ 73 верстахъ отъ уѣзднаго города Тюмени по почтовому тракту Тюмень—Туринскъ и почти на серединѣ торговаго Тюмень—Ирбитъ. Ежегодно р. Ница разливается, выходя изъ береговъ; поэтому селеніе стоитъ не на самомъ берегу, а подальше отъ него саженъ на 100. Въ концѣ Апрѣля мѣсяца р. Ница бываетъ судоходной. Въ это время перевозятся товары изъ Ирбита въ Тюмень, закупленные во время Ирбитской ярмарки. Вода въ Ницѣ проточная, чистая и употребляется жителями въ пищу. Впрочемъ для этой же цѣли, хотя и въ меньшэй степени, служитъ «прудъ». Этотъ прудъ устроенъ на рѣчкѣ, которая въ верхнемъ теченіи называется Тарасовкой, а ниже пруда—Графовкой (отъ слова Евграфъ). Вода въ прудѣ стоячая, гнилая и для питья положительно не годная, хотя ближайшими жителями и употребляется для этой цѣли.

Село занимаетъ площадь земли, ограниченную съ одной стороны рѣками Ницой и Турой, а съ трехъ другихъ сторонъ отгороженную отъ полей «ого-

[1]) Примѣч. ред. Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитаго автора—приносимъ ему за его сообщенія глубокую нашу благодарность—будетъ безъ сомнѣнія прочтена читателями „Живой Старины" съ живѣйшимъ интересомъ. Многоуважаемый авторъ приложилъ къ ней много рисунковъ. Къ великому сожалѣнію—да проститъ онъ меня великодушно—онъ рисуетъ совсѣмъ не такъ, какъ пишетъ. Его рисунки прямо напечатаны быть не могутъ. Ихъ надо было перерисовать, но художникъ взявшійся за это дѣло, не могъ все воспроизвести, ибо многаго совсѣмъ не понялъ.—Вообще редакція признаетъ необходимость рисунковъ, но къ сожалѣнію она будетъ въ состояніи прилагать ихъ ко многимъ статьямъ или помѣщать отдѣльно съ имѣющихся уже этнографическихъ фотографій лишь тогда, когда русское общество, вопреки замалчивающимъ или хаюнцимъ Живую Старину журналамъ—русскимъ, а не иностраннымъ (благодаримъ ихъ за сочувствіе и поддержку)—станетъ относиться къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Средства журнала зависятъ отъ числа подписчиковъ, а оно должно удвоиться, дабы редакція могла постоянно помѣщать иллюстраціи.

Кстати редакція долгомъ считаетъ прибавить, что всѣ сотрудники Живой Старины,

родомъ», или изгородью. Эта, отдѣленная отъ полей площадь земли, за исключеніемъ площади, занимаемой самымъ селомъ, называется «поскотиной» и служитъ выгономъ для скота съ весны и до уборки хлѣба. Послѣ страды скотъ допускается въ поле. Село, или, какъ его называютъ, слобода состоитъ изъ трехъ улицъ, идущихъ рядомъ, и дѣлится на два «конца»—верхній и нижній. Длина слободы достигаетъ $1^1/_2$ версты. Улицы соединяются между собою проулками или закоулками и до чрезвычайности узки. Одна улица названа нижней, другая—большой и третья горной. Часть нижняго конца, отдѣленная прудомъ, носитъ названіе Забусовки. Бусъ—это мучная пыль, получающаяся на мельницѣ, отсюда глаголъ забусить и названіе забусовка.

Въ настоящее время слобода заселена государственными крестьянами. Основаніе ея относится къ 1645 году. Въ этомъ именно году сибирскій митрополитъ, вслѣдствіе данной ему Московскимъ царемъ грамоты, поселилъ при устьѣ Ницы крестьянъ, которые въ томъ же году «начаша пахати и сѣяти». Пахaніе и сѣяніе и до настоящаго времени составляетъ главное и почти исключительное занятіе Усть-Ницынскихъ крестьянъ. При такомъ образѣ занятій и притомъ, находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ жители Усть-Ницы болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности.

Изъ преданій старины среди жителей сохранилась память о томъ, какъ «Пугачъ» воевалъ. Указываютъ даже мѣсто, на которомъ была выстроена башня для защиты отъ Пугача; у нѣкоторыхъ жителей сохранились ножи, которые были приготовлены для борьбы все съ тѣмъ же Пугачемъ.

въ томъ числѣ и редакторъ, трудятся безвозмездно и никакихъ себѣ барышей отъ увеличенія числа подписчиковъ не ожидаютъ, ожидать не могутъ, да и не желаютъ. Поэтому редакція не считаетъ нисколько дѣломъ неприличнымъ—просить всѣхъ читателей и подписчиковъ Живой Старины, убѣжденныхъ въ ея пользѣ для русской образованности и литературы, о распространеніи этого изданія среди своихъ знакомыхъ. Если сравнить число подписчиковъ и постоянныхъ читателей Живой Старины за границей и въ Россіи, то право можно прійти къ довольно печальному заключенію о нашей читающей публикѣ. Лично для редактора всего любопытнѣе почти полное отсутствіе подписчиковъ изъ среды высшей центральной и провинціальной администраціи (rari nantes in gurgite vasto), изъ нашего духовенства; купечества и изъ такъ называемаго лучшаго общества, однимъ словомъ изъ всѣхъ тѣхъ классовъ, которые въ просвѣщенныхъ странахъ обыкновенно поддерживаютъ отечественную литературу и науку.

I.

Весеннія заботы и работы.

Прійдетъ батюшка Василій Капительникъ (26 Февраля), и заплачетъ зима. Въ слободѣ Гагарахъ [1]) мужики закопошатся: надо хлѣбъ скорѣй домолачивать—весна недалеко. Зимой перемолотить бы: и холодно, и ледъ не купленный, и овины простые стояли, да некогда было все. То примыслить на подушину надо: зайцевъ половить или саней къ Ирбитской подѣлать да продать, то сѣно да дрова вывезти надо, такъ мужикамъ и не удавалось: измолотятъ немного на ѣду и живутъ. А теперь вонъ теплынь какая пошла: каждый разъ надо ладонь (токъ) поливать, да утренниками молотить. Да и то каждый день то не удается: овинъ вѣдь одинъ не построишь, а все дома четыре—пять надо въ пай пригласить да тогда ужъ строить. Богатымъ оно, конечно, ничего: у нихъ что ни домъ, то овинъ,—но за ними вѣдь не угонишься. Кой-какъ, съ землей пополамъ, собрали зерно, ужъ бѣлаго хлѣбца лѣтомъ не поѣшь, только на льду и можно провѣять на чисто, а весной то гдѣ его возьмешь! У насъ, впрочемъ, къ праздникамъ осталось же немного отъ зимней молотьбы: о праздникѣ нельзя, гости прійдутъ.

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а весело! Сердце трепещется какъ птицы начнутъ прилетать. Мы съ братомъ съ половины зимы ждали скворцовъ—два дупла для нихъ привезли. Скворецъ птица пытливая, не сейчасъ поселится въ гнѣздѣ, а (обидно даже: какъ будто его обманывать станутъ) десять разъ прилетитъ высмотритъ дупло, а потомъ ужъ и гнѣздо таскать будетъ, а тамъ того и гляди свистать да распѣвать по утрамъ примется. Потомъ мы съ братомъ голубей сильно любили. Но ихъ впрочемъ всѣ въ Гагарахъ любили. У насъ даже и картина была: сидитъ Господь-Саваофъ на престолѣ, а въ самомъ сердцѣ у него голубь написанъ. Стало быть эта птица угодна Ему, коли въ такомъ мѣстѣ посажена. Поэтому голубей въ Гагарахъ ужъ никто не зоритъ, развѣ ужъ какіе нибудь отпѣтые, на которыхъ ни креста ни пояса нѣтъ. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраиваютъ, чтобы голуби велись да гнѣздились. Этой птицей у насъ не забавляются, какъ въ другихъ мѣстахъ, ее не гоняютъ: не такая она птица, чтобы ей забавляться. Ласточекъ въ Гагарахъ уважаютъ еще больше, чѣмъ голубей. Про голубя, что ни говори все же онъ птица домашняя, зиму и лѣто у насъ на глазахъ, а ласточка гость.

---

[1]) Авторъ счелъ необходимымъ замѣнить названіе Усть-Ницы для удобства, сообразно принятой беллетристической формѣ изложенія.

Да кромѣ этого ласточка полезный гость. Мама говоритъ, что если ласточка у насъ поселится, значитъ Господь намъ свою милость послалъ. Ну какъ же не полюбить такую милую да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго слѣдимъ—зачѣмъ это такъ часто къ намъ ласточки летаютъ? На повѣрку окажется, что онѣ у насъ уже подъ крышей гнѣздышко свили.

«Мама, мама!—радуемся мы—у насъ ласточки живутъ».

— Гдѣ?!—притворно удивляется мать—это къ Тимѣ летаютъ».

«Нѣтъ, къ намъ, къ намъ! вотъ посмотри» и мы тащимъ ее подъ крышу.

Она нейдетъ:—Ну знаю, не троньте ихъ. Видимо мама намъ не довѣряетъ...

Въ заботѣ да въ работѣ время скоро летитъ. Подходитъ Дарья грязно-пролубка, а за нею великій праздникъ—Благовѣщенье, въ который птица гнѣзда не вьетъ, красна дѣвица косы не плететъ. Одна только птица, сказывала бабушка, вздумала вить въ этотъ праздникъ—кукушка, но за то ее Богъ наказалъ и навѣчно безъ гнѣзда оставилъ. Такъ она теперь въ чужія гнѣзда яички кладетъ. Случилось какъ-то, что Пасха пришлась въ Благовѣщенье. Попы положили служить сначала пасхальную заутреню и обѣдню, а потомъ справить службу и Благовѣщенью. Сказано сдѣлано, заутреня и обѣдня ужъ кончились, на дворѣ поздно, а свѣту нѣтъ: такъ нѣтъ да и нѣтъ до другаго дня. Съ этихъ поръ и стали праздновать Благовѣщенье впередъ Пасхи.

Около Благовѣщенья въ лѣсъ ѣздятъ ужъ только по утрамъ. Растаявшій днемъ снѣгъ ночью покрывается сверху ледяной корой, которая называется настомъ или чарымомъ, по насту легко можно ходить на лыжахъ, не рискуя провалиться въ снѣгъ. Въ это время обыкновенно рубятъ полозья, или облеса̀, изъ которыхъ зимою дѣлаютъ сани.

Страстная недѣля идетъ своимъ чередомъ. У насъ на этой недѣлѣ погребъ топятъ и возятъ въ него снѣгъ или ледъ.

Наступаетъ великій четвергъ. Намъ съ братомъ еще наканунѣ говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто въ великій четвергъ встанетъ до солнышка да обуётся,—тотъ въ году много утиныхъ гнѣздъ будетъ находить. Но намъ какъ-то не удавалось никогда этого испытать. Утромъ въ четвергъ только что встанемъ—видимъ, что на божницѣ, около иконъ, стоитъ коврига хлѣба и большая рѣзная деревянная солонка: это четверёжный хлѣбъ и четверёжная соль. Таковъ обычай, искони вѣковъ заведенный. Послѣ обѣдни за столомъ четверёжный хлѣбъ съ солью ѣдятъ, но не весь: часть его идетъ домашнему скоту лошадушкамъ, коровушкамъ

да овечушкамъ. Съ этого хлѣба Богъ лучше хранитъ на цѣлый годъ и скотъ, и людей. Вечеромъ въ четвергъ бываетъ стоянье, за которымъ читаютъ страсти Господни.

Утромъ же въ великій четвергъ обыкновенно бѣжитъ сусло, изъ котораго приготовляется пиво: о праздникѣ вѣдь безъ пива нельзя.

Въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ особые званные или гостинные праздники. Къ каждому изъ этихъ праздниковъ всѣ варятъ пиво, покупаютъ вино и приготовляютъ какъ можно болѣе кушаньевъ, для гостей, которые собираются изъ окрестныхъ деревень. Гостиныхъ праздниковъ въ Гагарахъ нѣсколько: Крещенье, Троица, Успленье, Покровъ и зимній Микола. Кромѣ того на Пасхѣ и Рождествѣ варятъ пиво ради великаго праздника для себя. Такимъ образомъ пиво въ Гагарахъ варятъ всего семь разъ въ году.

Въ одно утро, дней за пять до праздника, въ избѣ около печи, т. е. въ кути, появляется чанъ. Это значитъ сегодня будутъ пиво затирать. Въ чанъ насыплютъ солоду, ржаной муки, нальютъ холодной воды, размѣшаютъ все это весломъ, и получится густое, прегустое тѣсто. Это и называется затòромъ. Въ то же утро безперечь ставятъ въ печь да вынимаютъ изъ печи чигунки да мидѣнники съ кипяткомъ, выливаютъ въ заторъ и размѣшиваютъ. Въ концѣ концовъ нальютъ полный чанъ кипяткомъ и получится жидкая гуща. Какъ печь истопится, достаютъ корчаги, перемываютъ и извнутри посыпаютъ мукой, а потомъ наливаютъ изъ кадочки жидкой гущей и ставятъ одна за другой въ печь. Количествомъ корчагъ измѣряется в а́ р я пива. Одни дѣлаютъ большую варю, другіе маленькую. Небольшая варя корчагъ 5—6, большая 10—14 корчагъ. У которыхъ гостей много бываетъ, тѣ варятъ и по двѣ вари. Какъ только корчаги поставлены—печь закрываютъ, но уже не желѣзной заслонкой, а особой—толстой и сдѣланной изъ глины, да еще и эту заслонку на глухо заклеиваютъ тряпицами да замазываютъ глиной.

«Ну, робята, завтра сусло»—говоритъ намъ отецъ, большой охотникъ пить суслю.

Между тѣмъ кадочка съ вечера еще перебралась на лавку и стоитъ наклонившись. Внутри ея теперь находится р у̀ с л е н н и к ъ. Русленникомъ называется широкій мѣшокъ изъ толстаго и прочнаго холста. Его спускаютъ въ чанъ, а края выворачиваютъ на наружныя края чана и здѣсь привязываютъ.

Дно чана надъ русленникомъ устилается чистой соломой.

На другой день послѣ затора корчаги вынимаются изъ печи, и содер-

жимое ихъ выливается въ гущенникъ, протекаетъ черезъ него и черезъ солому и вытекаетъ въ видѣ сусла изъ особаго отверстія, сдѣланнаго въ стѣнкѣ чана около самаго дна.

Ранымъ-ранó на другой день встала мать. Когда мы проснулись корчаги вмѣсто печи стояли въ избѣ на полу и на лавкахъ, и во всѣхъ набѣжало горячее сусло: пей—не хочу! И пьютъ. Сусло любятъ пить всѣ, а отецъ любитъ пить еще съ перцемъ. Мы тоже пробуемъ съ перцемъ—и ничего—съ перцемъ дѣйствительно ладно!

Часть сусла выносятъ студить, а въ одну или двѣ корчаги кладутъ хмѣль и ставятъ ихъ въ печь. Вечеромъ пиво нужно «спороннть», т. е. слить все сусло обратно въ чанъ, который въ это время уже переселился подъ порогъ. Когда видятъ, что сусло достаточно охладилось, его сливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, которое настоялось въ печкѣ съ хмѣлемъ въ одинъ чанъ. На другой день отецъ пробуетъ, не пора ли пиво «слевать»? Опять приносятъ корчаги и черезъ рѣшето, чтобы хмѣль не попадалъ, сливаютъ пиво въ корчаги и ставятъ на ледъ. Пиво готово. Это уже бываетъ въ великую субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Утромъ въ этотъ день яица красили [1]) и дѣлили. Ранняя пасха—яицъ меньше, а поздняя—больше,—но все, что нанесутъ курицы до пасхи—наше счастье. Все это утромъ въ великую субботу варится, красится и дѣлится поровну между старыми и малыми. Намъ, ребятамъ, досталось столько же, сколько и всѣмъ. Но это только сначала. Скоро того и гляди мать или отецъ изъ своего пая добавитъ. Послѣ дѣлежки всякъ уноситъ свой пай до завтра, а завтра можетъ расходовать, какъ кому вздумается. Намъ полнымъ и безконтрольнымъ хозяевамъ своихъ паевъ, конечно, и въ мысль не входило воспользоваться ими наканунѣ: семь недѣль постился и нѣсколько часовъ не додюжилъ—вотъ уже постыдно. Отецъ какъ то разсказывалъ намъ, что онъ въ городѣ видѣлъ «восподъ», которые и въ великій постъ «кушали мяско». Мы сильно дивились и не вѣрили, что есть такіе безбожники....

Наступилъ вечеръ. Заблáговѣстили ко всенощной. У насъ, въ Гагарахъ, только это чтеніе Апостола передъ святой плащаницей и называется всéнощной. А тамъ—заутренья, обѣдня, вечерня—и больше круглый годъ никакихъ общественныхъ службъ не бываетъ.

Передъ Пасхой мы съ братомъ изъ церкви не выходимъ. Въ церкви

---

[1]) Обыкновенно яица красятъ при помощи высохшей верхней кожицы лука, которая въ большомъ количествѣ кладется въ горшокъ съ яицами и кипятится. Цвѣтъ яицъ получается ярко-красный и никогда не линяетъ. Ф. З.

хорошо и все напоминаетъ намъ, что праздниковъ праздникъ недалеко: чистятъ подсвѣчники, наливаютъ плошки, вставляютъ новыя свѣчи, возятъ ельникъ да пыхтовникъ для церкви—все это только къ Пасхѣ и дѣлаютъ. Все это восторгаетъ наши юныя сердца, всему мы радуемся и ликуемъ.

Передъ пасхой изба и горница у насъ принимаетъ праздничный видъ. Вымывши полы въ горницѣ мать разстилаетъ половики, а полъ въ избѣ посыпаетъ бѣлымъ пескомъ. Въ горницѣ на простѣнки и на занавѣсу развѣшиваютъ бѣлыя полотенца съ пришпиленными къ нимъ цвѣтными, по большей части, шелковыми лоскутками. Послѣ пасхальной недѣли эти полотенца снимаютъ.

За христовской заутреньей въ первый разъ говорятъ и поютъ «Христосъ воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить виннаго (пиковаго) туза и, вмѣсто «воистину воскресъ», сказать попу «винный тузъ есть»—тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящимъ невидимкой и все доставать,—словомъ такой тузъ вполнѣ замѣняетъ собою цвѣтъ купоротника (папоротника).

Послѣ христовской обѣдни начинается розговенье. Всѣ садимся за столъ. Сначала появляется масло, которымъ насъ и заставляли розговляться прежде всего. Мы пробовали было заявить, что масла не хочемъ. Но отецъ съ матерью стояли на своемъ, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе послѣ поста-то сердце будетъ давить. Послѣ масла стали молосными щами разговляться; барашка къ празднику кололи.

«Слава Тебѣ, Господи»—молилась по этому поводу мать,—велѣлъ Богъ спить—съись». Потомъ поѣли блиновъ, яичекъ, похлѣбали молока—и розговенье кончилось. Мы съ братомъ побѣжали на улицу—яицами кататься. Накатались яицами—пошли на качулю. Качулю не долго искать: въ каждомъ дворѣ есть. Надоѣло на качулѣ—пошли на колокольню.

Въ этомъ Христовъ День и вся христовская недѣля проходитъ: съ колокольни на качелю, съ качели на колокольню. На колокольню сходить хоть одинъ разъ въ теченіи христовской недѣли считается обязательнымъ для всѣхъ. Въ субботу всѣ ходятъ «съ колоколами прощаться».

На другой день послѣ Христова Дня, т. е. въ Христовскій понедѣльникъ, всѣ мужики и молодые ребята, вышедшіе изъ дѣтскаго возраста (женщины изъяты) обязательно должны явиться къ заутренѣ. Обычай этотъ еще въ недавнее время у насъ, въ Гагарахъ, строго поддерживался тѣмъ, что неявившихся по какимъ-либо причинамъ къ заутренѣ, отыскивали сообща и окачивали холодной водой.

На другой или на третій день къ намъ въ домъ приходитъ Бого-

матерь—такъ называется обычай, по которому изстари во всей Гагарской волости на Пасхѣ причтъ ходитъ изъ дому въ домъ съ тремя иконами: Крестъ, Икона съ двунадесятыми праздниками и икона Богородицы. Въ каждомъ домѣ передъ иконами ставятъ зерновой хлѣбъ, предназначенный на сѣмена, а на столѣ хлѣбъ и яица. Яица собираются причтомъ.

Пасхи и куличей въ Гагарахъ не приготовляютъ, и о нихъ никогда не слыхали.

За посѣщеніе съ Богоматерью съ каждаго дома, кромѣ яицъ, причтъ получаетъ отъ 15—25 коп. до 1 рубля.

Въ пятницу и субботу на христовской недѣлѣ отецъ ужъ сталъ поговаривать, что теплынь наступила, въ лѣсу снѣгу совсѣмъ мало: пора за дрова приниматься.

- Дроворубъ та же страда. Не нарубишь до пахоти—такъ зиму то сырникомъ и будешь топить.

Гагарскіе мужики сильно опять закопошились. Пошла страшня—рукавовъ стрехня. Тѣ, что постарше да посильнѣе, отправляются рубить дрова подальше отъ слободы, на начеву, т. е. ночи на три—на четыре, а то и на недѣлю. Ребята порубятъ дровишекъ гдѣ нибудь не далеко: «всё-жё хоть на́-осень истопить пригодятся»

Лѣсъ у насъ больше березовый, и дрова рубятъ все какъ-то березовыя, сосновыя попадаются рѣдко, еще рѣже осиновыя.

Рубятъ сначала кряжи̇, потомъ стаскиваютъ ихъ въ кучу и мельчатъ на полѣнья. Осенью тоже, послѣ страды, бываетъ дроворубъ, но тогда рубятъ только кряжи, которые къ веснѣ вывозятся домой. Пока въ лѣсу еще нельзя рубить въ мартѣ кряжи̇ мельчатъ на полѣнья. Осенью срубленные кряжи̇ стаскиваютъ въ кучи и пятнаютъ для того, чтобы ихъ не украли. Каждый домъ имѣетъ свое «пятно». У насъ, напримѣръ, кряжи пятналися такъ: на ко̇млѣ (а ко̇млемъ называется нижняя часть древеснаго ствола) дѣлалась зарубка, а на корѣ ко̇мля—разрѣзъ коры.

Дрова рубить весело. Въ лѣсу даромъ, что ни зеленой травы, ни цвѣтковъ нѣтъ, а полакомиться можно: берёзовка побѣжала. Возьмешь туясокъ подставишь подъ березку—въ день то глядишь полонъ туясъ накаплетъ. Изъ маленькихъ березокъ березовка не сладкая, да и мало; надо березовку цѣдить изъ большихъ березъ. Мама намъ много березовки пить не давала: говоритъ— «нездорово».

У кого большая семья—всѣ мужики на дроворубъ не ходятъ. Нѣкоторые идутъ наниматься къ какому нибудь подрядчику плотничать до пахоты. А у кого и пахарей много, такъ плотничаютъ до самой страды.

II.

Пахота и рыболовство.

Во второй половинѣ апрѣля солнышко пригрѣваетъ все сильнѣе и сильнѣе. Мужики поговариваютъ о томъ, что пахота не далеко. Скоро заговоряли, что-де «вонъ Тима Мокинъ ѣздилъ вчера «зачинать»—пора и намъ, скоро ужъ Еремѣя — запрягальника (бываетъ 1 Мая), самый лѣнивый поѣдетъ пахать. Отецъ ужъ ходилъ въ кузницу сошники клепать, да кузнецу не досугъ: съ цѣлой слободы нанесли, завтра велѣлъ приходить. У насъ, въ Гагарахъ, на всю слободу только и было два кузнеца, въ нашемъ концѣ да въ верхнемъ. Передъ пахотой то ихъ задавили работой.

Ремесло въ Гагарахъ не любятъ, потому что не знаютъ. На такое село два кузнеца, да и тѣ лошади подковать не съумѣютъ порядкомъ! А потребуется сдѣлать новую вещь—серпъ ли топоръ—такъ нужно въ сосѣднюю волость ѣхать, гдѣ кузнецы есть изъ ссыльныхъ. «У нихъ есть съ дѣла-то на всё»—говорятъ про нихъ въ Гагарахъ.

На другой день отецъ ужъ добился—сошники выклепали—можно и зачинать.

Рано утромъ послѣ завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дѣло надо начинать съ молитвой. Съ этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бываютъ запряжены, вся семья собирается въ горницу, затворяютъ двери и передъ иконами затепливаютъ свѣчки. Передъ началомъ молитвы, по обычаю, всѣ должны присѣсть, а потомъ ужъ вставать и молиться. Послѣ молитвы въ хорошихъ семьяхъ, сыновья, отправляющіеся на пашню, кланяются родителямъ въ ноги и просятъ благословенія. Прежде чѣмъ выѣхать за ворота часто высылаютъ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ бабы на улицѣ. Дурною примѣтою считается, когда при такомъ важномъ выѣздѣ баба пересѣчетъ дорогу. Послѣ такой бѣды хоть назадъ воротиться *такъ въ ту же пору*[1]). Такъ и дѣлаютъ, если еще не выѣхали со двора: снова идутъ въ горницу обождать и ужъ потомъ выѣзжаютъ. Бабы въ это время боятся ходить, а если увидятъ отъѣзжающихъ, то стараются обождать. Не то другой мужикъ такъ отпоетъ, что три года будетъ помнить.

Каждое семейство и каждый крестьянинъ имѣетъ землю, за которую въ началѣ и въ концѣ года вноситъ «подушнину». Каждая «душа» вла-

---

[1]) Мѣстный оборотъ рѣчи. Ф. З.

дѣетъ надѣломъ земли не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ. Около самаго селенія идутъ такъ называемые третники, т. е. отдѣльныя поля, равняющіяся $^1/_3$ десятины. Эти поля всегда бываютъ удобрены навозомъ и потому всегда даютъ хорошій урожай. Слѣдующій надѣлъ земли дается въ 3, 4 или 5 верстахъ отъ селенія и наконецъ на ту же душу мужикъ получаетъ землю на «пашню»—такъ называется вообще поле, находящееся отъ слободы на разстояніи 10—15 верстъ.

Удобряются только поля первой группы.

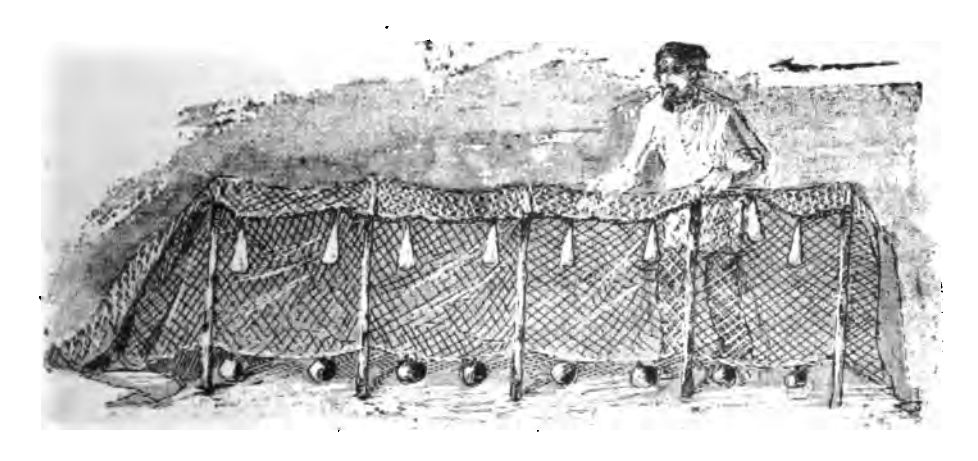
Удобреніе исключительно состоитъ изъ навоза и производится или въ іюнѣ—это удобреніе признается за лучшее, или осенью послѣ уборки хлѣба, или, наконецъ зимою въ видѣ «пластовъ». Пластами называютъ замерзшій сверху слой навоза, который—вырубается и глыбами вывозится въ поле. Кромѣ описанныхъ родовъ полей, есть еще особый видъ, которымъ владѣетъ не каждый, потому что не каждый работаетъ надъ нимъ—это залоги. Залогомъ называется поле, которое добыто земледѣльцемъ изъ-подъ лѣсу. Для этого вырубается лѣсъ, и на мѣсто его года черезъ 3 или 4 нарождается новое поле. Такъ какъ залоги добываютъ близко у селенія, то они всегда бываютъ удобрены навозомъ. Новая, неистощенная почва сторицею вознаграждаетъ этотъ чрезвычайный трудъ земледѣльца. Обработка полей производится большею частью сохою, которая называется рогалюхой; за ней слѣдуетъ менѣе употребительный плугъ—колесянка или сабанъ и плугъ—пермянка. Самый лучшій изъ этихъ орудій, какъ признано крестьянами, плугъ пермянка имѣется далеко не у всѣхъ: недостатокъ денегъ (требуется около 5 руб.) и отчасти лошадей (требуется пара на одинъ «выпряжъ») не позволяютъ гагарскому мужику завести эту роскошь. А рогалюху самому не трудно сдѣлать. Пахота производится обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Послѣ двухъ, трехъ, иногда даже четырехъ посѣвовъ подъ-рядъ поле оставляютъ подъ паръ. Паръ приготовляется такъ. Послѣ окончанія сѣва въ концѣ мая поле вспахивается и въ этомъ состояніи остается до половины іюня, когда оно заборанивается. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля поле вспахивается «на другой рядъ», и паръ готовъ. Большая часть пара идетъ подъ озимую рожь, а остальной паръ идетъ къ веснѣ подъ яровое. Весной на пары преимущественно сѣютъ пшеницу, ярицу, ячмень и рѣдко овесъ. Кромѣ перечисленныхъ хлѣбовъ въ Гагарахъ сѣютъ горохъ, гречиху и полбу. При смѣнѣ посѣвовъ на одномъ обыкновенно поступаютъ такъ. На мѣсто сжатой ржи сѣятся яровое, положимъ горохъ, послѣ гороха всегда сѣютъ овесъ, а послѣ овса обязательно поле парятъ.

Послѣ посѣва хлѣбовъ сѣютъ ленъ. Посѣвъ льна самый для насъ

интересный. Кормить семью—дѣло мужичье, а одѣвать мужиковъ—дѣло бабье. Поэтому при посѣвѣ льна вошло въ обычай задабривать мужиковъ тѣмъ, что въ льняныя сѣмена кладутъ вареныхъ яицъ. Поэтому мы и любили сѣять ленъ. Отецъ высыпаетъ въ лукошко сѣмена, а съ сѣменами яйцо за яйцомъ вылетаютъ: «робята, берите». Прямо взять да и съѣсть яичко нельзя, нужно его сначала подбросить къ верху да сказать: «вырости ленъ выше лѣсу стоячаго». Говорятъ еще, чтобы ленъ хорошо родился, нужно сѣять его нагишемъ, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить то всѣ говорятъ, а раздѣнься, такъ на смѣхъ поднимутъ.

Кажется простая вещь сѣмена для посѣва, а между тѣмъ не всякій гагарскій мужикъ согласится продать хлѣба на «сѣмена»—какъ говорятъ у насъ въ Гагарахъ. Особенно въ этомъ случаѣ дорожатся пшеницей. Опасаются, что отъ продажи хлѣбъ выводится, а въ пшеницѣ соръ да головнѣ пойдутъ—хоть бросай. Отецъ у насъ какъ-то купилъ полпуда пшеницы да и посѣялъ. Пшеница родилась хорошая, на другой годъ еще лучше, а у стараго хозяина какъ-то перевелась. Такъ отца-то за это прямо вражнымъ и назвали и не мало ругали, что пшеницу «не съ добра» купилъ. «На сѣмена только и можно по знакомству продавать, а то Богъ его знаетъ на какого наскочишь». Да и въ однихъ ли сѣменахъ такъ поступаютъ? И корову, и овечку, и гуся, и утку на приплодъ никто съ бухты-барахты не продаетъ: всякому свое.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая у насъ, въ Гагарахъ, происходитъ неводьба. Человѣкъ десять или пятнадцать соединяются въ артель для

Неводъ.

устройства невода. Каждый пайщикъ вноситъ опредѣленную часть мерёжи, веревокъ для тетивы и прогона, кибáсьевъ и наплáвьевъ. Кибáсьями называются

просушенные куски глины въ формѣ сплюснутаго шара съ отверстіемъ посрединѣ. Наплàвь, или наплавкѝ, приготовляются большею частью изъ коры тополя, называемой сухáриной или сухáрникомъ.

Неводъ составляется изъ полотна (мерёжи), которое съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется къ тетивамъ: верхней и нижней въ нижней тетивѣ прикрѣпляются кибасья, а къ верхней наплавья.

Къ переднему концу невода привязывается длинная веревка-прогонъ. Задняя часть невода называется пятой. Въ этой части посрединѣ полотна устраивается матнѝ, представляющая изъ себя длинный, съуживающійся къ концу, мѣшокъ изъ мережи. Около матнѝ къ верхней тетивѣ прикрѣпляется лóвда. Ловда есть ничто иное, какъ двѣ небольшія доски, сложенныя подъ угломъ около 60°. Она устраивается для того, чтобы своимъ колебаніемъ показывать присутствіе рыбы въ матнѣ.

Гагарскіе мужики полагаютъ, что всякій ловъ—звѣря ли, рыбы ли, птицы—нельзя вести безъ особаго заговора или «словинки», а потому въ числѣ неводчиковъ всегда предполагается, что существуетъ хоть одинъ, который бы передъ началомъ работы могъ словинку прочитать, а въ трудныя минуты неводъ отъ порчи спасти и т. п. По мнѣнію мужиковъ неводъ, какъ и всякій человѣкъ, не застрахованъ отъ «порчи», которую вражные могутъ ему причинить [1]) Неволъба у гагарскихъ мужиковъ составляетъ почти единственный родъ занятій, основанныхъ на артельномъ началѣ.

Весной рыбу ловятъ еще мордáми, удочкой, сѣтами, отчасти фитилями и рѣдко переметами.

Фитиль. Морда.

---

[1]) См. ниже.

Объ устройствѣ морды мы легко себѣ составимъ понятіе, если представимъ пустой конусъ и съ открытаго конца его вставимъ внутрь такой же конусъ, только гораздо короче перваго.

Границы основаній конусовъ совпадаютъ, но между вершинами внутренняго и наружнаго конуса образуется пространство, въ которомъ и находится добыча, не догадываясь выйти обратно черезъ отверстіе во внутреннемъ конусѣ. Въ остромъ концѣ внутренняго конуса для входа рыбы находится отверстіе; подобное же отверстіе находится и въ наружномъ конусѣ для вытряхиванія добычи, но во время ловли это отверстіе закрывается втулкомъ. Морды плетутъ изъ прутьевъ тальника.

Онѣ раздѣляются на два вида. Однѣ изъ нихъ называются намазушками, потому что внутри ихъ намазывается приманка. Эти морды ставятъ въ рѣкѣ.

Для того, чтобы установить морды другого вида, необходимо въ какомъ нибудь протокѣ поставить жалъ. Каждый годъ, напримѣръ, въ Гагарахъ ставятъ жалъ въ протокѣ, который бѣжитъ изъ Старицы въ Туру. Жалъ приготовляется изъ мелкихъ древесныхъ стволовъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяются между собою мочаломъ.

Чертежъ жала, въ серединѣ котораго находится мѣсто для установки морды.

Среди жала въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ оставляютъ мѣста для установки морды. Какъ только вода начинаетъ замѣтно убывать, рыба изъ Старицы стремится по протоку въ Туру и на пути попадаетъ въ морду. Около мордъ обыкновенно устраиваютъ садкй—отгороженныя со всѣхъ сторонъ мѣста въ водѣ, въ которые и опускается добытая рыба для сохраненія. Подобные же садкй устраиваютъ и при большихъ уловахъ рыбы неводомъ.

Устройство переметовъ слишкомъ извѣстно, чтобы на немъ останавливаться. Да переметовъ у насъ почти вовсе не ставятъ, хотя и умѣютъ ихъ приготовить.

Другое дѣло фитили. Лѣтомъ ихъ хотя и рѣдко ставятъ у насъ, за то зимою мало найдется такихъ, которые бы не ловили рыбы фитилями.

Ловля рыбы посредствомъ этихъ снарядовъ основана на той же мысли, по которой устраиваются морды. Разница только въ томъ, что фитиль составляется изъ одного наружнаго конуса и нѣсколькихъ внутреннихъ; притомъ же онъ дѣлается изъ мережи и, чтобы не сплющивался въ водѣ, внутри имѣетъ деревянные обручи. Кромѣ того къ открытому концу фитиля прикрѣпляются два крыла изъ мережи, а около каждаго крыла пристраиваютъ жалъ. Фитили устанавливаютъ на рѣкѣ около берега открытымъ концомъ на встрѣчу теченію. Ставя фитили больше всего рыболовы разсчитываютъ на добычу налимовъ.

Во время весенняго разлива нѣкоторые ловятъ рыбу сѣтями.

А послѣ того, какъ разливъ кончится и вода, какъ говорятъ, станетъ въ трубу, начинается ловля рыбы удочками. Этому роду рыбной ловли серьезные рыболовы значенія не придаютъ и на удельщиковъ, какъ и на охотниковъ стрѣлять, смотрятъ съ пренебрежительнымъ осужденіемъ, такъ какъ «удой рыбы не наловишь». Впрочемъ въ послѣднее время гагарскіе мужики ухитрились на уду ловить язей и этимъ успѣли нѣсколько возвысить свое занятіе въ глазахъ настоящихъ рыболововъ.

При ловлѣ язей для наживы, или насадки, употребляется рачье мясо.

Но никогда уженью не придается такого значенія, какъ въ ту ночь, въ которую метлякъ [1]) падаетъ. «Въ эту ночь успѣвай только закидывать—ведро легко можно наудить»—говорятъ въ Гагарахъ. Метлякъ падаетъ только на Турѣ и представляетъ изъ себя бабочку бѣлаго цвѣта съ толстымъ брюшкомъ, какое вообще имѣютъ всѣ бабочки, принадлежащія къ ночнымъ.

Обыкновенно около полуночи надъ всей рѣкой поднимается огромное число описанныхъ бабочекъ, которыя падаютъ и на воду, и на берегъ въ такомъ количествѣ, что всей окрестности придаютъ бѣловатый цвѣтъ. Крупная и мелкая рыба съ жадностью бросается на этого рода добычу и на поверхности воды легко можно замѣтить сильное движеніе и всплескиванье рыбы въ погонѣ за метлякомъ. Въ это время рыба такъ же жадно и неразборчиво схватываетъ и метляка, посаженнаго на удочку. Къ какому виду относится этотъ метлякъ, существующій всего нѣсколько ночныхъ часовъ—

---

[1]) Метляками называютъ всякаго рода бабочекъ. Ф. З.

я не знаю, но вѣроятно онъ имѣетъ тѣсную связь съ тѣми пичулями, которые живутъ въ плотнѣйшемъ слоѣ глины въ норахъ по берегу р. Туры и чрезвычайно напоминаютъ собой гусеницу. «Пичуль» представляетъ изъ себя также прекрасную насадку и рыба въ Турѣ на пичулей отлично клюетъ, между тѣмъ какъ шшура [1]) она даже не нюхаетъ. Поэтому на шшуровъ удятъ только въ Ницѣ.

Заговоривъ о весеннемъ рыболовствѣ гагарскихъ мужиковъ нельзя уже кстати не упомянуть и о другихъ (очень немногочисленныхъ) видахъ рыбной ловли, практикуемыхъ зимою.

Изъ зимнихъ способовъ ловли второе мѣсто послѣ фитилей занимаетъ ловля жерлицами. Жерлицей называется большая удочка (крючекъ), наживленная или червями, или мелкими живыми рыбками. Для постановки жерлицы продалбливаютъ во льду небольшое отверстіе и ставятъ въ него тоненькій колъ, къ нижнему концу котораго на поводкѣ привязывается крючекъ.

Черезъ извѣстное время ходятъ «жерлицы смотрѣть», т. е. вынимать добычу и наживлять крючки. При ловлѣ жерлицами главнымъ образомъ разсчитываютъ на налимовъ.

Если къ описанному еще прибавить о томъ, что тотчасъ же послѣ того, какъ рѣка покроется льдомъ, гагарскіе мужики имѣютъ обыкновеніе глушить рыбу посредствомъ удара по льду особымъ кіемъ, то исчерпаются всѣ способы рыбной ловли въ описываемой мѣстности.

Въ заключеніе описанія рыбнаго промысла необходимо замѣтить, что въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на оскудѣніе рыбы. Причину этого печальнаго явленія крестьяне видятъ въ появленіи пароходовъ, которые «пугаютъ рыбу». Такое же значеніе придается и ракамъ, появившимся въ Ницѣ въ огромномъ количествѣ. На раковъ въ Гагарахъ смотрятъ, какъ на антихристовъ, явившихся передъ концомъ полнаго исчезновенія рыбы. Я съ умысломъ употребилъ слово «антихристы»: населеніе Гагаръ въ появленіи раковъ, которыхъ раньше не было, видитъ подтвержденіе своихъ слишкомъ распространенныхъ убѣжденій объ антихристѣ: «правда вѣдь въ писаніи сказано: послѣднія времена живемъ—все хуже да хуже».

Самою цѣнною рыбою считается нельма, которую добываютъ только большими неводами въ Ницѣ; за нельмою слѣдуетъ налимъ, язь, щука, чебакъ, окунь, ершъ, мезкозобъ. Въ озерахъ ловятъ еще карасей.

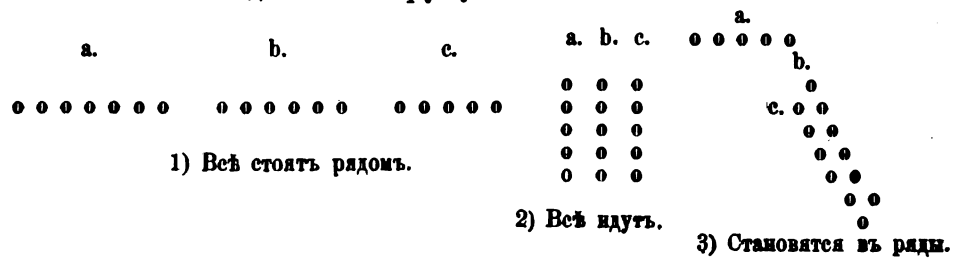
[1]) Шшурокъ называется дождевой червякъ. Ф. З.

III.

Троицынъ день.

Троица представляетъ изъ себя годовой праздникъ. О Троицѣ въ Гагарахъ бываетъ ярмарка. Прежде другихъ торгашей, за недѣлю до праздника, наѣзжаютъ холстенники—такъ называютъ купцовъ, которые холсты набираютъ. Во всей гагарской волости, послѣ того, какъ мужики разъѣдутся по полямъ, бабы принимаются ткать холсты на продажу и для себя. Для продажи идутъ холсты грубые, изъ толстыхъ нитокъ и красная цѣна имъ 5 коп. за аршинъ. Но ткать ихъ считается выгоднымъ вслѣдствіе того, что это единственное занятіе, которое даетъ женщинѣ возможность, не выходя изъ дому, заработать копейку. Къ Троицѣ варятъ пиво въ Гагарахъ и въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ каждомъ домѣ собираются гости. Первое угощеніе, которое хозяева предлагаютъ гостямъ, заключается въ пивѣ. Пиво подносятъ въ стаканахъ на подносѣ поочередно, то одинъ, то другой изъ хозяйской семьи. Послѣ угощенія пивомъ въ такомъ же родѣ подносятъ гостямъ въ рюмкахъ вино. Наконецъ собираютъ на столъ и садятъ за него гостей. Послѣ стола, а также и во время стола, продолжается угощеніе пивомъ и виномъ. За столъ садятся одни гости: садиться хозяевамъ вмѣстѣ съ гостями считается предосудительнымъ. Послѣ стола подвыпившіе гости обыкновенно начинаютъ пѣть пѣсни. Пляска или танцы бываютъ чрезвычайно рѣдко. Еще рѣже можно слышать какую-либо музыку въ подобныхъ собраніяхъ. Самымъ употребительнымъ инструментомъ въ Гагарахъ является ограмонія [1]), затѣмъ бандура и балалайка. На тѣхъ изъ молодыхъ ребятъ, которые имѣютъ ограмонію или бандуру, въ Гагарахъ смотрятъ какъ на людей, изъ которыхъ путнаго ничего выйти не можетъ. (См. ниже).

Вечеромъ въ Троицынъ день молодые люди обоихъ половъ собираются на «поля̂нку»—такъ называется праздничное сборище, происходящее на берегу рѣки Ницы. На полянкѣ, дѣвицы и молодцы взявшись за руки и составивши нѣсколько рядовъ, ходятъ одинъ рядъ за другимъ, распѣвая пѣсни. Это называется ходить въ кругу.

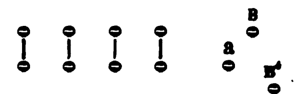

1) Всѣ стоятъ рядомъ.
2) Всѣ идутъ.
3) Становятся въ ряды.

[1]) Въ которой читателю не трудно узнать гармонику или гармонію. Ф. З.

Вся игра состоитъ въ томъ, что пройдя нѣкоторое разстояніе, первый рядъ (а) становится на-сторону (черт. 3), рядомъ съ нимъ становится другой рядъ, затѣмъ третій. Когда всѣ ряды установятся въ описанномъ порядкѣ (черт. 1), тогда начинается движеніе снова: первый рядъ опять идетъ впередъ, за нимъ второй, третій (черт. 2). Далѣе, когда всѣ ряды придутъ въ движеніе, первый рядъ опять становится на сторону (черт. 3) и т. д.

На полянкѣ же играютъ карауломъ. Играющіе дѣлятся на пары и становятся одна пара за другой. Одинъ или одна изъ играющихъ становится на караулъ. Игра состоитъ въ томъ, что пары поочередно выбѣгаютъ впередъ, а стоящій на караулѣ во время бѣга старается поймать ихъ. Если ему это удается, то онъ вмѣстѣ съ пойманнымъ игрокомъ составляетъ пару, а оставшійся становится на караулъ.

а—стоящій на караулѣ; в и в' бѣгущая пара.

На полянкѣ же играютъ воротцами. Двое изъ играющихъ, ставши на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуютъ собою два столба. Затѣмъ, поднявши вверхъ по одной рукѣ, они держатъ въ нихъ платокъ, замѣняющій перекладину на воротахъ.

Въ эти воротца пробѣгаетъ одна пара за другой.

Каждая пара, выбѣжавшая изъ воротецъ первою, становится также, образуя новыя воротца и т. д.

Одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей полянки составляетъ борьба. Обыкновенно борцы изъ верхняго конца борются поочередно съ борцами изъ нижняго конца. Но въ большіе, годовые, праздники, обыкновенно оба «конца» соединяются для совмѣстной борьбы съ пришедшими изъ другихъ селъ и деревень борцами. Борьбу ведутъ только двое, остальные же въ качествѣ любопытныхъ окружаютъ мѣсто борьбы толстымъ живымъ кольцомъ.

Борьбу всегда открываютъ маленькіе борцы.

Каждый борецъ, выходя въ кругъ, долженъ быть повязанъ черезъ одно плечо и вокругъ себя опояской.

Цѣль борьбы заключается въ томъ, чтобы уронить противника на землю 3 раза. Кто успѣетъ это сдѣлать раньше другого, тотъ считается побѣдителемъ. Въ случаѣ, если одинъ борецъ падетъ 3 раза, то другой выходитъ на выручку.

Практика строго установила извѣстные пріемы борьбы. Самый легкій ударъ съ носка дѣлается въ началѣ борьбы и заключается въ томъ, что борецъ старается уронить другого, ударивши его боковой частью ступни по ногамъ. Слѣдующій пріемъ называется съ пятки: одинъ изъ борцовъ пятку правой или лѣвой ноги (смотря по тому, какой онъ лучше владѣетъ) закидываетъ за пятку другого борца. Есть еще пріемъ брать своего противника съ крюку. Для этого ногу закидываютъ за ногу противника съ внутренней ея стороны. Затѣмъ послѣдній пріемъ носитъ названіе съ холки и состоитъ въ томъ, что одинъ борецъ старается подвернуть подъ животъ противника свою спину и такимъ образомъ, перебросивши черезъ себя, уронить на землю. Каждый хорошій борецъ обыкновенно роняетъ противника посредствомъ какого либо одного изъ описанныхъ пріемовъ борьбы. Во время борьбы опускаться руками отъ опояски строго воспрещается. Отъ маленькихъ борьба постепенно переходитъ къ большимъ. Въ концѣ концовъ остается самый искусный борецъ, котораго никто не могъ побѣдить, и онъ, какъ говорятъ, уноситъ кругъ. Унести кругъ—это значитъ одержать такую побѣду, которая служитъ предметомъ гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, къ которымъ онъ принадлежитъ. Поздно вечеромъ передъ утромъ кончается борьба, а вмѣстѣ съ нею и «полянка».

На завтра Троицына дня, какъ думаютъ въ Гагарахъ, бываетъ земля именинница. Плевать въ этотъ день на землю считается за грѣхъ.

IV.

Межённое время и страда.

Жаркое время въ іюнѣ мѣсяцѣ носитъ названіе межéни. На межённое время въ Гагарахъ смотрятъ какъ на время трудное, въ теченіи котораго жить слѣдуетъ со всевозможной опаскою. Въ это время, выпуская домашній скотъ на поскотину, гагарскіе мужики, дабы избавить его отъ вліянія нечистой силы, пріобрѣтающей въ это время особенное значеніе, дѣлаютъ на немъ смолою кресты. Чтобы подобнымъ же образомъ предохранить и людей, на кресты имъ лѣпятъ воскъ. Въ такое время отецъ всегда намъ совѣтовалъ ходить съ молитвою. Самою важною въ этомъ случаѣ молитвою считается: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Нѣкоторыя строго опредѣленныя мѣста въ лѣсу и въ рѣкѣ во все это время и въ особенности въ полдень, совѣтуютъ рѣшительно избѣгать, такъ какъ тутъ временами дéкуется, т. е. обнаруживается присутствіе нечистой силы. При упоминаніи

о нечистой силѣ у насъ имѣютъ обыкновеніе или отплюнуться или перекреститься и сказать: «не слушай святая хоромина, не къ намъ будь сказано». Межень обыкновенно совпадаетъ съ Петровымъ постомъ, въ теченіе котораго заботливыя хозяйки копятъ творогъ для такъ называемаго кислаго молока, сметану и масло. Чѣмъ больше Петровки, тѣмъ выгоднѣе для хозяекъ, потому что въ промѣжговѣнье [1]) ни сметаны, ни масла накопить не удастся. Межённое масло считается самымъ лучшимъ и доброкачественнымъ.

Въ межень пахота хотя и кончается, но крестьянину нельзя оставаться безъ дѣла. Въ Петровки, пока еще не настала страда, мужики успѣваютъ навозъ на поля вывезти, полозья загнуть, дубу надрать, лутошки поснимать, и пр. и пр.

Срубленные въ мартѣ облеса̀ для полозьевъ теперь правятъ и гнутъ. «Полозья гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ». Березовые облеса̀, выправивши топоромъ, кладутъ въ печь парить, а потомъ уже начинаютъ гнуть. Почти въ каждомъ дворѣ имѣется колода, на которой гнутъ полозья; затѣмъ ба̀ло, вокругъ котораго загибается полозъ. Въ углубленіе, сдѣланное въ передней части ба̀ла, вкладывается курица, приспособленная для загибанія головы полоза. На курицу надѣвается желѣзное кольцо.

Вершина полоза постепенно пригибается къ трубицѣ и весь полозъ загибается вокругъ бала. Загнутые полозья ставятъ въ особо приготовленный около дома пристѣнокъ, гдѣ они и остаются до снѣгу, пока не просохнутъ. Зимою изъ этихъ полозьевъ и другаго матеріала дѣлаютъ сани.

Въ числѣ прочихъ матеріаловъ, необходимыхъ для изготовленія саней, слѣдуетъ упомянуть о хря̀слинахъ и ду̀гахъ. Хряслины, приготовляемыя въ меженное время, представляютъ изъ себя не толстые стволы березы безъ коры длиною около 2 саженъ. Дуги загибаются также изъ тонкихъ березовыхъ стволовъ, съ которыхъ снята кора.

Вслѣдствіе развитія кожевеннаго дѣла въ Тюмени существуетъ большой спросъ на дубъ. Такъ называютъ у насъ засушенную кору, содранную съ кустарниковъ тальника и пр. Эта кора особеннымъ образомъ свертывается и связывается въ пучѐни. Для того, чтобы составить возъ, требуется около сотни пучень. Цѣна хорошаго воза не бываетъ больше 3 рублей. Въ меженное время въ Тюмень свозится дубъ въ огромномъ количествѣ. Дубъ дерутъ даже въ тѣхъ деревняхъ, которыя отстоятъ отъ Тюмени на 100 верстъ и болѣе. Къ числу занятій меженнаго времени относится также обдираніе лутошекъ и приготовленіе мочала. Лутѐшками называются срубленные стволы липы.

---

[1]) Такъ называется время между постами или говѣньями. Ф. З.

Въ слѣдъ за меженью наступаетъ страда. Около Петрова дня и косить нужно приготовляться и пары на другой рядъ орать. Около Прокопьева дня (8 іюля) ужъ всѣ «зачинаютъ» косить, грести, т. е. собирать сѣно въ валы, потомъ копнить, т. е. строить копны, а изъ копенъ—зароды. Большіе зароды отецъ у насъ называлъ еще аммётами. Не успѣли еще поставить сѣно какъ хлѣбъ поспѣлъ. Цѣлые дни бьется народъ за работой, какъ рыба объ ледъ: съ сука на сукъ, а все недосугъ. На поляхъ появляются кучи и суслоны. Кучи дѣлаютъ стоячія и лежачія. Лежачія кучи или четырнадцетерики (по 14 сноповъ) ставятъ на поляхъ въ хорошій урожай. Если же хлѣбъ родился рѣдкій и сноповъ на полѣ немного, то ставятъ восьмерики—кучи по 8 сноповъ каждая. Суслоны дѣлаютъ больше изъ ржаныхъ сноповъ, когда хотятъ ихъ скорѣй просушить. Для этого ставятъ три снопа вверхъ колосьями, а четвертымъ снопомъ закрываютъ, надѣвая его на первые снопы такъ, какъ надѣваютъ бумагу на сахарную голову. Но вотъ и жатва кончается. Дожинаютъ послѣднее поле. Самые послѣдніе колосья этого поля не жнутъ, а перевязываютъ ихъ травой и оставляютъ въ такомъ видѣ Миколѣ на бородку, дабы святой Угодникъ и на будущій годъ не оставилъ послать урожай....

Послѣ жатья начинается клàдиво, кладутъ хлѣбъ въ гумна и остожья. Съ тѣхъ полей, которыя находятся недалеко отъ гуменъ, хлѣбъ свозится въ гумна; на дальнихъ же пашняхъ около полей строятъ остòжья [1]) и въ нихъ оставляютъ хлѣбъ до зимы.

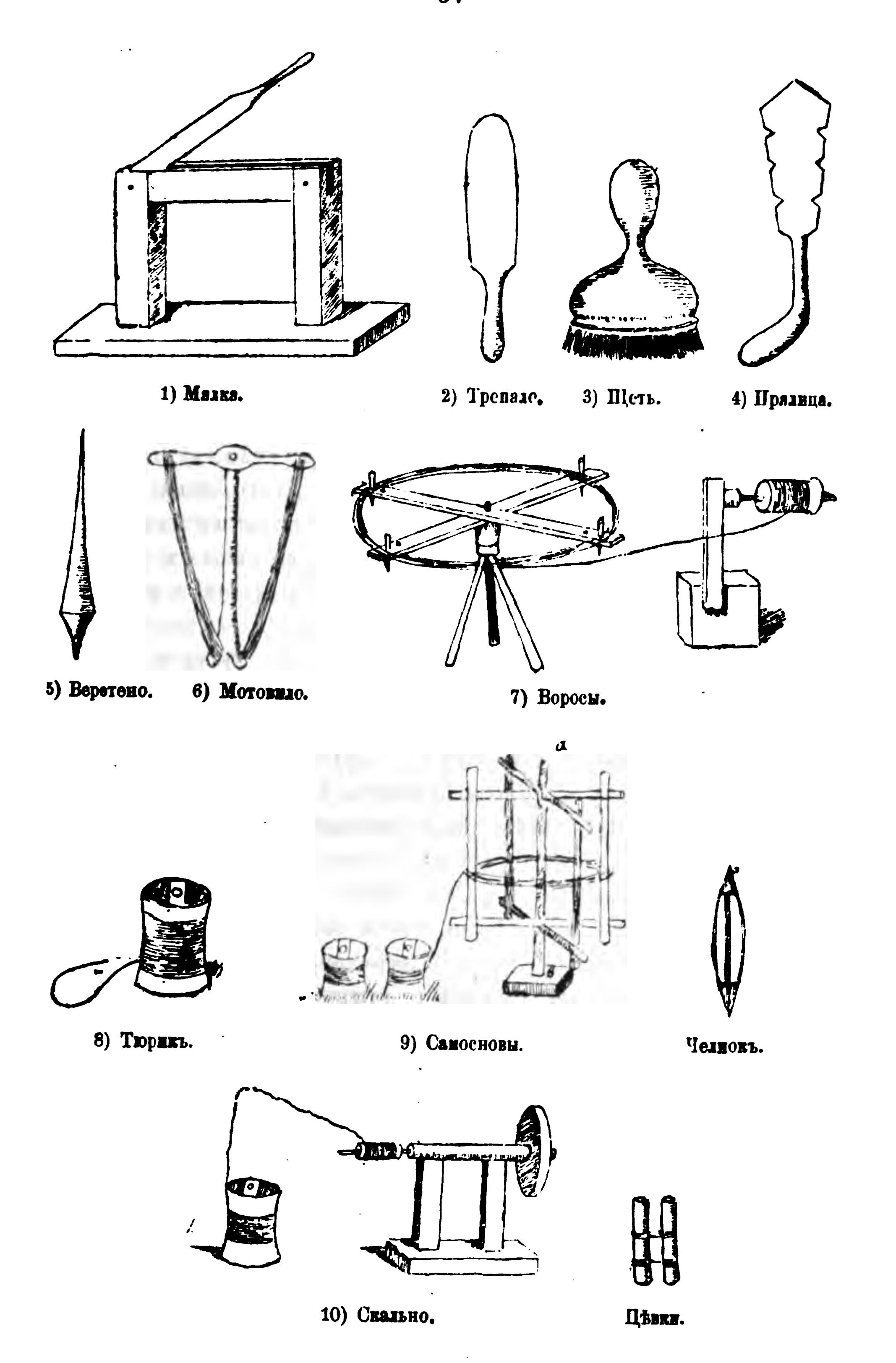
Въ половинѣ Сентября страда обыкновенно кончается, отворяютъ ворота въ поле и пускаютъ скотъ. Весной до уборки хлѣба ворота заперты, и скотъ ходитъ въ поскотинѣ.

V.

Съ прекращеніемъ страды начинаются новыя заботы и работы у гагарскихъ крестьянъ. Ребята почти поголовно становятся пастухами, гоняютъ коровъ въ поле пасти, а мужики около дома управляются. Бабы въ огородахъ картовки да мòрковь копаютъ, капусту рѣжутъ да солятъ. Убрались только съ огородомъ, надо съ куделей управляться: ленъ да коноплё мялкою мять, трепаломъ трепать да щетью чесать. Вычесали—прясть, а весною ткать да продавать. На слѣдующей страницѣ помѣщены чертежи тѣхъ снарядовъ, при помощи которыхъ ленъ превращается въ нитки и холстъ.

---

[1]) Остожье—загородь, въ которую складывается хлѣбъ или сѣно. Ф. З.

1) Мялка. 2) Трепало. 3) Щеть. 4) Прялица.

5) Веретено. 6) Мотовило. 7) Воросы.

8) Тюрикъ. 9) Самосновы. Челнокъ.

10) Скально. Цѣвки.

Вырванный съ корнемъ ленъ сначала разстилаютъ на скошенномъ лугу, и когда онъ достаточно «у л е ж и т ъ», т. е. когда стволы его сгніютъ и сдѣлаются хрупкими, тогда ленъ поступаетъ подъ мялку. Здѣсь отъ него отлетаетъ ненужная к о с т и к а. Еще больше выдѣляется костики, когда ленъ треплютъ трепаломъ. Изъ-подъ трепала кромѣ костики изо льна отдѣляются клочки, которые собираются и составляютъ низкій сортъ кудели, называемый и з г р е́ б я м и. Подъ щетью ленъ окончательно очищается, причемъ получаются два высшіе сорта кудели: п а̀ ч е с и и л е н ъ. Пачеси представляютъ изъ себя клочки кудели, отдѣляющейся при чесаніи щетью. Точно такой же переработкѣ подвергаются к о н о п л ё и п о̀ с к о н ь [1]). Послѣ этого куделя поступаетъ на прялицу, а съ прялицы въ видѣ нитокъ на веретено или веретно. Веретено съ напряденными нитками называется п р о̀ с т н е м ъ (про̀стень). Съ простней нитки для вытягиванія поступаютъ на м о т о в и л о, гдѣ каждыя 3 нитки перевязываются и носятъ названіе ч ѝ с м е н к и; 10 чисменокъ составляютъ п а̀ с м о. Изъ неопредѣленнаго числа пасмъ составляется м о т ъ. Мотъ поступаетъ на в о р о̀ с ы, съ которыхъ сматывается на т ю р ѝ к ъ (черт. 7). При помощи с а м о с н о в о в ъ пряжа съ тюриковъ сматывается и приводится въ такой видъ, что ее легко можно навйть на к р а с в а̀ и ткать. Пряжа натянутая на красна̀ называется основой; другая часть пряжи остается на тюрикахъ и называется у т к о м ъ. Уто̀къ съ тюрика наматывается на цѣвку, которая вставляется уже въ челнокъ (черт. 10). Основа въ кро̀снахъ продѣвается въ двѣ нѝченки и одно б ё р д о. Бердомъ дѣйствуютъ для того, чтобы придать холсту ту или другую прочность. Ниченки же, помѣщающіяся какъ разъ за бердомъ, имѣютъ цѣлью раздѣлять основу на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Каждая ниченка соединена съ особою подножкою При нажиманіи подножки къ низу она тянетъ соотвѣтствующую ниченку вмѣстѣ съ продѣтою въ нее половиною основы такъ же къ низу, а другая часть основы приподнимается къ верху. Въ образовавшееся въ основѣ отверстіе и проскакиваетъ челнокъ, оставляя нитку, которая прихлопывается бёрдомъ.

Въ концѣ сентября, пока еще не выпалъ снѣгъ, взрослые ребята и мужики рубятъ к р я ж и, а иногда, въ случаѣ надобности, отправляются въ м а т е р у̀ или материкъ—бревна рубить для постройки домовъ.

Осенью же, пока земля не промерзла, отецъ у насъ ходилъ о ч е п а̀ ставить для того, чтобы зимой по снѣгу зайцевъ ловить. Устройство очеповъ

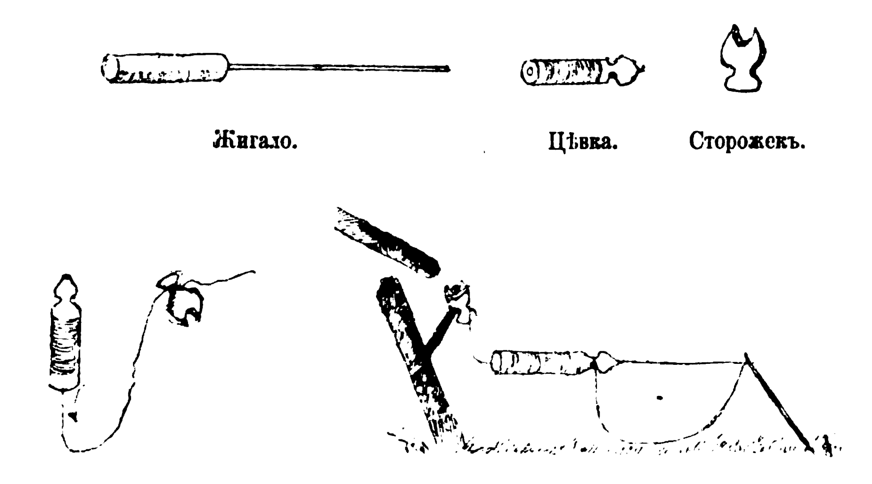
[1]) П о с к о н ь ю называются тѣ стебли конопли, на которыхъ находятся сережки съ цвѣточною пылью. Посконь рвутъ раньше конопля. По этому поводу въ Гагарахъ сложилась поговорка: „Дай Восподи конопля и поскони"... Въ переносномъ смыслѣ „всѣхъ удобствъ". Ф. З.

слѣдующее. Предварительно отыскивается въ лѣсу заячья дорожка или тропа. Гдѣ нибудь въ тѣсномъ мѣстѣ около этой тропы ставится въ землю колъ приблизительно трехъ аршинъ высотою съ вилообразною верхушкою. На этотъ колъ кладется очепъ, который представляетъ изъ себя нетолстый стволъ березы или осины. Въ землю, около самой тропы, вбивается маленькій колышекъ, на который надѣвается сдѣланный изъ мочала подпетельникъ. Пока этимъ и ограничивается устройство очепа.

Въ послѣдствіи, когда выпадаетъ снѣгъ, зайцы обыкновенно не бросаютъ лѣтней тропы, а продолжаютъ по ней бѣгать. Тогда къ очепу привязываютъ петлю и настораживаютъ на тропу. По общепринятому мнѣнію зайцевъ ловить можетъ не всякій, а только тотъ, кто знаетъ «словинку», т. е. особый наговоръ. А словинку знаютъ не многіе, поэтому и зайцевъ ловятъ лишь нѣкоторые крестьяне.

Какъ только наступили длинные осенніе вечера, мать напряла изо льна тонкихъ и ровныхъ нитокъ, изъ которыхъ отецъ сталъ петли скать. Петли скутъ съ большими предосторожностями, умывая каждый разъ руки. Соскан-ныя петли трутъ чагой. Чагой называется губка, которая выростаетъ на березахъ и другихъ деревьяхъ. Лучшею чагою для петель находятъ чагу дерева, которое за свои свѣтлые блестящіе листья именуется свѣтлолистникомъ. Эта губка, какъ и все относящееся къ петлямъ, также сохраняется въ особенной чистотѣ.

Жигало. Цѣвка. Сторожекъ.

Къ петлямъ необходимо имѣть еще цѣвки и сторожкй. Цѣвки больше всего дѣлаются изъ калины, сторожки изъ черемухи. Для цѣвокъ выбираютъ калиновыя палочки, толщиною въ палецъ, разрѣзаютъ ихъ на кусочки въ два вершка каждый, и сердцевины ихъ проталкиваютъ особо

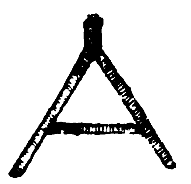
приготовленнымъ желѣзнымъ прутомъ или жигаломъ. Сердцевина не всегда легко выталкивается—тогда жигало раскаляютъ въ огнѣ и выжигаютъ имъ цѣвки. Сторожекъ представляетъ изъ себя коротенькій кусочекъ черемухи съ зарубкою на одномъ концѣ.

На самый конецъ петли привязываютъ цѣвку, а другой конецъ продѣваютъ въ петлю и привязываютъ къ нему сторожекъ.

Къ ловлѣ зайцевъ приступаютъ какъ къ какому нибудь священнодѣйствію. Передъ отправленіемъ въ поле всѣ петли окуриваются. Для этой цѣли служитъ растеніе багульникъ (дикій розмаринъ). При выходѣ изъ дома читаютъ молитву или словинку и стараются изъ деревни выйти незамѣченными. Даже разглашеніе о томъ, что сегодня у насъ отецъ ушелъ петли ставить, подвергалось строгому запрещенію. Отецъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добычу изъ петель таскать незамѣченной. Для этого онъ, когда «добывалъ» зайцевъ, складывалъ ихъ гдѣ нибудь въ лѣсу и привозилъ потомъ на лошади, незамѣтно для постороннихъ. Сохрани Богъ, если зайца изъ петли украдутъ—послѣ этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будутъ, и вороны будутъ клевать попавшихъ, и пр., и пр.

Рядъ поставленныхъ въ лѣсу петель составляетъ путикъ, который принадлежитъ, по обычаю, тому, кто его разъ занялъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Дома шкура съ зайцевъ снимается и сушится на пялахъ.

Пяла съ распоркой по срединѣ.

VI.

Тотчасъ послѣ страды дѣвицы открываютъ вечёрки. Обыкновенно какая нибудь одинокая старуха, забитая до крайности нуждою, соглашается пустить къ себѣ на зиму вечёрку. Тогда и уговариваются въ цѣнѣ. Всѣхъ вечорокъ въ Гагарахъ устраивается до 5. На одной изъ нихъ, напримѣръ, каждая дѣвица платитъ по 25 коп. за зиму и, кромѣ того, каждый праздникъ она должна принести хозяйкѣ калачъ и туясокъ пива; на другой вечеркѣ платятъ по 10 коп. да по возу дровъ съ обычнымъ пивомъ и

калачами на праздникѣ. Вся слобода Гагары раздѣляется на два конца — верхній и нижній, изъ которыхъ каждый чувствуетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное цѣлое и различаетъ «своихъ» и «кончанскихъ», т. е. живущихъ въ другомъ концѣ. Жители одного «конца» относятся къ жителямъ другаго почти враждебно. По крайней мѣрѣ такое утвержденіе справедливо относительно молодежи, которая появленіе своихъ товарищей по лѣтамъ изъ другаго конца привѣтствуетъ особо сложенною для этого поговоркою: «кончанской хламъ привалился къ намъ». Ухаживать за дѣвицой изъ другаго конца по меньшей мѣрѣ рисковано, такъ какъ кончанскіе ребята того и гляди поколотятъ смѣльчака. Этотъ антагонизмъ весьма отражается на посѣтителяхъ вечерокъ. Каждая вечерка имѣетъ посѣтителей изъ своего конца. Въ будни на вечерки дѣвицы ходятъ съ работой, чаще всего съ прялицей или шитьемъ Приходятъ иногда и ребята посидѣть, но игръ въ это время совсѣмъ небываетъ. За работою часто поютъ *проголосныя* пѣсни.

Проголосными называютъ тѣ пѣсни, которыя поются протяжно. Другое дѣло о праздникѣ. Тогда совсѣмъ не берутъ прялицъ да швеекъ или если и берутъ такъ развѣ *для славы*. Придутъ молодцы и скажутъ: «ну ко дѣвисы красны—писенку намъ»—не отказывать станешь. Въ этихъ случаяхъ поютъ ужъ не проголосныя пѣсни, а особыя, которыя поются скоро и неизбѣжно оканчиваются приглашеніемъ поцѣловаться. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ [1]).

Косятъ дѣвки лебеду, лебеду
Телятишкамъ на ѣду, на ѣду.
Телятишки не ѣдятъ травку.
Разженатый не солуй [2]) дѣвку,
Хоть того хуже холостой, холостой,
Разженатой подъ полатями постой,
Посолуй-ко меня, парень молодой.

Во время пѣнія подобныхъ пѣсенъ молодцы ходятъ по комнатѣ взадъ и впередъ, взявшись за руки и, по окончаніи пѣсни, приглашаютъ дѣвицъ цѣловаться. Плясать въ Гагарахъ умѣютъ, но плохо, и пляшутъ на вечеркахъ рѣдко; почти всѣ увеселительныя занятія на вечеркахъ исчерпываются вышеприведеннымъ. Въ большіе праздники, какъ въ Миколу и въ Рождество на вечерку собираются съ исключительной цѣлью поиграть. Накануне Новаго

---

[1]) Другія подобныя пѣсни см. ниже.
[2]) Не солуй—не цѣлуй.

года обыкновенно собираются на вечерку ворожить. Какой нибудь молодецъ изъ грамотныхъ приноситъ Оракула или «Царя Соломона» для ворожбы; или же льютъ въ воду воскъ, олово, ходятъ слушать на сѣнникъ, на церковную паперть, ставятъ на гумнахъ въ снѣгъ носилки и утромъ смотрятъ— въ которую сторону упала носилка, въ той сторонѣ живетъ и женихъ.

Кромѣ вечерокъ, ворожба на новый годъ происходитъ и въ домахъ, гдѣ по царю Соломону ворожатъ старики и старухи.

На святкахъ вечерки обыкновенно бываютъ биткомъ набиты. То и дѣло приходятъ нарядчики (т. е. ряженые, замаскированные), поютъ пѣсни, цѣлуются—дымъ коромысломъ. Около новаго года водятъ коня. Коня водятъ съ большимъ торжествомъ и за нимъ съ вечерки на вечерку всегда ходитъ большая толпа любопытныхъ. «Конь» изготовляется такъ: дѣлаютъ чучело конской головы и привязываютъ къ ней множество колокольчиковъ и бубенчиковъ, украшаютъ разноцвѣтными лентами, а вмѣсто туловища прикрѣпляютъ къ головѣ бѣлую простыню. Одинъ изъ нарядчиковъ на свою голову надѣваетъ голову коня и, завернувшись простынею, представляетъ коня; другой нарядчикъ водитъ коня. Съ конемъ ходятъ еще и другіе нарядчики, кромѣ вожака. Безъ коня ни однѣ святки не проходятъ, такъ какъ конь составляетъ верхъ маскараднаго искусства гагарской молодежи: безъ него и святки не святки.

Большой популярностью у насъ пользуется также медвѣдь. Одинъ нарядчикъ надѣваетъ шубу навыворотъ и представляетъ собою медвѣдя, другой—его вожака.

Помимо описаннаго, нарядчики причиняютъ много хлопотъ и дѣвицамъ и хозяйкѣ вечерки. Напримѣръ, толпа нарядчиковъ, почему либо не благоволящая къ извѣстной вечеркѣ, вздумаетъ погàлиться (поиздѣваться) надъ нею: наберетъ въ мѣшки снѣгу и придетъ на вечерку «мукой торговать», среди комнаты высыплетъ мѣшковъ пять снѣгу и уйдетъ, а вслѣдъ за этой толпой прибѣжитъ другая «съ рыбой», т. е. со всякой дрянью въ мѣшкахъ и, подобно первой, оставитъ ее на полу.

Безъ торговли мукой или рыбой ужъ тоже ни одна вечерка на святкахъ не обойдется.

Святки прошли. Наступаетъ своимъ чередомъ Крещенье.

Наканунѣ этого дня насъ съ братомъ заставили ставить мѣломъ кресты на верхнихъ косякахъ у всѣхъ оконъ и дверей въ домѣ, въ сѣняхъ, въ хлѣвахъ и пр.

О Крещеньи въ Гагарахъ гостиный праздникъ. Какъ отойдетъ обѣдня, цѣлый день гости да гости—съ ногъ просто собьешься.

Послѣ обѣдни въ Крещенье ходятъ на Ердань и старики замѣчаютъ, что если стояло облачное небо, то хлѣбъ на̀-весну родится, а ясное—ждать неурожайнаго года.

Говорятъ еще, чтобы смыть съ себя грѣхи, сдѣланные на святкахъ, слѣдуетъ въ Крещенье окунуться въ Ердани.

Зимою хоть и много работы, но все же не столько, какъ лѣтомъ. А ребятамъ и всю зиму почти что нечего дѣлать. Наше дѣло только коровъ да коней сгонять на водопой къ колодцу или на ручей. Зимою мы съ братомъ въ школу ходили. Училище у насъ, въ Гагарахъ, существуетъ недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсѣмъ не существовало и населеніе было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище, и присланъ особый учитель. Ранѣе же обученію дѣтей посвящалъ часть своихъ досуговъ сельскій священникъ.

Въ зимнее время отецъ со старшими братьями днями ѣздили по сѣно да по дрова, а вечеромъ санничали. Выдѣлка саней производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала высушенные полозья вынимаютъ изъ пристѣнка и правятъ топоромъ, придавая имъ такой видъ, въ которомъ они могутъ идти на подѣлку. Далѣе полозья рѣжутъ. Для этого существуетъ два вида рѣзокъ: широкая и мелкая, которыми и приводятъ рядъ симметрично расположенныхъ бороздокъ на наружной сторонѣ выправленныхъ полозьевъ.

Послѣ чего долотомъ въ верхней части полозьевъ дѣлаютъ пять углубленій для копыльевъ.

Каждый копылъ (а) соединяется съ копыломъ, лежащимъ противъ него на другомъ полозѣ, посредствомъ вяза.

Послѣ того, какъ два полоза вязьми соединены между собою, на верхнюю часть копыльевъ набиваютъ нащѐпы (cd) и соединяютъ съ ними головку саней посредствомъ вязьевъ. Слѣдующею работою является навѣшиваніе хрясел. Для этого двѣ отдѣльныя хряслины прикрѣпляютъ концами къ головкамъ саней Другіе же концы хряслинъ набиваютъ на дугу въ задней части саней. Еще ближе къ концамъ хряслины набиваютъ на пѐречень. Послѣ этого сани почти готовы. Остается только вставить лубокъ поверхъ вязьевъ между нащепами, впутать хрясла веревками и осмолить.

Въ зимніе сумерки вся семья обыкновенно сумерничаетъ, т. е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вотъ въ эти-то сумерничанья мы, ребята, и слушали сказки да загадки отъ взрослыхъ. Во время этихъ же сумерекъ мы знакомились съ сусѣдками да букарицами. Согласно разсказамъ, сусѣдка я представлялъ себѣ жителемъ подполья. Старшіе разсказывали даже, что бабушка видѣла въ подпольѣ сусѣдка, и хотя я

сусѣдка сильно боялся и въ подполье одинъ никогда, даже днемъ не ходилъ, но, по разсказамъ, это былъ старикъ добродушный, который худа сдѣлать никому не желаетъ. Бываетъ иногда, что сусѣдко по ночамъ давитъ людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тотъ, кого онъ давитъ всегда спрашиваетъ: «къ худу или къ добру», и сусѣдко всегда отвѣчаетъ: худо или добро, слѣдуетъ ждать. Сосѣдко любитъ хозяйничать надъ скотомъ. Какую лошадь полюбитъ—та и конь конемъ ходитъ; какую возненавидитъ—ту замучитъ и со свѣту сживетъ. Больше всего на нелюбимой лошади сусѣдко воду возитъ. Говорятъ, что въ прежніе годы какой-то хозяинъ замѣтилъ, что сусѣдко ужъ сильно лошадь измучилъ, взялъ да на водовозномъ чану и сдѣлалъ дыру. Сусѣдко пріѣхалъ на прорубь, черпалъ-черпалъ—начерпать не могъ, и примерзъ ко льду. Тутъ его утромъ и взяли.

Но вообще говоря зимой у насъ домашней, лѣсной, водяной нечистой силѣ такого значенія не придаютъ, какъ лѣтомъ.

Проходитъ зима съ своими длинными ночами, снова наступаетъ февраль, а вмѣстѣ съ нимъ и масляница. На масляницѣ у насъ, какъ и вездѣ, блины ѣдятъ, съ катушекъ катаются, на коняхъ гуляютъ, а въ прощеный день (такъ называется послѣдній день масляницы, потому что въ этотъ день у насъ принято чтобы всѣ и каждый просили другъ у друга прощенія) строятъ и ломаютъ города [1]).

За масляницей подходитъ батюшко Василій Капительникъ, дроворубъ, пахота да страда подвигаются въ своемъ неизмѣнномъ порядкѣ изъ года въ годъ.

Ф. Зобнинъ.

---

[1]) Объ устройствѣ масляничнаго города будетъ сказано особо.

Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ въ Румыніи и въ Угорщинѣ.

Въ XIII—XIV. в.

(Замѣтки Преосв. Палладія, докт. Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора).

Русское поселеніе въ Китаѣ въ первой половинѣ XIV вѣка.

(Преосв. Палладія).

«Я только что получилъ тѣ книжки Духовной Бесѣды, въ которыхъ помѣщены краткія извѣстія изъ Пекинской миссіи о начаткахъ православія среди нашихъ языческихъ сосѣдей. Конечно, вы правы: нельзя не порадоваться доброму началу, обѣщающему несомнѣнный успѣхъ въ будущемъ. Китайцы вообще менѣе предубѣждены противъ русскихъ, чѣмъ противъ другихъ націй. Нелишне также замѣтить, что между двумя сосѣдними народами существуетъ связь не только географическая, но также историческая; русскій духъ издавна виталъ въ Поднебесной Имперіи. По этому предмету, почти совершенно неизвѣстному до сихъ поръ, я предложу вамъ извлеченіе изъ китайской исторіи.

По свидѣтельству этой исторіи [1]), имя русскихъ появилось въ Китаѣ въ тяжкую для насъ эпоху монгольскаго владычества. Россія и русскіе извѣстны въ китайскихъ памятникахъ монгольскаго періода, подъ именемъ Олосы, Алосы, Улосы, иногда Улусу. На рукописной картѣ XIV в., хранящейся въ библіотекѣ Пекинской Академіи, Алосы, какъ государство, поставлены въ сѣверозападной оконечности Монгольской Имперіи, послѣ Алань-Асы (Аланы-Азы) и Киньча (Кинчакъ). Олосы, какъ и нынѣ Китайцы называютъ русскихъ, очевидно есть китайское переложеніе слова Урусъ; Монголы могли заимствовать его въ покоренныхъ ими магометанскихъ странахъ, гдѣ, какъ извѣстно, Русь носила названіе Урусъ, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Юаньши, или исторія дома чингисханидовъ въ Китаѣ (34, п. 24, 27, 35, 12, 15, 23, 36, 2, 8, 138, 19 (стар. изданіе).

что въ монгольскомъ языкѣ нѣтъ словъ, начинающихся съ буквы Р. Въ ту пору появленіе Русскихъ въ Пекинѣ было слѣдствіемъ обычая монгольскихъ хановъ набирать въ покоренныхъ ими владѣніяхъ дружины и включать ихъ въ свою пекинскую гвардію. Такимъ образомъ составились въ Пекинѣ полки: Кинчакскій, Асу (изъ Асовъ) и Русскій. Каждый полкъ имѣлъ отдѣльное управленіе и особыя записи. Мимоходомъ замѣчу, что многіе Асы, служившіе въ рядахъ Пекинской гвардіи сохранили христіанскія имена: Нѣгулай (Николай), Ѣлія (Илія), Коурги (Георгій), Димидиръ (Димитрій). Это обстоятельство подтверждаетъ сказаніе объ обращеніи Асовъ въ христіанство. О Русскомъ полкѣ въ Пекинской гвардіи упоминается въ исторіи впервые подъ 1330 г., когда взошелъ на ханскій престолъ Тутѣмуръ, извѣстный больше подъ посмертнымъ названіемъ Джаяду. Онъ первый устроилъ Русскій полкъ или поставилъ особаго темника 3-й степени надъ Русскимъ отрядомъ, который почтилъ наименованіемъ Сѣань-Джу-улосыхувэй-цинь-цзюнь, т. е. охраннаго полка изъ Русскихъ, прославляющаго (въ смыслѣ доказывающа« всему свѣту) вѣрноподданность. Монголы заняли отъ Китайцевъ обычай давать войскамъ пышные и знаменательные титулы. Русскій полкъ подчиненъ былъ главному завѣдыванію высшаго военнаго совѣта въ Пекинѣ. Тогда-же для него устроенъ былъ лагерь или поселеніе на сѣверъ отъ столицы; правительство откупило для него у крестьянъ участокъ земли, въ 130 больш. кит. десятинъ. Русскимъ военнопоселенцамъ даны были земледѣльческія орудія, для воздѣлыванія земли, и, кромѣ того, постановлено было, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ стоять лагеремъ (кочевать), въ горахъ, лѣсахъ, при рѣкахъ и озерахъ, они занимались охотой и всю добычу: птицъ, звѣрей и рыбу доставляли ко двору, причемъ сказано, что кто изъ нихъ не будетъ охотиться, тотъ подвергается суду. Гдѣ было мѣсто поселенія Русскихъ—по неопредѣленнымъ выраженіямъ—на сѣверъ отъ столицы, трудно опредѣлить; можно только предполагать изъ дарованія имъ пахатной земли, что оно находится между ВеликойСтѣной и Пекинской равниной. Изъ этихъ поселеній они вѣроятно отправлялись на охоту и облавы.

Въ слѣдующемъ 1331 г. отмѣнено темничество русскаго полка и учреждено командирство съ пожалованіемъ серебряной печати. По тогдашнему военному устройству, эта перемѣна въ управленіи присоединяла русскій отрядъ къ ближайшимъ ханскимъ. Въ то же время приписано было къ полку 600 новыхъ солдатъ (неизвѣстно откуда явившихся), которые отправлены были по домамъ (?), съ тѣмъ чтобы, къ 1-му числу 7 луны (т. е. по минованію лѣтнихъ жаровъ) они вернулись въ лагерь. Къ тому же времени относится распоряженіе о выдачѣ земледѣльческихъ орудій и хлѣба вновь поступившимъ на пограничную стражу (?) солдатамъ изъ Асу и Русскихъ.

Подъ 1332 г. три раза упоминается о доставленіи Русскихъ въ Пекинъ. Въ 1 лунѣ этого года князь Джанчи представилъ 170 человѣкъ Русскихъ; его отдарили за то 72 динами (фунтами) серебра и 5,000 диновъ ассигнаціями. Тогда 1,000 Русскихъ снабжены были платьемъ и хлѣбомъ. Въ 7 лунѣ Яньтѣмуръ препроводилъ въ Пекинъ 2,500 Русскихъ. Въ 8 лунѣ князь Аргіянили доставилъ 30 человѣкъ съ 103 подростками. Какіе князья, откуда и какъ Русскихъ доставляли въ Пекинъ, по китайской исторіи не возможно добраться. Вѣроятно это сказаніе можетъ поясниться исторіей Золотой Орды. Наконецъ въ 1334 г. знаменитый временщикъ Баянъ назначенъ былъ командиромъ гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Кипчаковъ и Русскихъ. Это есть послѣднее указаніе о Русскихъ въ Пекинѣ, въ исторіи дома Юань.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній нельзя составить отчетливаго понятія о положеніи и судьбѣ Русской дружины въ ханской службѣ, о числѣ Русскихъ, затерявшихся на отдаленномъ востокѣ. Тѣмъ не менѣе замѣчателенъ фактъ, что Русскія православныя колоніи еще въ первой половинѣ XIV в. пребывали въ Китаѣ, а быть можетъ и въ Маньчжуріи (вмѣстѣ съ Азами), въ странахъ, гдѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ того суждено было снова повѣять русскому духу, но уже съ иными правами и съ надеждой на плодотворную будущность [1]).

(Изъ журн. Духовная Бесѣда 1863, т. XVIII, № 27, стр. 368.—370).

Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ.

(Д-ра Бретшнейдера).

Къ этой замѣткѣ Палладія прибавляемъ замѣчанія и извлеченія Д. Чл. нашего Общества доктора Бретшнейдера о Русскихъ и Аланахъ или Асахъ въ Китаѣ XIV в. Въ замѣчательномъ трудѣ своемъ («Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia drawn from Chinese and Mongol writings, and compared with the observations of western authors

[1]) «Въ 1368 или въ 34 г. отъ послѣдняго указа о Русскихъ въ Пекинѣ Монголы были изгнаны изъ Китая. Надобно думать, что и русскій полкъ раздѣлилъ судьбу павшей династіи и по удаленіи изъ Китая поселился гдѣ нибудь на окраинѣ Монгольской степи, или въ Маньчжуріи».—Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу своему—«Старинное Монгольское сказаніе о Чингисъ-ханѣ» (Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ. СПБ. 1866. Т. IV. с. 247) преосв. Палладій говоритъ: «Алосы» и «Асу» (Русскіе и Аланe) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ «Новые слѣды христіанства въ Китаѣ.»—Не знаю, была ли эта статья напечатана или сохранилась въ бумагахъ Пр. Палладія?

in the Middle ages, accompanied with four maps». London. 1876. IV+233 in 8⁰) г. Бретшнейдеръ говоритъ нѣсколько подробнѣе объ этихъ важныхъ свидѣтельствахъ Юанши о Русскихъ въ Китаѣ. Замѣтивъ, что мы, Русскіе, съ XIII в. слывемъ у Монголовъ подъ именемъ Орос; а у Китайцевъ— А-ло-се, упомянувъ о древнѣйшихъ упоминаніяхъ Руси у Византійцевъ и Арабовъ, и въ кратцѣ обозрѣвъ вассальныя отношенія Руси къ Монголамъ въ теченіи слишкомъ 200 лѣтъ, г. Бретшнейдеръ между прочимъ замѣчаетъ: «Сверхъ тяжелой дани Русскіе были еще обязаны Монголамъ иною повинностью. Мы увидимъ, что во время Кубилая отрядъ русскихъ солдатъ находился даже въ Китаѣ».

«Юан-ши приводитъ интересное свидѣтельство о томъ, что въ началѣ 14-го столѣтія находилось Русское поселеніе близъ Пекина. Мы читаемъ въ его лѣтописяхъ подъ 1330, глава XXXIV, что императоръ Вен-цунъ (Wentsung)—Gob-Gimur)—1329—1332, правнукъ Кубилая) образовалъ полкъ изъ У-ло-се или Русскихъ (U-lo-sze or «Russians»). Этотъ полкъ, состоявшій подъ начальствомъ темника wan-hu (начальника десяти тысячь третьей степени), назывался Сюан-хунъ У-ло-се ка-ху-вей цинкюи «вѣчно вѣрная русская лейбъ-гвардія» и находился подъ непосредственнымъ надзоромъ военнаго совѣта. Далѣе въ той же главѣ (у Юан-ши) сказано, что сто тридцать Да-дуциновъ земли, на сѣверъ отъ Та-ту (Пекинъ) были куплены у крестьянъ и подѣлены этимъ Русскимъ для устройства лагеря и образованія военной колоніи. Далѣе мы читаемъ въ той же главѣ: «Они (т. е. Русскіе) были снабжены земледѣльческими орудіями и обязаны доставлять къ императорскому столу всякаго рода дичь, рыбу и проч., находящуюся въ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ страны, гдѣ находился ихъ лагерь». Русскій полкъ снова упоминается въ главѣ XXXV.

Въ главѣ XXXVI у Юан-ши есть троякое упоминаніе о русскихъ плѣнникахъ, присланныхъ къ Китайскому императору.

Въ 1332 г. князь Джанг-ги представилъ сто семьдесятъ русскихъ плѣнниковъ и получилъ денежную награду На той же страницѣ находимъ, что одежда и хлѣбъ были отпущены тысячѣ русскихъ.

Въ томъ же году князь Іен-те-муръ представилъ императору тысячу пятьсотъ русскихъ плѣнниковъ, а другой князь А-р-дже ши-ли представилъ тридцать человѣкъ.

Наконецъ въ жизнеописаніи Бояна (Bo-yen) глава CXXXVIII, говорится про него, что онъ былъ назначенъ въ 1334 г. начальникомъ лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Киньча (Kin-ch'a) (Кинчаковъ, т. е. Половцевъ) и Русскихъ.

Вотъ все, что я могъ найти у Юан-ши относительно Русскихъ. Кажется ни одинъ изъ Русскихъ на службѣ у Монгольскихъ императоровъ въ Китаѣ не игралъ видной роли. По крайней мѣрѣ въ біографіяхъ Юан-ши Русскіе не имѣютъ своихъ представителей, тогда какъ многіе замѣчательные государственные люди и полководцы Монгольско-Китайской Имперіи были изъ Кипчаковъ (Половцевъ), Kaukalis, Алановъ и другихъ народностей, подвластныхъ Монголамъ». (Notices, pp. 180—181).

«А-лан А-се=Аланы или Асы». (Notices, pp. 184—189).

Это имя придается народу, извѣстному у Карпини какъ «Alani sive Assi» или «Alani sive Aas» Рубруквиса.

Аланы, народъ, жившій на сѣверъ отъ Кавказа, были извѣстны Римскимъ и греческимъ писателямъ съ начала нашей эры. Въ 1-мъ в. по Р. X. упоминаютъ о нихъ Светоній, Луканъ и Плиній. Во 2-мъ вѣкѣ говоритъ о нихъ Греческій писатель Лукіанъ. Амміанъ Марцеллинъ (4 в.) сообщаетъ подробное свидѣтельство объ Аланахъ. Вологесъ, царь Пареянъ, просилъ императора Виталіана (69—79) о помощи противъ Алановъ. Арріанъ, правитель Каппадокіи (2 в.), воевалъ съ Аланами. Въ 5-мъ в. Аланы вмѣстѣ съ Свевами и Вандалами нападали на Галлію.

Во 2-й половинѣ 6-го в. Земархъ Киликіанинъ, посланный императоромъ Юстиномъ къ Туркамъ, на обратномъ пути посѣтилъ вождя Алановъ (Jules Cathay p. CLXVI). Константинъ Багрянородный (въ полов. X в.) говоритъ, что страна Аланъ лежитъ вокругъ (т. е. на сѣверѣ) Кавказскихъ горъ (Klaproth, Asia Polyglotta, p. 85). Клапротъ (въ своемъ Mag. Asiat. tom. I, pp. 258—302) приводитъ извѣстія Масуди о Кавказѣ (943 г.) и о странахъ черноморскихъ и каспійскихъ. Масуди называетъ Аланъ—Ланами и столицу ихъ Маас'омъ. Онъ говоритъ, что они прежде были язычниками, во времена же халифовъ Аббасидовъ приняли христіанство; въ 320 г. геджры (въ нач. 10-го в.) они бросили эту вѣру и прогнали епископовъ, присланныхъ къ нимъ императоромъ изъ Константинополя. Масуди же говоритъ, что въ срединѣ страны Аланъ между Кавказскими горами есть крѣпость и мостъ черезъ широкую рѣку. Крѣпость называется замкомъ Аланскихъ воротъ. Онъ былъ построенъ въ старое время царемъ персидскимъ для предупрежденія нападеній Аланскихъ [1]).

Въ Русскихъ лѣтописяхъ Аланы вообще извѣстны подъ именемъ Ясовъ. Въ 936 г. Святославъ взялъ ханскій городъ Бѣлую Вѣжу на Дону и воевалъ съ Ясами и Касогами.

---

[1]) Клапротъ полагаетъ, что Аланскія ворота были въ Даріанѣ на р. Терекѣ, недалеко отъ горы Казбека, гдѣ теперь проходитъ большая дорога изъ Тифлиса во внутреннюю Россію.

Ясы упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ XIII стол., какъ народъ прикавказскій, около р. Терека (Карамзинъ, IV, стр. 119, 355).

Проходя черезъ Кавказскій хребетъ въ 1223 г., Монголы нашли Аланъ на сѣв. склонѣ этого хребта. Пятнадцать лѣтъ спустя Аланы стали подданными Батыя, послѣ сильнаго впрочемъ сопротивленія Монголамъ. Мусульманскіе историки, говоря о походахъ противъ этого народа, называютъ ихъ безразлично Аланами или Асами (D'Ohsson, томъ II, pp. 619, 620).

Карпини и Рубруквисъ, какъ мы видѣли, также отожествляютъ Алановъ съ Асами. Первый упоминаетъ объ ихъ поселеніяхъ на югъ отъ Команіи (p. 748). Рубруквисъ говоритъ (p. 246): «In hac solebant pascere Comani, qui dicuntur Capthat; a Teutonicis vero dicuntur Valani, et provincia Valania. Ab Isidoro vero dicitur, a flumine Tanay (Don) usque paludes Meotidis et Danubium, Alania». На стр. 252 читаемъ: «Habebamus autem ad meridiem montes maximos, in quibus habitant, in lateribus versus solitudinem illam, Cherkis et Alani, sive Aas, qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros». На стр. 243 Рубруквисъ говоритъ: «In vigilia Pentecostes venerunt ad nos quidam Alani, qui ibi dicuntur Aas, christiani secundum ritum Graecorum, et habentes litteras graecas et sacerdotes graecos. Tamen non sunt schismatici sicut Graeci, sed sine acceptione persone venerantur omnem christianum».

Марко Поло (vol. II, p. 421 изд. Юла) упоминаетъ Аланію между подвластными Монголамъ странами, а въ другомъ мѣстѣ (vol II, p. 140) посвящаетъ цѣлую главу разсказу о рѣзнѣ извѣстныхъ Аланъ-христіанъ, составлявшихъ особый отрядъ въ арміи Кубилая. Рѣзня эта произошла въ Чингинджу (Шанъ-шу-фу въ Кьянгсу).

Мариньолли (въ полов. XIV в.) пишетъ объ Аланахъ (Jule's Cathay p. 373): «Они въ настоящее время самый великій и благородный народъ на свѣтѣ, самые красивые и храбрые люди. Благодаря ихъ помощи Татары овладѣли востокомъ и безъ нихъ никогда бы не одержали ни одной важной побѣды. У Чингисъ-хана, перваго царя татарскаго, состояло на службѣ семьдесятъ два аланскихъ князя, когда этотъ бичь Божій отправился карать міръ».

Клапротъ (Asia polyglotta, p. 82) отожествляетъ Алановъ или Асовъ съ Осетами, народомъ еще находимымъ на Кавказѣ на сѣверъ отъ Грузіи. Онъ говоритъ, что они извѣстны Грузинамъ подъ именемъ Осовъ. Вивьенъ де С. Мартенъ возражаетъ противъ такого отожествленія, хотя онъ считаетъ Алановъ и Асовъ первоначальными членами одного великаго племени Асовъ, которые различными путями и во времена значительно отдаленныя появились изъ средней Азіи въ странахъ прикавказскихъ. По словамъ этого ученаго Грузины различаютъ

Аланетовъ отъ Осетовъ и помѣщаютъ первыхъ внутри Абхазіи (Jule p. 317).

Полковникъ Юлъ говоритъ (ib p. 316): «Аланы извѣстны Китайцамъ подъ этимъ именемъ еще въ первыхъ годахъ нашей эры и даже нѣсколько раньше, и помѣщаются ими близь Арала. По этимъ первоначальнымъ ихъ жилищамъ можно заключить объ ихъ сродствѣ, если не тожествѣ съ знаменитыми Массагетами».

Это положеніе Юла относительно ранняго знакомства Китайцевъ съ Аланами, вѣроятно основанное на мнѣніи Дегиня (томъ II, стр. 279), требуетъ нѣкотораго поясненія и исправленія. Я позволю себѣ указать, на какихъ данныхъ основано это отожествленіе Дегиня. Въ исторіи древнѣйшихъ хановъ (до Р. Хр. 202—по Р. Хр. 25), глава CXVI, царство Іенчай (Yen-t'sai) упоминается въ 2000 ли на сѣверо-западъ отъ Кьан-кю K'ang-kü (Самаркандъ;—см. выше, 141). Далѣе говорится, что Іенчай расположенъ на большомъ озерѣ (собственно болотѣ) съ плоскими берегами; называется оно Сѣвернымъ моремъ. Въ исторіи позднѣйшихъ хановъ (21—221 г., по Р. Х.) гл. CXVIII Іенчай снова упоминается, причемъ замѣчено, что названіе страны измѣнилось на А-лань-я A-lan-ya (Deguigne'вскіе Алане). Въ исторіи Уей (Wei—386—558) упоминается царство Суте—Su-t'e на сѣверо-западъ отъ К'анъ-кю—K'ang-kü, расположенное на большомъ озерѣ; нѣкогда царство это называлось Іен-чай, Yen-t'sai и Уен-на-ша Wen-na-sha. Я не рѣшаюсь утверждать, что такія неопредѣленныя извѣстія объ Іенчай и сходство именъ A-lan-ya съ Аланія достаточны для отожествленія этихъ именъ. Во всякомъ случаѣ нельзя считать за достовѣрное, что Алане были извѣстны Китайцамъ еще до христіанской эры.

Мы узнаемъ изъ Юан-ши (Yüan-shi), что въ Монгольскій періодъ Аланы были не только извѣстны въ Китаѣ, но представили не мало способныхъ людей Монголо-Китайской Имперіи. Многіе изъ нихъ занимали высокія должности или отличились, какъ доблестные полководцы. Въ жизнеописаніяхъ у Юан-ши прославлены болѣе двадцати заслуженныхъ Аланъ, иные изъ нихъ царской крови, и сверхъ того приводятся еще имена многихъ другихъ.

Они обыкновенно прозываются А-су, A-su, а иногда A-sze. Имя Аланъ—Alan встрѣчается только однажды, см. въ Си-пей-ши, гдѣ это имя обыкновенно сочетается съ А-се (A-sze), также какъ и на картѣ. Въ первый разъ Юан-ши упоминаетъ A-su, А-су подъ 1223 г.

Вотъ списокъ Аланъ, имена коихъ приводятся въ біографіяхъ у Юан-ши.

Гл. CXXXII. Hang-hu-sze (это имя пишется также Ang-ho-sze). Когда войско императора Оготая достигло страны А-су, правитель ея, по

имени Ханг-ху-зе покорился немедленно; затѣмъ императоръ пожаловалъ ему въ достоинство ба-ду-р'а (ba-du-r—bahadur), и золотую дощечку, утвердивъ его правителемъ его княжества. Также данъ былъ приказъ объ образованіи полка изъ тысячи человѣкъ народа А-су (для лейбъ-гвардіи хана). Ханг-ху-зе по возвращеніи домой былъ убитъ въ одномъ мятежѣ, и вдова его Уай-ма-зе (Wai-ma-sze) стала во главѣ правленія. Она собрала силы, усмирила возстаніе и передала власть сыну своему Ан-фа-п'у (An-fa-p'u).

Старшій сынъ этого Ханг-ху-зе Атяши (A-t'a-ch'i), жизнь котораго описана у Юан-ши въ гл. CXXXV, былъ храбрый полководецъ въ правленіе Мангу и Кубилая и отличился въ Китаѣ въ войнѣ съ Сунгомъ. У него былъ сынъ, по имени Ботаръ (Bo-ta-r), отецъ О-ло-се (O-lo-sze), имѣвшаго въ свою очередь двухъ Дудана и Фудинга (Du-dan, Fu-ding). Всѣ они были офицерами монгольской арміи.

Въ главѣ CXXXII (у Юан-ши) находится біографія Юваши—Yü-wa-shi, другого Алана, отличившагося въ качествѣ полководца въ правленіе Кубилая. Онъ былъ отправленъ противъ возмутившихся князей на сѣверо-западѣ (Кайду и пр.) и пронесъ монгольское оружіе до страны И-би-р Ши-би-р (Сибирь). Отецъ Юваши по имени Іеліе ба-ду-р (Илія багадуръ—тоже кажется князь) покорился въ одно время съ Ханг-ху-се. Другіе потомки Юваши точно также упоминаются.

Въ гл. CXXIII есть біографія А-су (или Алана) Nie-gu-la (Николая). Про него сказано, что онъ покорился въ одно время съ Ильею Асу (Ye-li-ya A-su)—вѣроятно тутъ разумѣется предъидущій Илья,—и съ другими, всего ихъ было 38 чел. Николай (Niegula) находился при императорѣ Мангу, когда тотъ воевалъ въ Китаѣ съ Сунгомъ. Его сынъ А-тя-ши (A-t'a-chi (это имя встрѣчается второй разъ, какъ имя Алана) отличился при осадѣ Сянъ-Янъ-фу и въ походѣ противъ возмутившагося князя Но-іена (No-yen). Въ царствованіе императора Іен-цунга (1312—1321) онъ еще дѣйствовалъ. Его сынъ Кіао-Хуа занималъ высокую должность при дворѣ.

Въ той же главѣ находится біографія А-су князя Арселана (A-r-sze-lan). Тутъ сказано, что когда городъ его былъ взятъ ханомъ Мангу, Арселанъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Асанджеиомъ (A-san-djen) явился въ лагерь къ побѣдителю и изъявилъ ему свою покорность. Монголъ выдалъ Арселану грамоту на управленіе народомъ Асу, но половину войска Арселанова забралъ къ себѣ въ гвардію, а остальную половину оставилъ при немъ для защиты его владѣній. Асанджеиъ былъ взятъ ханомъ Мангу, но былъ вскорѣ убитъ въ сраженіи съ возмутившимися войсками Шеркьо (?). Мангу тѣло его приказалъ бальзамировать и отправить на родину. Услыхавъ о смерти своего

сына, Арселанъ сказалъ: «Старшій сынъ мой рано погибъ, не успѣвъ сослужить службу императору. Вотъ второй мой сынъ Нѣгулай (Nie-gu-lai), предлагаю его вашему величеству». Этотъ Нѣгулай былъ храбрымъ воиномъ и принималъ участіе въ походѣ Вулянгходая (Wu-liang-ho-dai) въ Халаджангъ (Ha-la-djang — Караджангъ Решида, — Юннанъ). Послѣ него остался сынъ Хурдуда (Hu-r-du-da), по повелѣнью Кубилая сопровождалъ Булу ноена, (Bu-lu no-yen) ходившаго въ какую-то страну Хармаму (Ha-r-ma-mou?). У Хурдуды былъ сынъ Худутѣмуръ (Hu-du-t'ie-mu-r). Всѣ они служили въ гвардіи императорской.

Въ главѣ CXXXII мы встрѣчаемся съ именами трехъ Аланъ, покорившихся Мангу, когда онъ напалъ на ихъ страну, а именно Бадура (Ba-du-r) и его братьевъ Уцорбухана (U-tzo-r-bu-han) и Матяршу (Ma-t'a-r-sha). Этотъ послѣдній находился въ авангардѣ Монгольскаго войска, когда былъ взятъ приступомъ городъ Майкьосе (Mai-k'o-sze) [1]).

Въ CXXXV гл. есть біографія Кюрджи—K'our-r-gi (Георгій) природнаго Аса или Алана (A-su), служившаго въ Монгольскомъ войскѣ въ правленіе Кубилая. Его отецъ Фуделайсе (Fu-de-lai-sze) служилъ въ гвардіи императора Мангу. Сынъ Кюрджи назывался — Димитрій Di-mi-di-r.

Въ той же главѣ помѣщены біографіи двухъ другихъ Аланъ Шила бадуръ (Shi-la ba-du-r) и

Изъ именъ нѣкоторыхъ Аланъ, упоминаемыхъ у Юанши можно заключать, что они были христіане. (Notic., стр. 184—189).

Замѣтка архим. Руварца объ Ясахъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ придунайскихъ земляхъ.

Въ дополненіе къ этимъ двумъ замѣткамъ Преосв. Палладія и д-ра Бретшнейдера объ Ясахъ въ Китаѣ приводимъ въ русскомъ переводѣ и вышеуказанную замѣтку отличнаго сербскаго изслѣдователя архим. Руварца.

---

[1]) Г. Бретшнейдеръ въ другомъ мѣстѣ своей книги (Notices of the med. geogr., стр. 83—4) говоритъ объ этомъ городѣ. Приведя слова Решида о дѣйствіяхъ Монголовъ на Кавказѣ въ 1238—1239 г., онъ замѣчаетъ что упоминаемый тутъ городъ Mangass или Mikess—тожественъ съ городомъ Асскимъ или Аланскимъ Mie-k'ie-sze, упоминаемымъ подъ тѣмъ же годомъ и при описаніи тѣхъ же дѣйствій Монголовъ у Китайскаго историка Юанши. Этотъ городъ встрѣчается у него нѣсколько разъ, и также подъ именемъ Mai-k'o-sze. По мнѣнію г. Бретшнейдера, Mie-k'ie-sze или Mai-k'o-sze Юанши=Miegie—Монгольскихъ лѣтописей=Mikess Решида. Но мѣстоположеніе этого города г. Бретшнейдеръ опредѣлить затрудняется и ссылается лишь на указанія В. В. Григорьева (Зап.-Вост. Отд. Арх. Общ. I, 64) на городъ Мокши (Mokhsi или Mokhshi) во владѣніяхъ хановъ Золотой Орды. Это быть можетъ и есть Mie-k'ie-sze китайскихъ авторовъ. Но Григорьевъ прибавилъ, что существованіе этого города (Мокши) извѣстно лишь по нѣсколькимъ выбитымъ въ немъ древнимъ монетамъ.

Статья эта немногимъ у насъ извѣстна, а между тѣмъ очень важная. Она озаглавлена у почтеннаго автора «Господство Яшко».

«Въ краткой исторіи болгарскаго народа, написанной по К. Иречку Др. Миланомъ Савичемъ и изданной въ 1879 г. въ Новомъ Садѣ, говорится, что болгарскій царь Михаилъ (1330 г.) заключилъ противъ сербскаго короля Стефана Уроша III союзъ съ греческимъ царемъ Андроникомъ III, съ румынскимъ воеводой Иванкомъ Басарабомъ, съ черными Татарами и съ господаремъ Яшки (sic). У Иречка въ нѣм. изд. стр. 293 сказано gospodstvo Iassko, а ниже въ пунктѣ 19 «Einleitung zu Dušans Gesetzen» (Iasi slav. Alanen). Но это замѣчанье легко могло быть просмотрѣно, и г. компилятору это господство јашко показалось слишкомъ отвлеченнымъ, и онъ предпочелъ замѣнить его болѣе конкретнымъ выраженіемъ: «господарь Яшки», и такимъ образомъ волею неволею приблизился къ бывшему архіепископу Черниговскому Филарету, который въ трудѣ своемъ «Святые Южныхъ Славянъ» (стр. 201 прим. 14) «господство Яшко» замѣнилъ «господарь Яковъ».

Но лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе указаннаго мѣста въ предисловіи Душана къ его Законнику. Это мѣсто гласитъ такъ: «А позавидевъ злоненавистникь діаволь нашему благому житію и злоньравіемь вьздьвиже на нась—говоритъ царь Стефанъ—з (7) царевь въ лѣтѣ 6837, мѣсеца Іуніа 19 день, рекоу же (1) и цара грьчаскаго, (2) Михаила и (3) брата его Белаоура и (4) Александра цара Бльгаромь и (5) Басарабꙋ Иванька, таста (6) Александра цара соуметь живуштихъ чрьныхъ Татарь и (7) господство яшко (См. Законик Стефана Душана изд. Стојан Новаковић, стр. XXIII).

Въ хрисовулѣ 1330 г., пожалованномъ монастырю Дечанскому Стефаномъ Урошемъ III сказано: «Храмоу сему жиждемоу и синмоу хрисовоулоу записиваемому—вьнезапу побѣди се царь бльгарьскыи Михаиль Шишьманикь съ иными сильними 4-ми цари сь иноплеменьными іезыкы и многими погании». (Mikl. Mon. Serb. 100).

Въ такъ называемой Копривницкой Лѣтописи (Шафар. 53. срв. Arkiv III, 12) читаемъ: «Въ лѣто 6838—(1330) изиде начельникъ скиескыи глаголемыи Михаиль царь, сь силою многою, и сь нимь окрьстныи єзыци, глаголю же Татари, Басараби с прочими и т. д.

Григорій Цамблакъ говоритъ вообще: «блъгарскыи царь Михаиль—на срьпское подвизаше се начелство—и много оуби того воинство суще, множайше же отъ различныихь езикь присьвькупль, еще же и о ономь поль рѣкы Доунава живоущихь Готѳь (Гласник XI, 71), а архіепископъ или вообще авторъ

жизнеописанія краля Дечанскаго (Жив. краљева изд. Даничић с. 179) говоритъ еще общѣе: и «сьбра (Мих. царь) тьми тьмами вьсакыихь езикь».

Въ предисловіи Душана сказано, что семь царей поднялось противъ сербскаго краля. Слово царь употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ въ народной пѣснѣ: «цареви се отимљу о царство», гдѣ разумѣются: царь Урошь, краль Вукашинъ, деспотъ Углеша и воевода Гойко.

О первыхъ четырехъ—1) царѣ греческомъ (Андроникѣ III), 2) царѣ болгарскомъ Михаилѣ, 3) братѣ его Белаурѣ и 4) племянникѣ его Александрѣ, въ послѣдствіи царѣ болгарскомъ—говорить тутъ нечего.

Пятымъ стоитъ Иванко Басараба. К. Иречекъ полагаетъ, что этотъ союзникъ Михайловъ въ войнѣ противъ Сербовъ 1330 г. есть тотъ самый валашскій воевода Басараба, что въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ окружилъ въ тѣсномъ ущельѣ короля венгерскаго Карла Роберта и разбилъ почти все его войско. Въ венгерскихъ хроникахъ (въ Туроцевой гл. 97. Chron. Budense p. 246; Chron. Posoniense: «A. D. 1330 feria sexta ante festum beati Martini (9 Nor) in terra Bazarad Karolus rex fraudulenter est devictus») называется онъ «Bazarad Waywoda Blachorum», а въ карловыхъ грамотахъ, «Bazarab Vlacus (влахъ) in terra Transalpina» (Fejer VIII v. 3 p. 265 VIII vol. 4 p. 58), а въ первой грамотѣ говорится еще: in terra transalpina per Bezarab filium Thocomery (т. е. Басарабъ сынъ Тихомировъ); но личное его имя не извѣстно ни изъ хроникъ, ни изъ грамотъ венгерскихъ. Энгель, Фесslerъ, Клейнъ, Салай, Хормузаки и другіе румынскіе писатели называютъ Басарабу разбившаго Карла Роберта Михаиломъ, но Хиждеу въ Histoire critique des Roumains trad. Fr. Dame. Bucarest 1878 I p. примѣчаетъ 101 (5): «Любопытно, что во всѣхъ румынскихъ учебникахъ исторіи отечественной эта побѣда (1330) приписывается «Михаилу Басарабу», лицу совершенно фантастическому. До 1418 г. въ Валахіи не было ни одного государя съ этимъ именемъ. Самъ Хиждеу утверждаетъ, а раньше его и Р. Реслеръ въ Roman, Stud. (296, 197), что побѣдитель 1330 г. былъ валашскій воевода Александръ Басараба. Если же оно такъ, то упоминаемый у Душана Иванко Бассараба не былъ валашскимъ воеводой, а если былъ, то неправильно названъ «Иванко», Но положенію, что валашскій воевода, побѣдившій въ 1330 г. Карла Роберта, назывался Александромъ, служитъ основаніемъ предположеніе, что въ первый разъ упоминаемый въ венгерской хроникѣ подъ 1342 г. и въ грамотахъ Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. воеводою валашскимъ.

Фотинъ и Когальничану (ихъ приводитъ Реслеръ стр. 292 и 295) говорятъ, что разбившій Карла воевода назывался Іонъ (Иванъ) Басараба I. Это по-

ложеніе находитъ подтвержденье въ нашемъ предисловіи (къ Зак. Душана), ибо Иванко Басараба тоже, что и Иванъ Басараба.

Вышеупомянутый строго критичный румынскій историкъ Хиждеу не соглашается съ тѣмъ, что Иванко Басараба нашей записи былъ валашскимъ воеводою раньше Александра Басарабы и полагаетъ, что этотъ Иванко есть Janus Meister de Doboka, отецъ Ладислáва де Doboka,—этого послѣдняго валашскій воевода Ладиславъ, сынъ и наслѣдникъ воеводы Александра, въ одной грамотѣ называетъ своимъ сродникомъ (Fejer IX). Но Хиждеу поступаетъ такъ потому, что онъ слишкомъ твердо увѣрилъ себя, будто Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. волошскимъ воеводой.

Объ Иванкѣ Басараба сказано далѣе въ записи, что «онъ тесть Александра царя и что этотъ Александръ былъ царемъ пограничныхъ Татаръ», а вовсе не сказано, что этотъ Иванко былъ тестемъ Александру, позднѣйшему царю болгарскому, какъ разумѣлъ это мѣсто К. Иречекъ (Desch. d. Bulg p. 290. 321 и русск. пер. с. 383). На это уже Хиждеу возражалъ Иречку.

И такъ 6-мъ союзникомъ Михаила въ войнѣ противъ Сербовъ былъ Александръ, зять Иванка Басарабы, воеводы волошскаго и царь пограничныхъ черныхъ Татаръ. Татары тогда еще господствовали въ Молдавіи, она ужь позже получила особаго волошскаго воеводу. Что же касается самаго имени этого царя татарскаго, т. е. имени христіанскаго, то напомнимъ, что венгерскій король Людовикъ въ грамотѣ 1368 г. говоритъ о торговцахъ и остранѣ domini Demetrii principis Tartarorum (Fejer, IX, 4 vol. p. 129).

7. Господство Яшко. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются Ясы, а что Ясы тоже что Аланы, объ этомъ говоритъ уже Минорита Joannes de Plano Carpini, бывшій между ними въ 1246 г. (см. Fejer IV, vol. I, p. 42): «Alani sive Assi». И въ жизнеописаніи нашего архіепископа Даніила II [1]) умоминаются Яси или єзикъ яшьски въ товариществѣ съ Татарами и Турками (см. Животи Архіепископа стр. 341 и 259). И какъ езикъ яшьски около 1313 г. помогалъ кралю Милутину противъ его непріятелей, такъ точно въ 1330 г. могъ сражаться за царя болгарскаго противъ краля сербскаго. Но гдѣ же это господство яшко или гдѣ проживали эти Яси упоминаемые въ сербскихъ лѣтописяхъ? Полагаю, что они проживали возлѣ Татаръ въ одной части Молдавіи, и городъ Яши (Яссы) получилъ отъ этихъ

[1]) Занималъ арх. каѳедру съ 1323 по 1337 г.

Ясовъ свое названіе [1]).—Извѣстно, что прежде Татаръ въ нынѣшней Румыніи господствовали Куманы (Половцы), коихъ побѣдили Татары, и отъ коихъ одна часть бѣжала въ Венгрію, гдѣ ихъ потомки и теперь называются Палоци, т. е. Половцы, какъ Куманы назывались у Русскихъ. Быть можетъ, что тогда же съ Половцами или Куманами пришла и толпа Ясовъ изъ Молдавіи въ Венгрію, и что отъ нихъ происходятъ тѣ, которые называются въ грамотахъ и законахъ венгерскихъ Jassones или Jazyges и почти всегда упоминаются заодно съ Куманами» [2]).

(Замѣтки Редактора о Руси и Ясахъ будутъ помѣщены въ 3 кн. Жив. Стар.).

---

[1]) Въ Журн. М-ва Нар. Пр. Дек. 1878 г. И. Ф. Брунъ пишетъ на стр. 237: «Господство яшко»: къ нему безспорно принадлежалъ городъ Яссы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными»,—по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже называли Кара-Богданъ, была тогда уже извѣстна грекамъ подъ названіемъ Мавровлахія, и по которой и городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ превратился въ Черный (Маврокастронъ).

[2]) Hunfaliy (Ethnographie von Ungarn. Budapest p. 244) и другіе венгерскіе писатели (раньше его) думаютъ объ этомъ иначе, а именно: der magyarische Name der Jazigier ist jassok dieses Wort lautet im Singular «iasz» und ist gleichbedeutend mit ijasz Bogen oder Pfeilschütze(отъ ij=стрѣла).

ОТДѢЛЪ II.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ нами былъ случайно найденъ въ одной деревнѣ близъ Архангельска (деревня Верхн. Валдушки) небольшой писанный сборникъ, составленный, какъ видно изъ надписи его владѣльца и, судя по почерку составителя,—въ 1748 году. Надпись сдѣлана въ срединѣ сборника и гласитъ слѣдующее: «сія тетрадь Кегостровской волости Якова Алексѣева сына ево Матвея Котлова 1748 года мѣсяца іюля 15 числа». (Кегостровъ—деревня въ 4—5 верстахъ отъ Архангельска).

Сборникъ этотъ, представляющій изъ себя тетрадку въ восьмую долю листа, безграмотно написанную, читается легко благодаря разборчивому почерку, хотя многія слова и буквы стерлись. Содержитъ онъ слѣдующее: повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ, молитву Архангелу Михаилу, слово святого отца нашего Моисея, слово святого отца нашего Евагрія, чудо святого Христова мученика и страстотерпца Георгія (како избави дщерь цареву отъ лютаго змія), слово святого Аркадія архіепископа, повѣсть объ Акирѣ премудромъ и сынѣ его Анаданѣ, поученіе Іоанна Златоуста, церковныя пѣснопѣнія въ день Рождества Христова и другіе праздники.

«Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Іліи Муромце і о соловье Разбойнике» представляетъ изъ себя, въ сущности, былину съ совершенно разложившимся стихомъ, значительно испорченную, и какъ всѣ подобныя ей «повѣсти», носитъ на себѣ яркіе слѣды книжнаго вліянія. Такія «повѣсти», «сказанія» и «гисторіи» писались въ большемъ количествѣ въ 18-омъ и еще въ 17-омъ вѣкѣ полуграмотными писцами для полуграмотныхъ читателей и продавались въ Москвѣ вмѣстѣ съ лубочными картинами. Отсутствіе стихотворнаго размѣра въ такихъ повѣстяхъ, записанныхъ, вѣроятно, со словъ былинныхъ сказателей, объясняется тѣмъ, что эти послѣдніе (какъ свидѣтельствуетъ Гильфердингъ) совершенно не могутъ передавать былины «пословесно» безъ напѣва—особенно въ мѣстахъ «переходныхъ»,—и впадаетъ въ прозаическую рѣчь; да и записыватели ихъ, понятно, интересовались лишь содержаніемъ былинъ.

Значительная порча дошедшихъ до насъ текстовъ, конечно, объясняется также и тѣмъ, что всѣ эти «повѣсти» находимъ мы въ копіяхъ, а не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ сказателей, а онѣ при перепискѣ должны были много потерпѣть.

Всего дошло до насъ семь такихъ текстовъ (не считая нашего), которые и описаны Л. Н. Майковымъ въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», *откуда мы заимствуемъ всѣ о нихъ свѣдѣнія.*

1) **«Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникахъ Ѳ. И. Буслаева (первой четверти XVIII в.).**

2) «Сказаніе о Іліе Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222 (втор. четв. XVIII в.).

3) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье разбойнике»—въ сборникѣ Публ. Библ. (писанномъ во втор. полов. XVIII в.).

4) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье разбойнике»—въ рукописи И. Е. Забѣлина, № 71 (писан. во втор. полов. XVIII в.).

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникѣ Москов. Публ. Музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663 (XVIII-го вѣка).

6) «Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ»—въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82 (писан. въ срединѣ XVIII-го вѣка).

7) «История о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова (XVIII-го вѣка).

Сравнивая ихъ, Л. Н. Майковъ приходитъ къ тому заключенію, что первые 4 текста, очень сходные между собою и по изложенію и по подробностямъ, представляютъ собою 4 списка одной редакціи одного памятника (къ нимъ подходитъ и отрывочный пятый), два-же другихъ, т. е. шестой Забѣлинскій (№ 82) и Барсовскій,—2 списка другой редакціи памятника. Затѣмъ, сличивъ первые 4 текста, онъ дѣлаетъ удачную попытку возстановить, на основаніи ихъ, первоначальную редакцію памятника, т. е. «возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII-омъ вѣкѣ».

Сличая текстъ найденной нами рукописи съ возстановленнымъ текстомъ Л. Н. Майкова и, съ другой стороны, съ Забѣлинскимъ (№ 82), мы видимъ, что нашъ текстъ, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ и по самому изложенію, представляетъ сравнительно съ ними значительныя особенности. Возстановленный Л. Н. Майковымъ текстъ (говоря о немъ мы имѣемъ въ виду собственно тѣ четыре или пять текстовъ, на основаніи которыхъ онъ возстановленъ) представляетъ схему нѣсколько иную, чѣмъ нашъ: онъ начинается прямо съ отъѣзда Ильи изъ дому и съ заповѣди, которую налагаетъ на себя Илья, и затѣмъ уже прямо разсказывается эпизодъ подъ городомъ Себежомъ,—нашъ же говоритъ сначала о родителяхъ Ильи и объ исцѣленіи его странниками («старичками»). Начало Забѣлинскаго текста (№ 82) утрачено,—онъ начинается тѣмъ, что воевода черниговскій ведетъ Илью на пиръ; кромѣ того текстъ этотъ содержитъ въ себѣ разсказъ объ Идолищѣ, чего нѣтъ во всѣхъ остальныхъ.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Въ возстановленномъ Л. Н. Майковымъ текстѣ (и во всѣхъ 4-хъ) Илья Муромецъ самъ налагаетъ на себя заповѣдь не кровавить рукъ, тогда такъ въ нашемъ-заповѣдь эту налагаютъ на него его родители.

2) Въ возстановл.—у царевичей, осаждающихъ Себежъ градъ (у насъ вездѣ Себѣжь) силы «по сту и по тысячѣ»; въ Забѣлинскомъ (№ 71) «силы съ ними триста тысячъ», по нашему же—«со всякимъ царевичемъ силы по тридцати тысячъ».

3) Въ возстановл.—эти царевичи похваляются «градъ защитомъ взять, а самаго царя Себежскаго въ полонъ взять», въ нашемъ—«градъ защитомъ взять а жители градскихъ подмечъ.....»

4) Въ возстановл.—силу вражью (у насъ «татарскую») Илья избиваетъ саблей, въ нашемъ—палицей булатной (у насъ «напущается на рать силу великую сколько бьетъ, а вдвое конемъ топчетъ, куда онъ не поедетъ—улицы, куда не поворотится — слободы»; такія выраженія постоянно видимъ въ былинахъ).

5) Въ возставл.—не находимъ мы никакого тутъ упоминанія о морѣ (только въ Забѣлинскомъ № 71 побѣда надъ царевичами происходитъ у морской пристани), въ нашемъ такое упоминаніе есть, хотя черта эта, по замѣчанію Л. Н. Майкова, вѣроятно, «не принадлежитъ коренному сказанію».

6) въ возстановл.—царь Себежскій обѣщаетъ дать Ильѣ полъ-царства если послѣдній останется у него на службѣ, и въ Забѣлинскомъ (№ 82) зоветъ на пиръ Илью вое-

вода черниговскій, а въ нашемъ зовутъ Илью кушать хлѣбъ-соль жители городскіе «отъ мала до велика».

7) Въ возстановл.—Соловей сидитъ на девяти дубахъ (въ Буслаевск. на двѣнадцати; въ Забѣлинскомъ (№ 82) тоже на двѣнадцати), въ нашемъ—на двухъ.

8) Въ возстановл. — изъ 4-хъ текстовъ, только въ Буслаевскомъ—(ничего не сказано) и въ Забѣлинскомъ (№ 82)—Илья попалъ Соловью въ правый глазъ, въ нашемъ—въ лѣвый.

9) Въ возстановл.—(во всѣхъ 4-хъ) и въ Забѣлинскомъ (№ 82) сказано: Соловей упалъ съ девяти дубовъ, *«что овсяный снопъ»* (это Л. Н. Майковъ считаетъ коренной чертой сказанія), въ нашемъ—этого нѣтъ.

10) Бой съ Соловьемъ разбойникомъ описывается въ нашемъ текстѣ совершенно не такъ, какъ во всѣхъ другихъ. У насъ Соловей садится на коня. Къ сожалѣнію, мѣсто это въ нашемъ текстѣ спутано и нѣсколько словъ стерлось.

11) Въ возстановл.—Владимиръ на слова Ильи: «поѣхалъ изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную (здѣсь Пасхальную)» выражаетъ недовѣріе, говоря, что у него «гонцы гоняютъ по два мѣсяца, а скорю на скоро въ одинъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ»; въ нашемъ—онъ говоритъ: «гонцы гоняютъ по шти дней».

Кромѣ всего этого, въ нашемъ текстѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Илья здѣсь живетъ въ славномъ градѣ Муромѣ, въ большомъ селѣ Карачаевѣ, *въ селѣ Каптяевѣ* (послѣднее названіе встрѣчается три раза), чего не находимъ мы ни въ былинахъ, ни въ «повѣстяхъ». Наконецъ, интересную особенность нашей «повѣсти» представляетъ исцѣленіе Ильи странниками (у насъ «старичками») именно *наканунѣ праздника Ильи Пророка*. Это послѣднее обстоятельство, хотя и не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу предположенія Ор. Миллера о переходѣ имени Ильи Пророка на нашего богатыря, но, кажется, не лишено нѣкотораго значенія для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ существенныя отличія нашего текста отъ всѣхъ остальныхъ. Эти отличія, вмѣстѣ съ значительнымъ несходствомъ самаго изложенія «повѣсти», даютъ, кажется, право предположить, что наша «повѣсть» ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, не отъ тѣхъ двухъ первоначальныхъ редакцій этого памятника, отъ которыхъ происходятъ семь до сихъ поръ извѣстныхъ «повѣстей объ Ильѣ Муромцѣ». Отсутствіе же слѣдовъ мѣстнаго говора и случаи аканья (акаракамъ) говорятъ, повидимому, за то что это—копія, снятая съ оригинала не мѣстнаго происхожденія [1]).

Студентъ Спб. Ун. *Михаилъ Протопоповъ.*

Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Іліи Муромце і о Соловье Разбойникѣ.

Во славномъ было во градѣ Муромѣ, во болшемъ селе Карачаеве было селцо Каптяево, въ томъ селцо Каптяеве былъ-жилъ кресіьянинъ именемъ Иванъ (со) своею женою велма (у) Бога (въ) милости по убогимъ и страннымъ приниматель. Іже уроди(лся) сынъ, ему же бысть Іліа (имя) . . . . младыхъ лѣтъ да до 30-ти лѣтъ 3-хъ всихъ днехъ о чемъ отецъ и мати его велми были печалны. Но случися наканонѣ праздника Іліи Пророка отецъ Ілінъ и мати были у всенощни в болшемъ селѣ Карачаевѣ, а у Іліи были нѣкоторые два старичка под окошкомъ. Яко бы по молитвѣ родителеи его они даровали ему ноги но нѣ токмо . . . . і силу великую богатырскую Іліа почулъ въсебѣ. Но какъ отецъ

---

[1]) Извѣстныя до сего времени повѣсти объ Ильѣ М. переизданы въ сборн.: «Русскія былины стар. и нов. записи, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. М. 1894».

и мати его пришли ото в сноцпи, а Илья и встрѣтилъ и они о томъ, благодаренную ( ) пришли Господу Богу и великому Пр(о)році Иліи. Наутрѣ воста пошли во святои литоргіи недели того великаго веселия сотворили пиръ великъ пространнымъ (и) убогимъ Иліи... время сыскалъ в конущнѣ . . . сивца бурца . . . латы и копіе палицу булатную . . . . достигъ себѣ противъ отца своего і матери благословенія ѣхать Князь Владимеру поклонится і он(и) сплачемъ дали благословеніе, хотя ѣхать со заклинаніемъ его оружіемъ, что ему ѣхать дорогою из наженъ востру саблю невынимать. Ис колчана Илья Муроме(цъ) колѣны стрелы на лукъ нена(кла)дываетъ. Илья Муромецъ поехавъ въ Киевъ градъ слушa заутреню воскресную, но какъ онъ будетъ под себѣжемъ градомъ . . . . ажно стоитъ подъ нимъ три царевича заморскіи, со свякимъ царевичемъ си(лы) по трицати тысящъ, а похваляются они градъ защитомъ взять, а жителя градскихъ под мечъ . . . . . зговоритъ ѣдучи Илья Муромецъ: охъ по грехомъ мнѣ учинилось, что отецъ мои и мати моя заклели мое оружие. однако, сотворивъ себѣ знаменіе клятвенное, вынимаетъ свою палицу булатную, напущается на рать силу великую, сколько бьетъ, а вдвое конемъ топчетъ, куда онъ не поедетъ—улицы, куда не поворотится—слободы, и побилъ всю силу татарскую, і три царевича насилу нашли за море на корабляхъ то небольшими людми. Но какъ Ілья Муромецъ ѣхалъ скрозь Себѣж(ь) градъ, во градскихъ ворогахъ встречали схлѣбомъ и солью весь народъ отъ мала и до велика и бьютъ челомъ ему и покланяются и просятъ милости к себѣ во градъ хлѣба и соли кушати. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ только, спрашиваетъ у нихъ дороги прямо дороги ко граду Киеву, и отвѣщаютъ ему себѣжскіе жители: ты гои еси, добрыи молодецъ, прямая кнамъ была дорога ко граду Киеву на лѣса па Брын(скіе), на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, толко та у насъ дорога запустѣла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья разбойника, отево разбойнича соловьиного посвиста никакои богатырь не можетъ устоять. Богатырское сердце неуимчиво, и поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ прямо на грязи черные, на рѣку Смородину, на мосты калиновы, и какъ онъ будетъ противъ сторожи Соловья разбойника, ажно соловеи насторожи былъ сидѣлъ на двухъ дубахъ, засвисталъ онъ своимъ разбойничимъ соловьинымъ посвистомъ, якобы зем(я) поколѣбалася, и от того посвисту под Ильею конь пошарашился. Илья Муромецъ биетъ своего коня по толстымъ акаракамъ а самъ говоритъ таково слово: что ты, волъчья шерсть, шарашишся, веть меня силнее (нѣтъ), (и вы)нимаетъ свои крепкои лукъ, а ис колчана вынимаетъ колѣну стрѣлу, стреляетъ Соловья разбойника и попалъ въ ево лѣвои гласъ. От того удару соловеи свалился со двухъ дубахъ великихъ. Тогда Илья Муромецъ наскака(въ) хотѣлъ ево злои смерти предать. Но соловѣи разбойникъ вскочи(въ) недопустилъ ево до себѣ, рече: Богатырская есть то слава, что мѣня хотѣлъ бѣзъ оружия убить, но даи мнѣ справится, я сяду на свои доброи конь, и скоро Соловеи разбойникъ убралъ взбруду (?) латную и селъ на свои доброи конь и такъ розежалъ . . . . . . Илья Муромецъ от великаго разьезду толко Соловья уронилъ вышибъ его исдалѣче вонъ наземлѣ зачто Соловеи разбойникъ Илью Муромца . . . . Молви Соловеи разбойникъ: дѣточки мои малые соловьявы, не дразните сего добраго молодца, а беите челомъ хлѣбомъ и солью. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ, а поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ прямо на большу (къ) Киеву дорогу и скачетъ онъ з горы на гору .ол.. і поду..ы вонъ вынѣтываетъ, а у рѣкъ перевозу не спрашивалъ; но какъ приехалъ въ Киевъ градъ вье(д)е(т)ъ прямо на княженьскои дворъ и привязалъ своего доброго коня, пошелъ въ палаты княжеские, молился чѣснымъ святымъ иконамъ, клапялся на двѣ на четыре стороны, а особливо великому князь Владимеру, что зговоритъ Владимеръ князь: ты ои еси, доброи дородно(и) молодецъ, да скажи ты мнѣ, какъ тебя зовутъ по имени по отечеству, коего града уроженецъ. Ответъ держитъ Илья Муромецъ: я, государь, уроженецъ града Мурома из большего села Карачаров(а), а родися в селцѣ Каптевѣ, по имени меня зовутъ Ильюшою по отечеству Ивановъ сынъ прозваніемъ Муромецъ. Зговоритъ князь Владимеръ ты ои еси, Илья Муромецъ сынъ ивановецъ, скажи ты, давноль ты изъ Мурома. Ответъ держитъ Илья Муромецъ сынъ ивановецъ: государь, поехалъ, изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную. Разсмѣялся велікі(и) Владимеръ князь: что ты Илья врешь, у насъ гонцы гоняютъ по пяти днеи. Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ; да еще были на меня двѣ за-

дершки великія: первая исбавилъ от осаду Себѣже градъ; вторую имѣлъ, бои с Соловьемъ разбойникомъ, которои побѣд.. силнеи.. Тогда князь Владимеръ вышелъ и съ силными могучими богатыри смотреть Соловья разбойника, и рече: ты ои еси Соловеи разбойникъ, засвищи ты своимъ разбойничимъ соловьиным посвитомъ. Ответъ держитъ Соловеи разбойникъ: твоя Государь воля, я несмею государя моего Ильи Муромца, и тогда Илія велѣлъ засвиста(ть). Но от ево посвисту князи і бояре попадали, толко насилу устоялъ самъ Владимеръ, и зато ево князь Владимеръ пожаловалъ выше своихъ богатыреи киевскихъ. Конецъ сему повѣствовани(ю).

Аминь.

Примѣчаніе: Текстъ воспроизведенъ съ рукописи дословно.

Пунктиромъ обозначены слова и буквы, стертыя въ рукописи. Въ скобкахъ помѣщены слова и буквы, возстановленныя нами.

Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни.

Записанныя мною въ с. Пискахъ (Волынск. губ., Житомирск. у.) пѣсни распадаются на три группы—веснянки, петривки и купальныя. Первыя поются, начиная обыкновенно съ Пасхи до Петрова поста, а вторыя въ Петровъ постъ. По содержанію, онѣ чрезвычайно похожи. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ главнымъ образомъ воспѣвается обыкновенно любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія, на свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются какъ въ веснянкахъ, такъ и въ петривкахъ. Хочетъ, напримѣръ, какой нибудь Тарасъ жениться на какой нибудь Наталкѣ. Объ этомъ уже извѣстно дивчатамъ и хлопцямъ всего села. Оба они уже воспѣваются въ веснянкѣ:

«Въ садочку прометяно,
Барвиночкомъ уплетяно,
Тамъ Тарасъ съ торгомъ стоявъ,
А зъ якимъ торгомъ—зъ бындочками.
За нымъ дивчата купочками:
Всимъ дивчатамъ запродае,
Своій Наталци дарма дае.
Беры, Наталко, ціи дары,
Щобъ мы по Петри сталы въ пари...».

Также громогласно выводятся въ пѣсни и разнаго рода интимныя отношенія:

Ой на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денысъ ходыть.

Какъ веснянки, такъ и петривки являются для дивчатъ средствомъ посмѣяться надъ «хлопцямы», особенно изъ другого села, посмѣяться и надъ своими подругами. Вообще нужно замѣтить, что сатирическій духъ замѣтенъ въ большей части этого рода пѣсенъ. Многія изъ нихъ являются какъ бы насмѣшкой надъ тѣмъ или другимъ фактомъ, той или другой личностью. У Чубинскаго записана одна пѣсня, показывающая ясно, что веснянки именно преслѣдуютъ такого рода задачи. Въ пѣснѣ этой (т. III, стр. 178, № 119) разсказывается, какъ одинъ парень приставалъ къ дѣвушкѣ:

— Не козырысь, парубоньку.
И не копыль губу,
Коли любышъ такъ, якъ кажешъ,
То веды до шлюбу.
— Ой, радъ бы я шлюбъ узяти,
Та не велыть мати.
— Якъ не велыть, то й не ходы
На нашъ край гуляты.
Насупывся парубонько,
Тай потягъ до дому...
— Ой, не кажы, дивчынонько,
Ти про се никому.
— Скажу Івзі, скажу Стесі,
Ще скажу й Одарці
Скажу Гальці титаривні,
Скажу й паламарці;

Ой, скажу всимъ, щобъ про тебе
Веснянки співали,
Щобъ призвіща та прикладки
Тобі прикладали.

Такимъ-же характеромъ отличаются и купальныя пѣсни, пріуроченныя ко дню празднованія Ивана Купала.

Послѣ 29-го іюня всѣ названныя пѣсни, веснянки, петривки, купальныя, замѣняются пѣснями, непріуроченными къ какому нибудь опредѣленному времени, преимущественно заунывными «весильными» (свадебными), въ которыхъ воспѣваются тѣже Тарасъ съ Наталкой и другіе хлопци и дивчата, вступающіе въ бракъ.

I.

Веснянки.

1.

Сяяла зиронька, сяяла,
Съ кимъ ты, Настуню, стояла?
Съ тобою, Петруню, съ тобою
Пидъ зеленою вербою, надъ холодною водою.
Де Петрунё коня пасъ—
Ёму барвинокъ по поясъ;
А де Настуня стояла—
Шовкова трава завьяла.
Чого, дивчата, сыдыте?
Чомъ вы барвинку не рвете?
Рвалы барвинокъ за грошы
Въ насъ кавалеры хороши:
Нашъ Петрунё краще всихъ,
Любыть Настуню лучше всихъ.

2.

На нашу улыцю, на нашу
Прыносьте пшона на кашу:
Будымо кашу варыты—
Тай будымъ хлопцивъ женыты.
Солона каша, солона
Завдаймо хлопцямъ сорома.

3.

Перейды мисяцю (bis)
Та на нашу улыцю. (bis)
На наши улыци (bis)
Та все хлопци молодци (bis)
Нема найкращого (bis)
Попидъ Петра нашого (bis)
Хтось у лиси гукае (bis)
Петро кони шукае (bis)
Твои кони въ шкоди (bis)
У Мосія на городи (bis)
Бижы кони займешъ (bis)
Щей Настуню доглянешъ (bis)
Щобъ Настуня любыла (bis)
Щобъ теща хвалыла (bis)
Симъ паръ чобитъ стоптавъ (bis)
Черезъ тещынъ дворъ ходывъ (bis)

4.

Плыве човенъ, тай воды повенъ—
Десь хвыля прыбыла...
Смутна наша дивка Наталка—
Десь матуся была...
— «Мене маты зроду не была;
Сами слёзы льютьця—
Отъ Тараса сват'ивъ ныма
Отъ Опанаса шлютьця».
Покотыся, ясный мисяцю,
Помежъ зироньками,
Подывыся, молодый Опанасе,
Чы је краща, чы је липша
По дивку Наталку.

5.

На городи лыпына,
Маты до дому клыкала:
— «Ходить, хлопци, до дому
Давайте конямъ оброку.
Идить, молодци, до хаты:
Пора вамъ свынямъ мишаты
А вы, дивчата, не дбайте—
До билого дня гуляйте!» [1].

6.

Посію я горошокъ, горошокъ,
Посію я два стручки, два стручки,
Та посію я чотыры, чотыры,
Та бодай червы сточылы.
Горобеечку спатку, спатку,
А чы бувъ—жежъ ты въ садку, въ садку,
Та чы бачывъ ты, якъ макъ сіють?
Ой, такъ такъ сіють макъ,
Щей морквыцю и постырнакъ,

[1]) Ср. у Чубинскаго, т. III, стр. 162, № 80.

7.

Ой за городомъ дымъ, та дымъ,
Тамъ соловей гниздо звывъ.
Тамъ Тараско коня пасъ—
Ему выноградъ по поясъ.
А винъ коныка попасае,
Хороше въ дудку выгравае.
Хороше въ дудку выгравае,
Соби Наталку пидмовляе.
— «За мною, Наталко, за мною—
Будышъ мини молодому жоною.
Будышъ мои матинци годыты:
Пидъ гору воду носыты.
Съ горы каминьемъ котыты».
Покотывся каминець
Просто Наталци въ рукавець.
Вона думала, що то каминець,
Ажъ то Тараско молодець.

8.

На ричеци, та на дощеци
Тамъ дивчына полощеця.
Полощеця, умываеця,
Въ черевычки узуваеця.
Черевычки покупець (sic) [1]) покупывъ,
Щобъ хорошый молодець полюбывъ.
Панчишечки папи матка дала,
Щобъ хороша молоденька була.

9.

Киля млына—калына,
Тамъ дивчына ходыла,
Дивкамъ танець водыла.
Що выведе—той стане—
На всихъ дивокъ споглянe,
Чы вси дивки въ таночку?
Уси дивки тонко йдуть,
Тилько нема иднои—
Фрасыны молодои.

10.

Киля млына—калына
Тамъ дивчына ходыла.
Ножемъ зилле копала,
Щей матинки пытала:
— «Ой, чымъ его, мамо, счарувать?»
— «Чаруй, доню, ны любай (sic),
Щобъ съ тобою ны стоявъ,
Зъ ручки перстень ны здиймавъ».

11.

На городи, пидъ вербою
Стоявъ Тарасъ и зъ лирою.
До его Настуня прыходыла
Торбу окрушивъ прыносыла,
Беры, Тарасъ, ци окрушки—
Прыйды до мене у подушки.

12.

У крывого танця,
Та не выведу кинця.
Якъ стану я весты,
Якъ виночокъ плесты?
Ой, винче, мій винче,
Хрещастый барвинче,
Я-жъ тебе мыла, выла,
Ще вчора зъ вечера
Повисыла у садочку
На терновимъ шнурочку.
Тамъ моя ненька йшла,
Тай виночокъ найшла.
Виночокъ найшла,
Тай нелюбови дала.
Та колы бъ була знала,
То була бъ розирвала.
Та пидъ ниженьки стоптала
Чорными чобиточкамы
Золотымы пидковочкамы.

13.

На городи клынъ, клынъ
Въ кучерп вьеця.
А хто пиде за Ювхима,
То той нажывеця.
На ему сорочка
Съ тонкаго клыночка.
А хто ёму вышывавъ?
Мойсiёва дочка.
На іи виночокъ,
Винокъ дротяненькій.
А хто іи купувавъ?
Ювхимъ молоденькій.

[1]) Очевидно вм. «панъ-отецъ».

14.

Писковеській ставъ
Скомороській [1]) ставъ
До купоньки злывся.
Тамъ Ювхимъ и съ Петромъ
За Настуню бывся.
— «Ой, ны бийтеся, ны сваритеся:
Я васъ обохъ люблю;
Петрови хусточку дала,
Ювхимова буду».

15.

И на цимъ кутку
И на тимъ кутку
Ворона завысла.
«Уже твоя, дивко Насте,
Вечера та скисла»·
«Ой, ныхай кисне,
Таки мушу исты
Та колы бъ мини зъ Ювхимомъ
На посади систы [2])».

16.

Зайчыку, та сиресенькій,
Зайчыку, та билесенькій.
Дала мини маты сыто решето,
Щобъ мое зилле хороше росло.
Защипочки дротяненьки,
А ворітця зализненьки.
Никуды, зайчыку, а ни выскочыты,
А ни выстрыбнуты.
Оно зайчыкъ скокомъ бокомъ
Передъ моимъ чорнымъ окомъ.
Зайчыку, оберныся,
Зъ дивчыною обiймыся...

17.

Змарнило дытя, змарнило.
У чужого батька сыдило,
Чужи матинци годыло:
Съ пидъ горы воду носыло,
А съ горы каминь котыло.
Покотывся каминець
Дивци Настуни въ рукавець.
Вона думала—каминець;
А то, Иванъ молодець.
— «А ты, Иванъ, ны будь панъ
Визьмы Настуню пидъ жупанъ».
«А я жупана не маю
Пидъ сиру свыту сховаю.
Хочъ не пидъ свыту—
Пидъ кожухъ
Выйму изъ Настуни
Пару й духъ».

18.

Ой хожу я, хожу киля городечка:
Жоно моя, та жонусенько
Дывно, дывно, мое серденько } (припѣвъ).
Куплю своiй жони сорочыну въ торзи.
(припѣвъ).
Сорочыну зношу, мыленькимъ не назву.
(припѣвъ).
Ой, хожу я хожу киля городечка.
(припѣвъ).
Куплю своiй жони спидныченьку въ торзи.
(припѣвъ).
Спидныченьку зношу, мыленькимъ не назву.
(припѣвъ) и т. д. [3]).
Куплю своiй жони нагаечку въ торзи.
(припѣвъ).
Нагайку зломаю, пиду погуляю.
(припѣвъ).

---

[1]) С. Скоморохи находится въ 2-хъ верстахъ отъ с. Писокъ.

[2]) Ср. у Чубинскаго т. III, стр. 133, № 32.

[3]) Мужъ предлагаетъ купить: каптурыночку, хустыночку, каралыки, чоровычки, панчишочки, свытыночку, поясыну, кожушыну.

II.

Петривки.

1.

Плывала кладочка пидъ ледкомъ,
Давала Настуся—ручку двомъ:
На тиби, Опанасъ, руку мою,
А ты. Денысъ, не дывуй:
Беры соби Настусю—тай шлюбуй.

2.

Ишлы рики, тай брынилы
Черезъ Мойсіёви сины.
Тамъ кавалеры збиралыся,
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Денысъ найбильше склавсь
Ще й на Настуню залыцавсь:
— «Ой, ты, Настуню, сердце мое,
Сподобалося лычко твое.
Ны такъ лычко, якъ ты сама
И на папери напысана.
На папери, на лысточку,
Чорни бривоньки на шнурочку [1])».

3.

Дывитьця люды, дывитеся:
Иде Денысъ женытыся.
Самъ јиде на коняци,
Везе Настуню на собаци,
Накрывъ Настуню радюгою,
Тай поганяе батюгою.
Собака гарчыть—пидъ плитъ бижыть,
А винъ зубамы—за хвистъ держыть.

4.

Ой, на городи боракъ, боракъ,—
Наши Настуни жывитъ набракъ.
Ныхай бракне, ныхай знае,
Ныхай Деныса ны прыймае.
Ой на городи лопухъ, лопухъ,—
Наши Настуни жывитъ опухъ:
Ныхай пухне, ныхай знае,
Ныхай Деныса ны прыймае.

5.

Ой, на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денысъ ходыть.
Ой, роды роды, буркунчыку
Прыйды, Денисе, голубчыку.
Ой, колы родышъ—роды расно,
А колы ходышъ—ходы часто.
Ой, колы родышъ—ны всыпайся,
Ой, колы любышъ—ны цурайся.

6.

На городи шафранъ, шафранъ,—
Стоить Денысъ, якъ панъ, якъ панъ.
Киля его петрушечка—
Стоить Настуня, якъ душечка.
Шафранъ петрушку пидъидае,
Денысъ Настуню пидмовляе:
— «Ой, ты, Настуню, ой ты, ой ты,
Колы до тебе въ гости прыйты?»
«Прыйды, Денысе, у вечери,
Щобъ вороженьки ны бачылы.
Прыйды, Денысе, долыною,
Буде горилка зъ калыною.
Прыйды до мене садкомъ, садкомъ,
Буде горилка зъ медкомъ, зъ медкомъ,
Прыйды, Денысе, долынамы
Буде горилка зъ малынамы».

7.

На городи салата—
Роды, Боже, дивчата.
На городи стопци—
Хватай, чорте хлопцивъ.

Стовпомъ дымъ } (припѣвъ).
Чортъ изъ нымъ }

---

[1]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6 и стр. 220, № 37.

На городи крокисъ порисъ —
Забравъ чортъ хлопцивъ
Тай въ лисъ понисъ [1]).
(припѣвъ).

8.

«Ой, на городи крокисъ порисъ
Чомъ ты, Иване, бильшій ны рисъ?»
«Ой, буде зъ мене й такенького:
Полюбыть Наталка й маленького».

9.

Полытивъ Иванъ на небеса,
Прычыпывъ жорна до пояса.
Де летыть, то й крупы дере,
Де спочывае, то и палае.
Де заночуе, кулишъ варыть—
Свои Настуни жывитъ парыть.
Ныхай парыть, ныхай знае.
Ныхай Ивана ны прыймае.

10.

Пишлы дивчата горды рваты —
Далеко хлопцямъ Петра ждаты.
Дивчата гордыны нарвалы,
А хлопци Петра не дождалы.
На городи кущыкъ дроку—
Щобъ ны дождалысь хлопци року.
На городи кущъ калыны –
Клыче Иванъ на родыны.
На городи кущыкъ пыжма,
Щобъ ны дождалы хлопци тыжня.
На городи кущъ шельвіи,—
Щобъ ны дождалы хлопци недили.

11.

За городомъ квитки вьютьця,
За Наталку хлопци бьютьця:
Тарасъ каже—«моя буде»...
Опанасъ каже—«визьмуть люды
Таки Наталка моя буде.
Люблю Наталку паненочку
Куплю Наталци сукеночку.
А я Наталку вирно люблю,
А я Наталци сукно куплю»...
Пишовъ Тарасъ до кравнычки,
Купывъ Наталци черевычки,
Черевычки на пидковахъ
Гуляй, Наталко, чорноброва!
Черевычки съ пидковкамы!
Гуляй, Наталко, межъ дивкамы!

12.

Летилы гуси баднатии,—
Писковськи хлопци шмаркатии!
Летилы гуси—силы въ проси
Писковськимъ хлопцямъ—червы въ носи!
Летилы гуси сывокрыли,
Скомороськи хлопци чорнобрыви.

13.

Стукнулы воритця въ одвирця
Украдяно Наталка одъ молодця.
Молоденькій Иванъ ны чуе—
Съ кицькамы въ решети ночуе:
Випъ думавъ молоденькій,
Що Наталчыны рученьки,
А то коцини лапоньки...
— «Де ты, Иване, ночувавъ.
Хто въ тебе Наталку въ ночи вкравъ?»
— «Ночувавъ я, дивчата, на лавци,
Вкрадяна Наталка у ранци.
Ночувавъ я, дивчата, на пичи.
Вкрадяна Наталка у ночи.
Ночувавъ я, дивчата, на току
Вкрадяна Наталка отъ боку».

14.

Ой, у лисочку, на дубочку
Повисылы хлопци гойдалочку.
Гойдалыся, выхалыся
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Ювхимъ найбильшъ склавсь,
Щей на Настуню залыцався:
— «Ой ты, Настуню, сердце мое
Сподобалося лычко твое.
и т. д. (Ср. Петривку, № 2).
Ой, мала н'ичка мала, мала,
Де ты, Наталко, ночувала?
— «Ой. ночувала пидъ грушою
Съ тобою, Иване, зъ душою.
Ой, ночувала пидъ хатою
Съ кудлатою собакою».

16.

Въ Наталчыни голови
Мышы кубло завелы.
Тарасъ зъ радощамы
Носыть воду прыгорщамы.

---

[1]) Чубинскій, т. III, стр. 182, № 130.

III.

Купальныя.

1.

На Ивана Купайлого
Ходыла видьма
На вального.
На дубъ лизла.
Кору грызла,
А зъ дуба впала
Зилле копала.
Вона Наталку
Вчарувала [1]).

2.

Пора тиби, вербонько, розвытьця,
Пора тиби, Иване, женытьця.
— «Часъ ны часъ, ны пора.
Ще жъ моя Настуня молода,
Ще жъ вона на улыци ны була,
Щежъ вона купайлочка ны выла.
Ныхай вона ще погуляе,
Русою косою махае.
Якъ замужъ пиде, то ны буде,
Якъ стара буде—забуде [2]).

3.

На Ивана Купайла
Сучка въ борщъ упала.
А хлопци ны зналы
Зубы поломалы.
Дивчата граблямы
А хлопци зубамы [3]).

4.

Покладу я кладку
Черезъ моравку.
Вербове купайло,
Вербове,
Часъ вамъ, дивчата,
До дому.
А ты тутъ, Наталко,
Зостанься,
Якъ прыйде Тарасъ—
Звинчайся.
Якъ прынесе виночка
Съ кадыла,
Щобъ ты его здорова
Зносыла,
А въ осені на весилле
Попросыла.
Якъ ны будышъ виночка
Носыты,
Той ны будышъ на весилле
Просыты [4]).

5.

— «Молодая молодыце,
Выйды зъ вечора на улыцю».
— «Якъ-же мини выходыты,
Дивкамъ купайло розводыты?
Въ мене свекорко—ны батенько
Въ мене свекруха—ны матинка.
У комороньку зачыняе
Тай на улыченьку ны пускае.
Прочыню я кватырочку,
Та подывлюся на улычку:
Дивки купайло убирають,
А мене слезы облывають».

6.

На городи лопухъ, лопухъ—
Писковськимъ хлопцямъ
Живитъ опухъ.
Ныхай пухне, ныхай знають,
Ныхай купайла ны ломають [5]).
Наше купайло до мисяця
Писковськи хлопци повисятьця.

Сообщилъ *В. Боцяновскій.*

---

[1]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 1.
[2]) Ср. Сахаровъ, Сказанія русск. нар.. т. I, стр. 273, № 11.—Чубинскій, т. III, стр. 194.
[3]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6.
[4]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 209, №№ 23 и 24.
[5]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 2.

Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій[1]).

(Посв. Э. А. Вольтеру).

Цѣль настоящаго очерка, касающагося предмета, крайне малоизученнаго, почти неизвѣстнаго даже спеціалистамъ-этнографамъ, во первыхъ — сообщить этнографическій матеріалъ, который мнѣ удалось извлечь изъ орацій, во вторыхъ указать, какъ отразилась на нихъ національная жизнь. Отлагая историческій очеркъ литовско-латышскаго свадебнаго обряда до другого времени, здѣсь я ограничусь только тѣсной областью литовскихъ орацій, какъ памятника національнаго творчества. Но что такое національность въ народной литературѣ? Конечно, не та сказка, по моему мнѣнію, національна, которую народъ понимаетъ не только, какъ сказку, но именно, какъ свою сказку: это признакъ случайный, потому что очень часто (я сужу по личному опыту въ Литвѣ) на просьбу спѣть свою—литовскую пѣсню, сказать свою—литовскую сказку, преподносится пѣсня или сказка, очевидно заимствованная изъ Польши, Россіи или Пруссіи.

Образъ, возникшій въ сознаніи одного изъ членовъ такого уравненнаго общества, какъ крестьянская среда, легко можетъ настолько ассоціироваться съ сознаніемъ и другихъ членовъ этого общества, что тотъ же образъ мы сможемъ найти и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, и въ пословицѣ, и въ загадкѣ. Но и заимствованія, какъ-нибудь ассимилировавшись со старыми образами, могутъ такъ-же ассоціироваться съ ними, какъ и образы туземные; такимъ образомъ они становятся національными. И факты, повидимому, не противорѣчатъ этому: дѣйствительно, хотя сказка о Зигфридѣ Роговомъ, заимствованіе которой совершилось, вѣроятно, уже давно, такъ и называется у Литовцевъ Ragotasis Zigfryds, и варіантовъ, кажется, не имѣетъ; хотя настолько же не національнымъ остался и приведенный ниже разсказъ о Соломонѣ, тогда какъ образъ рака, возстающаго противъ своего творца, мы находимъ въ четырехъ сказочныхъ варіантахъ [2]), въ пословицѣ [3]): «поднимаешься, какъ ракъ на Перкуна», и наконецъ въ пѣснѣ [4]);—однако многія католическія ле-

---

[1]) „Очеркъ", служившій первоначально рефератомъ въ засѣданіи 3 декабря 1893 г. Неофилологическаго общества, печатается здѣсь съ немногими поправками и дополненіями; нѣкоторыя поправки сдѣланы благодаря любезнымъ указаніямъ А. Н. Пыпина.

[2]) 3 изъ нихъ записаны мною и теперь печатаются, четвертый помѣщенъ у Фекенштедта въ его сборникѣ жмудскихъ сказокъ и миѳовъ.

[3]) Tu kelýs káp vežýs prysz Perkúną. Bezzenberger, Altpreussische Monatschrift. Band XXII. Heft 3 u 4 s. 348.

[4]) Lietúviškos dájnos, užrašýtos par Antáną Juškevičę Казань 1880—82 m. I—III (цитируется: J) № 135, строфа 4: Vezýs vezýs т. е. ракъ, ракъ,
Tuŕ šiknò'akis имѣетъ глаза въ заду.

генды стали вполнѣ національны, причемъ произошла ассимиляція: такъ, напримѣръ, легенда о розѣ примѣнилась къ рутѣ, любимому литовскому цвѣтку; однако, пѣсня искусственная, приписываемая одному видному литовскому дѣятелю, дала множество народныхъ варіантовъ и образы ея мы могли бы найти во многихъ позднѣйшихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ разница въ отношеніи національности между заимствованнымъ и туземнымъ, исконнымъ почти только временная, количественная, а не качественная: народъ заимствуетъ только то, что можетъ понять, примѣнить къ себѣ, что ему нравится, что наконецъ сходно съ обычными ему понятіями и образами; все, что не стоитъ въ народной литературѣ одиноко, а вызываетъ многочисленныя переработки, подражанія и т. п., все это можетъ служить картиной народныхъ нравовъ, понятій и жизни, все это національно [1]).

Литовскія ораціи національны уже и потому, что прямо изъ характера литовца, который такъ любитъ каждый важный моментъ своей жизни украсить цвѣтистымъ, красиво обточеннымъ, часто полнымъ ироніи словомъ, прямо изъ его характера—вытекаетъ многочисленность и сложность орацій, ихъ отношеніе къ четыремъ важнѣйшимъ минутамъ свадьбы. Существуетъ четыре рода орацій: 1) рѣчь, которую держитъ сватъ, пріѣхавши въ какой нибудь домъ для приглашенія всѣхъ его обитателей на свадьбу; 2) рѣчь, которую держитъ въ домѣ невѣсты передъ маршаломъ (sùlsedis) тотъ же сватъ, прося впустить въ домъ жениха и его свиту; 3) рѣчь къ невѣстѣ, которую обращаетъ онъ же, передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, подавая ей рутовый вѣнокъ, символъ ея чистоты: 4) наконецъ декретъ о повѣшеніи свата-лжеца, этого главнаго лица свадьбы, около котораго и невѣсты сосредоточивается, собственно, весь домашній обрядъ, декретъ, которымъ оканчивается свадьба. Изъ этихъ четырехъ родовъ, три имѣютъ цѣлью позабавить слушателей, поэтому въ нихъ легко могли получить доступъ остроты, не уступающія по своей соли нашимъ балаганнымъ, пародіи на сказки, удивительные символы и т. п.

Третій родъ, рѣчь при подачѣ вѣнка, отличается, напротивъ, торжественностью и имѣетъ цѣлью восхвалить дѣвическую чистоту; поэтому сюда легко могли проникнуть католическія легенды о святыхъ дѣвственницахъ, какъ св. Агнеса и др. Не смотря на многочисленность варіантовъ, всякій родъ этихъ орацій имѣетъ одну основную форму, къ которой сводятся другія; чѣмъ чище сохранились мѣстные обычаи, тѣмъ ораціи обширнѣе и витіеватѣе; въ Прусской Литвѣ онѣ очень коротки.

Приглашеніе на свадьбу высказывается глашатаемъ-гостебникомъ (kvéslys) [2]), пріѣхавшимъ на разукрашенной лошади съ маленькимъ деревцомъ, перевитымъ лентами и унизаннымъ бубенчиками, въ рукахъ; заключая въ себѣ всевозможныя остроты по поводу того, какъ должны пріѣхать гости на свадьбу и что они будутъ тамъ дѣлать, эта рѣчь даетъ не мало и сказочнаго матеріала; выбираю для образца одну изъ самыхъ короткихъ рѣчей и затѣмъ отмѣчу варіанты.

---

[1]) Рецензентъ моего доклада (см. газету «Новости» отъ 8 Дек. 1893 г.), конечно, вслѣдствіе неясности моего первоначальнаго изложенія, приписываетъ мнѣ мнѣніе, котораго я, собственно говоря, не имѣлъ. Онъ говоритъ: «по мнѣнію докладчика, въ литовскихъ ораціяхъ вполнѣ отразилась литовская жизнь въ образахъ національныхъ и правдивыхъ». Здѣсь все дѣло вертится около слова: «національный», неясность котораго въ моемъ докладѣ породила и возраженія проф. А. Н. Веселовскаго: «прежде, чѣмъ толковать объ отраженіи въ нихъ литовской національности, надобно... выдѣлить изъ нихъ все пришлое». Я несогласенъ съ этимъ и въ существѣ дѣла, потому что національное вовсе не противопоставляю пришлому, и въ частностяхъ, потому что кое-что, признаваемое проф. Веселовскимъ за пришлое, мнѣ кажется можно принять за національное и въ его смыслѣ, о чемъ ниже.—Національная литовская жизнь отразилась въ ораціяхъ постольку, поскольку она ассимилируетъ себѣ пришлый элементъ и поднимаетъ на свою поверхность исконные образы, тотъ или иной способъ пониманія и изложенія вещей.

[2]) Такъ называется сватъ, на котораго возлагается обязанность созывать на свадьбу гостей.

[1]) «Дай вамъ Богъ счастія! Приглашаю богатыхъ и отважныхъ на этотъ вечеръ на свадьбу; молодыхъ на гулянье къ тому юному кавалеру, къ зеленому Божью деревцу: собрался онъ на чужую сторону, въ великія странствованія по горамъ высокимъ, по лѣсамъ зеленымъ, по полямъ великимъ за воды великія. Приходите, старыя бабы, съ кривыми костылями, берите съ собой по мѣшечку булокъ, а вы, старые дѣды, по узелку табаку, хлѣба по уголку, по мѣшечку мяса, а вы, юныя дѣвицы, по букетику зеленыхъ рутъ, по шелковой кофточкѣ съ бѣлымъ передничкомъ, по горсточкѣ орѣховъ, для верховниковъ [2]) (viršininkas). По стѣнамъне лазьте, парней не дразните, животики берегите. Прошу на кровь осы, на комарьи колбасы, на мошьи окорока. Всѣхъ огуломъ прошу: старыхъ, юныхъ, большихъ и малыхъ, но только съ большимъ запасомъ: положите въ карманы по полчетверику золы, повѣсьте за плечи лапти, возьмите грабли трехзубыя. Кто какъ себѣ устроитъ, тотъ такъ и поспитъ. Въ этомъ ужъ верховникъ не повиненъ. Прошу покорнѣйше глину мять на свадьбѣ, т. е. вертуна плясать».

Обыкновенно, мы встрѣчаемъ другое начало съ интересными символами, другой конецъ. Вотъ варіантъ начала Svr. 14: «прежде всего воздаю славу Господу Богу. Творцу неба и земли, и этому дому, и этого дома основателю и основательницѣ и этому столу, какъ алтарю, цвѣту льна, крови ржи, колосу пшеницы», т. е. полотну, скатерти, пиву или водкѣ и бѣлому хлѣбу. Другой конецъ, обычный всѣмъ вообще ораціямъ, даетъ образчикъ народнаго остроумія: «не много говорю, но много умѣю: не ксендзомъ я рощенъ, не монашкой рожденъ, всего три класса проходилъ, на четвертомъ вышелъ: что тамъ слыхалъ, то и вамъ сказалъ», или: «я въ томъ классѣ не бывалъ, березовой розги не получалъ: по дорогѣ учился. Недалеко ускакалъ, не много узналъ. Дальше поскачемъ, больше узнаю, а какъ вернемся, я и вамъ скажу». Интересенъ тотъ идеалъ воспитанія, который рисуется этимъ видомъ ораціи и который въ тѣхъ же выраженіяхъ мы находимъ во множествѣ пѣсенъ [3]); вотъ онъ: Svr. 15: «Этотъ юный юноша не изъ другихъ странъ, не изъ чужой земли, изъ этихъ самыхъ людей, отцомъ, матерью рожденъ, возрощенъ, обряженъ, сестрами выношенъ, въ зеленой люлькѣ выкачанъ, шелковымъ повивальникомъ повитъ, въ шелковыя пеленки запеленутъ, братьями защищенъ, славной родней похваленъ, золотымъ яблокомъ забавленъ [4]), бѣлымъ хлѣбомъ выкормленъ». Въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщается, обыкновенно, и о воспитаніи дѣвушки. Какъ богато обрисовался этотъ образъ у Литовца сравнительно съ Бѣлорусскимъ; Бѣлоруссъ не находитъ ничего сказать, какъ только: «оны кормили, поили это чадо милое, дзиця любимое съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахарныя уста цѣловали» (П. В. Шейнъ. Бѣлорусскій сборникъ. т. I, ч. II. СПБ. 1890. стр. 388); не то у Литовца: ему рисуется образъ горячо любимаго ребенка, на котораго не надышется вся семья, которому удѣляется все лучшее: вся роскошь, всѣ ласки родныхъ. «Дочку ростили, въ гусли звонили, въ люлькѣ

---

[1]) Svotbinė Rėda Velŭnyčiu Lietŭviu, surašўta par Ąntąnę Juškėvičę 1870 mėtuse. Казань. 1880 (въ цитатахъ просто Svr.), с. 79.

[2]) Такъ называются главныя служебныя лица свадьбы.

[3]) Lietuviškos svotbinės dájnos, užrašўtos par Ąntáną Juškéviče ir iššpáudintos par Jóną Juškéviče. Спб. 1883. (цитируется JSvd.) №№ 159, 218, 259, 266. 277, 455, 457, 500, 528, 546, 642, 894.

J. 874, 877.

Сборникъ пѣсенъ Фортунатова и Миллера. XVII (цитир. Ф. М.). Brugmann und Leskien. Littauische Volkslieder und Märchen. 1882 (цитир. LB) № 133 (изъ сборника Лескина).

[4]) Караджић. Српске народне пјесме. У Бечу. 1875. II т, стр. 10:
Па погледа на златну колевку,
Ал'јој чедо седи у колевки,
Па се игра јабуком од злата.

качали, кольцомъ забавляли», говоритъ одна пѣсня; описывая хлопоты матери около малютки дочки, другая пѣсня прибавляетъ: «румянымъ яблочкомъ забавляла, она мнѣ красиваго личика желала».

Перейдемъ къ другому виду ораціи, къ той просьбѣ свата пустить жениха въ домъ невѣсты, о которой я упомянулъ раньше, какъ о второмъ видѣ ораціи. Поѣзжане невѣсты всячески оказываютъ препятствіе свитѣ жениха; завязывается борьба, но жениху оказывается сильнѣе, и пробирается къ самой двери, которая пропустивши одного только свата, захлопывается передъ остальными. Вотъ наиболѣе интересная изъ извѣстныхъ мнѣ рѣчь свата (изъ рукописи Мицкевича): «прежде всего воздаю славу Господу Богу, Творцу неба и земли, и всей Пресвятой Троицѣ, и этого дома основателю и основательницѣ, отцу, матери, господину старшому и госпожѣ свахѣ и всей этой бесѣдѣ, упрошенной, а не списанной. А мы странники изъ города, идемъ въ мѣсто приглашенные, къ зеленой рутѣ, нареченной тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божьимъ деревцомъ, и отцомъ его и матерью того, кто хочетъ сорвать зеленую руту. Вотъ ужъ триста лѣтъ, какъ мы странствуемъ, если итти днемъ и ночью, безъ передышки; прошли мы лѣсъ, словно камышъ: блуждали мы въ немъ день и ночь, много непріятелей въ той пущѣ оставили, изъ двухъ тысячъ едва восемь остались; великое число нашихъ братьевъ было, безъ малаго—всѣ погибли. Какъ только выѣхали мы изъ своего мѣстечка, ѣхали мы, блуждали цѣлую ночь, въѣхали въ славное большое мѣстечко, въ которомъ, какъ рута зеленая, барышня живетъ; но вотъ заблудились, не можемъ отыскать, будьте добры намъ путь указать. Мы не знаемъ, можетъ быть, это и есть то самое мѣсто, куда намъ тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божьимъ деревцомъ, скакать приказано. Потому спрашиваю я васъ безъ шутокъ: вѣдь вы видите, что у насъ голова закружилась, не отъ пьянства трясутся у насъ ноги, отъ страха, что среди темной ночи нѣтъ ни знака дороги; съ горемъ великимъ мы сюда пришли, чуть смерти въ томъ лѣсу не нашли. Много мы вытерпѣли въ той пустынѣ, дайте же, прошу васъ покорно, намъ ночлегъ; недолго мы пробудемъ, недолго прогостимъ, всего девять мѣсяцевъ, покуда отдохнемъ. На ногахъ мы не тверды, съ ногъ валимся; не браните насъ, какъ пьяныхъ; вотъ ужъ восьмой день, какъ не видѣли мы корочки хлѣба; трудно намъ такую бѣду терпѣть, еле на ногахъ можемъ стоять. Остановились мы среди пустыни, говоримъ между собою: «пришли мы къ концу пути, нѣтъ спасенья, всѣхъ смерть валитъ». Если бы началъ я вамъ всѣ несчастья и бѣды разсказывать, никто изъ васъ не могъ бы отъ слезъ удержаться: какъ бобы, потекли бы у васъ слезы по лицу и по пяткамъ. Какъ только мы изъ дому въ путь пустились, тотчасъ въ великія пустыни углубились; по чащѣ лѣса и выскакать нельзя: дерево отъ дерева на цѣлую милю, а верхушки деревьевъ коней за ноздри хватаютъ. Потомъ поднялся великій вѣтеръ и штурмъ, цѣлую ночь какъ изъ ведра дождь лилъ; вотъ давай-мы по пустынѣ бѣгать, большаго дерева искать; нашли огромную разросшуюся ель, вотъ подлѣзли, все еще на половину видно. Съ полночи дождь пересталъ, другая бѣда встала: какъ стало отъ жару жечь, въ дрожь кинуло насъ всѣхъ, мы ужъ думали, что намъ и не стерпѣть. Слава Богу, начало разсвѣтать, а никто изъ нашего общества топора не имѣлъ; негдѣ достать топора: поѣхали мы черезъ лѣсъ, чащу лѣсную, высоту древесную; вершины коней ужъ за подбрюшину хватаютъ. Черезъ шесть дней выѣхали мы на волю—на просторъ, кони притомились, на лугу остановились; чудеснѣйшая трава, именно паръ взбороненный, на которомъ бороновала огромная толпа народу; насъ они выбранили, а коней нашихъ забрали; ужъ мы не знали, куда намъ и дѣваться; пошли мы, что еще остались, пѣши около коней, слезы стали по лицу на землю катиться. Потомъ пріѣхали мы къ морю—страшно взглянуть: широта въ полъаршина, а глубина-то пѣтуху до колѣнъ; долго намъ тутъ пришлось ожидать, чтобы какъ-нибудь вышло такъ, чтобы не такъ глубоко было намъ переходить; сказали товарищи: «нечего намъ здѣсь долго ждать, примемся море переплывать!» Какъ только мы начали плыть, глядь—пятьсотъ человѣкъ захлебнулось; какъ начали шлепать отъ моря, пришли къ горѣ—страшно смотрѣть: величина—и не выскажешь, а вышина

и длина—безъ малаго полъ-аршина, а на той сторонѣ горы муху видно, а гора-то вся деревьями обросла такими прямыми, какъ свиная острая щетина. Говорятъ товарищи: «чего намъ у этой горы долго ждать, попробуемъ мы ее сломать[1])». Какъ начали мы гору ломать—глядь, тысяча человѣкъ съ той горы обрушилась, но то были все люди, что тамъ жили, а изъ нашихъ никто не погибъ, потому что все отборные люди были: такіе воинственные, какъ Давидъ, мудрые, какъ Соломонъ, сильные, какъ Самсонъ. Разсказалъ я вамъ о лѣсной величинѣ, о горной вышинѣ и крѣпости: вотъ ужъ 300 лѣтъ, какъ мы странствуемъ, а нигдѣ безлѣснаго пути не находили: клены и дубы и ясени, какъ гнилушки, мы съ корнемъ вырывали, горы покидали разваленными, а подгорья сравненными; да и въ концѣ нашего пути не мало силы мы должны были положить: встрѣтили мы великое множество бунтовщиковъ; было имъ запрещено дома ночевать, а когда мы ихъ увидѣли, они бунтовали, въ рукахъ дубины держали. Они хотѣли насъ завоевать и спокойно себѣ ночевать, но мы этого не позволили: пусть они съ нами здѣсь позабавятся. Прошу поэтому: будьте такъ добры, дайте намъ ночлегъ, не гоните дальше: мы не долго будемъ, не долго прогостимъ: только девять мѣсяцевъ, пока отдохнемъ; просимъ у васъ скамью и бѣлый столъ уступить, льнянымъ цвѣтомъ покрыть, святой свѣчкой освѣтить; просимъ два пуда масла, и пива хоть двѣнадцать бочекъ, хлѣба бѣлаго пшеничнаго просимъ, чтобы было намъ дано краснаго молока, чтобы старухи напившись лобъ наморщили, пару быковъ откормленныхъ, гусей десятокъ выйдетъ на нашъ малый полкъ; дайте нашимъ конямъ стойло, и овса и зеленаго сѣна, а намъ дайте по мягкой постели, а рядомъ каждому по барышнѣ, а, если молодыхъ не достанете, такъ хоть старыхъ не пожалѣйте, хоть съ двумя зубами, какъ клыками, только чтобъ не охали, чтобы уснувши покою дали. Голову склоняю, рѣчь кончаю; карманы прорывались, слова Божьи просыпались. Не я одинъ виноватъ и портной виноватъ: чего карманы не зашилъ; далъ я сапожнику зашить: какъ онъ принялся иглой водить, такъ всѣ мои лучшія словечки и выковырялъ».

Варіантъ этой ораціи настолько любопытенъ, что я приведу нѣсколько мѣстъ изъ него: Svr. 24—25: «Отъ начала свѣта была земля безъ короля. Съѣзжалось двѣнадцать королей, думали они день и ночь, какъ нужно королевича обвѣнчать, какъ выбрать ему богобоязненную, людей стыдящуюся королевну. Дали ему войска 12 тысячъ воиновъ. Были у нихъ кони осѣдланные, уздою взнузданные. Куда они ѣхали, тамъ были заборы не загорожены, ворота не заперты, двери не затворены, лавки не заняты, столы убраны ячменной кровью на столѣ, пшеничнымъ колосомъ на концѣ» и далѣе: «когда мы ѣхали съ востока на западъ, день и ночь мы спотыкались, глубокія рѣки переходили, высокія горы перелѣзали и долѣзли до дерева оливы. На томъ деревѣ защебетала прекрасная пташка. Но то не пташка защебетала, а Господь на небесахъ проговорилъ такими словами слугамъ своимъ: «вотъ поѣзжайте по той лѣсной моей просѣкѣ, по дорогѣ сдѣланной» и т. д.

Судя по извѣстнымъ мнѣ варіантамъ, я думаю, что въ этомъ родѣ орацій мы находимъ о д и н ъ разсказъ, пародію на о д н у сказку, которая впослѣдствіи расчленилась и перестала пониматься какъ одна. Молодецъ-богатырь ищетъ красавицу, на пути совершая подвиги. Передъ нами какъ будто пародія на рыцарскій романъ, давно окрестьянившійся. Онъ встрѣчается и въ краткихъ эпизодахъ другихъ орацій, напр. въ рѣчи при подачѣ вѣнка (по сборнику Мицкевича): «вотъ пошелъ юный молодецъ со слугой своимъ вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ черезъ лѣсъ зеленый и увидѣлъ онъ въ томъ зеленомъ лѣсу лавандовый садикъ, въ томъ лавандовомъ садикѣ винное деревцо, на томъ деревцѣ золотой стуликъ, на томъ стуликѣ пташка щебетала: то самъ Господь, царь небесный, говорилъ со слугою своимъ» и т. п.

Не буду долго останавливаться на мистическомъ значеніи оливы и виннаго дерева (výnmedis), о которомъ въ одной пѣснѣ поется: «кричатъ и щебечутъ

---

[1]) Великаны—ломатели горъ часто встрѣчаются въ латышскихъ народныхъ сказкахъ.

пташки на вѣткахъ винняго дерева» [1]); мнѣ хочется указать, какъ по народному представленію Богъ, усердно отыскиваемый въ своемъ царствѣ юношей, принимаетъ непосредственное участіе въ его свадьбѣ. Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось записать отъ 90-лѣтняго старика сказку съ тѣми же символами: простой незнатный человѣкъ хочетъ жениться на царской дочери, и царь даетъ свое согласіе, если онъ принесетъ грамоту отъ самого Бога. Послѣ долгихъ приключеній юноша приходитъ въ царствіе Божіе, гдѣ старичекъ, сидящій въ свѣтлотѣ у столика, подалъ ему разрѣшеніе, писанное золотыми буквами, о приключеніяхъ юноши, который отправляется то къ Богу, то къ дьяволу, существуетъ и латышская сказка. См. напримѣръ «Bagatais Mārtinš» въ Ielgavas... Rakstu krājums. III. Ielgavā. 1893. стр. 23—28.

Теперь передъ нами рѣчь, въ которую народъ вложилъ все свое уваженіе къ чистотѣ дѣвушки. Такъ какъ это чувство въ значительной степени выросло на почвѣ католицизма, то и въ ораціи этой вмѣсто сказочнаго элемента мы находимъ большую примѣсь католическихъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, духовныхъ пѣсенъ. Прежде всего приведу одну изъ самыхъ краткихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичныхъ орацій: Svr. 95—96 «Миръ входящимъ, радость здѣсь живущимъ! Прежде всего склоняю голову свою передъ Господомъ Богомъ, Творцомъ неба и земли, и этими любезными лицами, собраніе которыхъ я вижу здѣсь, и всего нижайше и покорнѣйше передъ тобой, дѣва юная! Нѣтъ дня счастливѣе, чѣмъ сегодняшній день. Какъ роза или лилія прекрасна ты, юная дѣва. Наши прадѣды, дѣлая вѣнки изъ золота, перловъ и дорогихъ діамантовъ, свидѣтельствовали этимъ о чистотѣ дѣвицы; если кто не имѣлъ болѣе дорогихъ прекрасныхъ вещей, долженъ былъ приносить вѣточку съ дерева; такъ и я сегодня долженъ былъ идти въ этотъ привѣтный рутовый садикъ, въ которомъ выросла рута, выросла, разрослась, чистѣйшимъ цвѣтомъ разцвѣла, райскимъ благоуханіемъ запахла; вотъ держу я изъ этой руты святый зеленый вѣночекъ, которымъ покрываю я тебя, какъ облакомъ, на который указываю я тебѣ, какъ на солнце. Какъ прекрасенъ онъ на видъ, такъ легокъ для ношенія. Шлетъ черезъ меня—слугу своего—этотъ юноша названный и прославленный Іонайтисомъ къ этой добродѣтельной дѣвицѣ Барбяле подарки дѣвическіе: не золото, не перлы, не дорогіе діаманты, а только этотъ зеленый рутовый вѣночекъ, который она заслужила не множествомъ войска, не крѣпостію стѣнъ, не шумомъ оружія, не отважностью воиновъ, но прекраснѣйшимъ качествомъ дѣвичества своего. Вотъ и я могу поздравить эту прекраснѣйшую дѣву такими словами: живи сто лѣтъ, въ радости считай эти жемчужные дни. Чистая дѣва, честно и благопристойно выносила ты этотъ вѣнокъ, и теперь въ церкви у алтаря ты отдашь его. Ты сможешь получить у Господа поясъ небесный, но уже не вернешь жизни своей. Счастливы годы, когда я досталъ этотъ привѣтный рутовый вѣночекъ, что дороже золота, перловъ и важнѣе драгоцѣнныхъ діамантовъ. Прошу, чистая и прекрасная дѣва, взять его изъ довѣренныхъ рукъ моихъ въ бѣлыя руки свои, и надѣть на голову свою; когда надѣнешь, проси у Бога счастливой жизни, а послѣ жизни царствія небеснаго». Мы должны отмѣтить теперь вставные элементы этой ораціи. Прежде всего сказаніе о Соломонѣ. Въ приведенной рѣчи сказано о невозможности вернуть прошлой жизни, годовъ дѣвичества; варіанты добавляютъ, что это невозможно такъ же, какъ было невозможно предпріятіе Соломона: «такъ и царь Соломонъ, царь царей, желая узнать небесную вышину, морскую глубину, занялъ крылья у птицы грифа, но они опалились отъ солнечныхъ лучей и упалъ онъ на землю, не достигнувъ небесной вышины, морской глубины» (сборникъ Мицкевича). Тотъ же образъ находится, по-видимому въ сербскихъ народныхъ сказкахъ; по крайней мѣрѣ, г. Пыпинъ (Исторія славянскихъ литературъ. Томъ I. Спб. 1879. стр. 62) упоминаетъ о южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ, которыя приписываютъ Соломону полетъ на грифахъ (ср. также А. Веселовскаго. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада.

---

[1]) Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882. № 35, стр. 20.

Спб. 1872, стр 213, прим. 2). Къ католическимъ же апокрифамъ, можетъ быть, нужно отнести эпизодъ о коронѣ Богоматери: «такъ и Мать Пресвятая была увѣнчана короной изъ двѣнадцати звѣздъ сплетенной, лиліями украшенной» (ibd). Католическая легенда видна, можетъ быть, и въ сказаніи о времени, когда разцвѣтаетъ рута: «эта зеленая рута въ калядское утро рано выросла, въ утро Велика Дня радостно процвѣла» (ibd), съ чѣмъ нужно сравнить одну пѣсенку (Juškov. Liet. Dajn. № 1469): «Господь Іисусъ скакалъ, всѣ радостно пѣли, а въ Великое утро лилія процвѣла»; у католиковъ, насколько мнѣ извѣстно, подобное поется про розу. Наконецъ сравненіе чистой дѣвицы съ св. Агнессой, Маргаритой и т. д., которое я нашелъ въ рукописномъ сборникѣ Зыкуса, ведетъ свое происхожденіе оттуда же. Остается отмѣтить отношеніе ораціи къ духовной пѣсни; въ одномъ варіантѣ (Svr. 94) мы находимъ: «какъ радуются сердечки юныхъ дѣвъ, гуляющихъ въ саду, когда весной выростаютъ и распускаются лиліи... но какъ скоро онѣ теряютъ свою красоту и чистоту, когда захватитъ ихъ морозъ» и т. д. Сравнимъ съ этимъ искусственную пѣсню, записанную въ Полангенѣ въ этомъ году: «Въ серединѣ лѣта цвѣтетъ много растеній и душистыхъ цвѣтовъ. О, что за разцвѣтъ, что за благоуханіе этихъ растеній на лугу! Но приходитъ юноша съ косою, срѣзаетъ растеніе. О, что за увяданіе, что за гибель ихъ, этихъ душистыхъ цвѣтовъ. О, юныя дѣвы, если вы будете добраго нрава (—моды), никто не отниметъ у васъ ни добродѣтели, ни состоянія дѣвичества» [1]).

Наконецъ мы находимъ въ этой ораціи элементъ совершенно неожиданный, языческій. Я говорю о литовскомъ божкѣ Лаймѣ (Svr. 93): «Еслибы Лайма опредѣлила мнѣ указать тѣ пути и тропинки, по которымъ я могъ бы попасть въ этотъ привѣтный садикъ зеленой руты и принести оттуда зеленый рутовый вѣночекъ». Лайма,—указательница пути, исконное балтійское миѳическое существо: мы имѣемъ цѣлый рядъ латышскихъ пѣсенъ, въ которыхъ ясно выступаетъ эта роль Лаймы [2]): въ золотомъ ручьѣ, разсказывается, въ нихъ, купаются три Лаймы, изъ которыхъ одна говоритъ сироткѣ, какъ ей пройти къ могилѣ матери. Такъ слились въ одной ораціи самые разнообразные элементы.

Къ свадебнымъ рѣчамъ причисляется народомъ, обыкновенно, декретъ о повѣшеніи свата. На этомъ оригинальномъ обрядѣ мы должны остановиться нѣсколько болѣе. Какъ я имѣлъ уже случай сказать, сватъ въ литовской свадьбѣ играетъ чрезвычайно большую роль: это представитель жениха, замѣститель его во всѣхъ нехристіанскихъ обрядахъ, намекающихъ на увозъ и покупку невѣсты. Только этимъ можно объяснить то ожесточеніе, съ которымъ невѣста осыпаетъ его самыми обидными словами, самыми язвительными насмѣшками, почему его вѣчно преслѣдуетъ вся родня, всѣ поѣзжане невѣсты. Впослѣдствіи къ образу свата—жениха—покупщика и увозчика присоединились позднѣйшія черты: сватъ уже не является лицомъ, на котораго перенесенъ образъ языческаго жениха, несовмѣстный съ образомъ жениха христіанскаго; сватъ становится лицемъ самостоятельнымъ, приближеннымъ къ жениху, его довѣреннымъ; ему приходится всячески лгать, чтобы заслужить одобреніе жениха; онъ долженъ осматривать все достояніе невѣсты. «Это ужъ дѣло лжеца-свата, что пришлось показать все имущество», говоритъ одна пѣсня [3]). «Лгунъ мошенникъ-сватъ», говоритъ другая пѣсня (сборн. г. Довойна-Сильвестровича. № 21): «въ славное мѣсто ты меня высваталъ; говорилъ: на горѣ рожь, подъ горою пшеница. Неправда: на горѣ метелка, и подъ горой одинъ репей. Говорилъ: каменный дворъ, хрустальныя окна. Какъ пришла я молодая ничего добраго не нашла. Ахъ ты лгунъ-мошенникъ, сватъ, дамъ я тебѣ подарочки: стволъ сосенки да березовый галстучекъ» [4]).

---

[1]) Сборникъ М. Довойна-Сильвестровича, въ «Живой Старинѣ», IV вып. 1893 г., гдѣ указаны и варіанты.

[2]) Músu Tautas Dzësmas... Aronu Matisa Rigà. 1888. №№ 215, 217.

[3]) Рукописный сборникъ Бурбы, принадлежащій Импер. Русскому Географическому Обществу, пѣсня № 2.

[4]) Ср. JsvD. 763—766, 784, 811, 813. LB. № 4 (изъ сборника Бругмана).

Тутъ ужъ невѣста собирается мстить, но ея месть является не насиліемъ, но актомъ правосудія за покражу живаго человѣка. Выбирается и наряжается особеннымъ образомъ судья, которому поручается разсмотрѣть, какъ и гдѣ казнить злодѣя. Понятное дѣло, что мѣры предлагаются шуточныя: посадить въ сарай, и черезъ стѣну забодать ножкой гриба, или на теплой печкѣ заморозить и т. п. Народное остроуміе въ полномъ ходу при опредѣленіи времени, когда выданъ декретъ королемъ Жигитой (т. е. Сигизмундомъ?): это было тогда, когда желѣзноклювы по землѣ летали и гдѣ, не нужно, темными глазами черезъ щелку смотрѣли; когда волкъ съ козой свадьбу справляли, барсукъ поваромъ былъ, а воробей сватомъ; сорока пиво варила и т. д., во вкусѣ столь любимыхъ литовцами несообразностей [1]). Затѣмъ сообщается о рожденіи самого героя— свата. Онъ появился на свѣтъ чудеснымъ образомъ: волкъ, роя лапами яму, вышибъ его изъ пня; онъ былъ такъ малъ, какъ снопикъ бобовъ, но онъ уже былъ лжецомъ и дикимъ воромъ (дикій-dýkas—въ смыслѣ праздный, въ старорусс. значеніи) [2]). Мальчикъ схватилъ за хвостъ волка, который со страху пустился бѣжать, но въ одной деревнѣ мальчикъ оторвался вмѣстѣ съ волчьимъ хвостомъ, выросъ въ кустахъ у деревни и сталъ великимъ лгуномъ и воромъ. Вотъ онъ приходитъ сватомъ и начинаетъ описывать дѣвушкѣ богатство жениха: у него де сыромъ мосты мощены, пруды молочные, колодцы сметанные, колья селедками утыканы, заборы колбасные и т. д.; на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Поймали лгуна и казнятъ. Его замѣняетъ, конечно, кукла, сдѣланная изъ соломы, но кое-какія черты, сохранившіяся въ этомъ обрядѣ, указываютъ на то, какъ несладка была участь пойманнаго жениха. — На этомъ повѣшеніи свата литовская свадьба кончается.

Мнѣ остается еще коснуться вопроса о хронологіи орацій. Можно-ли ихъ считать только балагурствомъ, или же онѣ восходятъ къ отдаленному прошлому и имѣютъ дѣйствительную почву? Если нельзя указать прямого или близкаго источника, откуда заимствованъ, напримѣръ, разсказъ о странствованіи жениха, а можно только указать соотвѣтствующія темы въ другихъ народныхъ поэзіяхъ, то здѣсь и просто одинаковыя явленія могли вызвать одинаковыя слѣдствія: описаніе женихова путешествія можетъ быть воспоминаніемъ, пародіей на воспоминаніе, обратившееся уже въ сказку, дѣйствительныхъ опасностей, связанныхъ съ путешествіемъ и похищеніемъ невѣсты. Еще менѣе походитъ на простую забаву повѣшеніе свата, потому именно, что тотъ же образъ дѣвушки, прельщенной необыкновенными богатствами жениха, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, гдѣ личность свата замѣнена то самимъ женихомъ, то, что еще болѣе важно, казаками, похитившими дѣвушку, — пѣсенъ, гдѣ тонъ уже изъ шутливаго переходитъ въ серьезный и изложеніе становится драматичнымъ; такъ какъ, кромѣ того, и другіе обряды литовской свадьбы указываютъ на похищеніе (это—препятствія, оказываемыя жениху около дома невѣсты, поиски невѣсты подъ простыней и т. п.), то, я думаю, вѣроятнѣе видѣть здѣсь опять таки переживаніе дѣйствительности.

На этомъ я оканчиваю свой очеркъ. Если мнѣ пришлось указать слишкомъ мало образовъ, найти слишкомъ мало подтвержденія вышеизложенной мысли о національномъ творчествѣ въ другихъ отросляхъ народной литовской поэзіи, то при современномъ состояніи литовской этнографіи, когда громадный безпорядочно изданный матеріалъ лишенъ малѣйшаго освѣщенія, я не могъ сдѣлать ничего большаго. Можно только надѣяться, что недавно возникшая литовско-латышская комиссія прольетъ нѣкоторый свѣтъ въ эту, до сихъ поръ такую темную, область.

А. Погодинъ.

---

1) Ср. JsvD. 31, 285, 829, 904—906, 935, 963, 999, 1097. J. 559, 968.

2) Эта сказка несомнѣнно родственна съ одной латышской сказкой, существующей и въ русскомъ переводѣ г. Трейланда. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. Выпускъ II. Москва. 1887, стр. 160—161 Литовскіе варіанты въ «Littauische Chrestomatie» Якоби.

О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанкѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Намъ сообщили недавно нѣсколько данныхъ касательно свадебныхъ обычаевъ въ с. Корбанкѣ, Кадниковскаго уѣзда. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ довольно интересны, то мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться ими съ читателями.

«Я пришелъ на дѣвичникъ, сообщаетъ намъ очевидецъ, довольно поздно и многаго видѣть не могъ. Когда я вошелъ въ избу, въ переднемъ красномъ углу сидѣла «сговорёнка». Послѣдняя одѣта была въ грубую холщевую рубаху и сарафанъ, сарафанъ держался только на одной верхней пуговицѣ и проймахъ, пояса не было; на ногахъ «сговоренки» были надѣты лапти на босу ногу, а на головѣ кокошникъ, прикрытый сверху платкомъ, въ косѣ завита была алая лента. Рядомъ съ невѣстой сидитъ «плакуша». Плакуша начинаетъ на распѣвъ слова причета, невѣста подхватываетъ и низко всѣмъ кланяется. Въ избѣ была толпа парней и дѣвушекъ. Привожу здѣсь буквально слова причета.

Ужъ я щŏ же засидѣлася,
На ково я заглядѣлася,
Какихъ басенъ заслушалась —
У подружекъ голубушекъ,
У сестеръ бѣлыхъ лебедушекъ.
Ужъ какъ мои ти подруженьки
Веселы сидятъ.
И радошны онѣ шуточки шутятъ,
Они дворочки—дворятъ.
Ужъ какъ мнѣ горе горькöей
Шутка—дворня на умъ нейдётъ.
Крушинушка съ ума нейдётъ.
И нейдетъ съ ума съ разума.
На часокъ на малешенекъ,
На одну-ту минуточкю.
На дворѣ день разсвѣтается,
Матка заря знаменается
Со лучами со ясными,
Со морозами холодными.
Мнѣ пора горе горькöей
Можно знать можно вѣдати.
Не течетъ солнчŏ по лѣтнему,
Не обогріетъ по снѣжинному.
Такъ я ждала дожидалася
Батюшкина покликаньича,
Матушкина побужаньюшкя.
Не покликаетъ сударь батюшко,
Не побужаетъ родимая матушкя
Меня горе горькюю,
Не наряжаетъ меня тетушкя
На какіё работушки;
Не посылаетъ по дровчя по березовьё,
По водичу по клюцёвую.
Тамъ она ходитъ обряжаетчя
Да и ходитъ по малехонькю
Говоритъ то потихошенькю,
Не разбудить що бы мнѣ
Люба племятка.
Она ходитъ обрежаетчя,
За небеса хватаетчя.
Она какъ первый разъ побуднла,
Одіяльчемъ закутала,
А въ третьёй разъ побудила.
Ты ставай мое племятко
И чесши буйну голову».

Когда причетъ окончился, началось «красованье». Невѣсту посадили на нарочно принесенную для этой цѣли ступу, покрыли одѣяломъ, а сверху салфеткой и оставили въ избѣ одну. Въ избѣ никого съ невѣстой не было. Такъ сидѣла невѣста около часу, послѣ чего подруги невѣсты, столпившись у окна, запѣли «баню», пропѣвъ ее, подъ окномъ онѣ ворвались въ избу и стали пѣть въ избѣ. Помѣщаемъ здѣсь слова той пѣсни.

Ужъ я ходила горе горькяя
На мосты на калиновыё,
Со мостовъ со калиновыхъ
Кругъ дверей увиваючся,
За скобью принимаючся,
Отворю двери на пяту,
Я на правую рученькю.
Я вступлю молодехонькя
На кирпицну середу,
Со кирпицныё середы
На подъ край дубови пола,
Подъ красное окошечкö,
Можно ли въ очи увѣдити,
Свою подружкю голубушкю.
Какое дѣло перѣдила,
Какую службу накинула,
Этої мы дѣло сдѣлали,
Этую мы службу сослужили.
Мы сходили же, подруженькя,
Ко кузнечамъ, да ко мастерамъ,
Мы сковали же, подруженькя,
По топору себѣ по острому,
Мы сходили же, подруженькя,
Во лѣса мы во темныё,
Во дубровушки зеленыё,
Мы срубили же подруженькя,
По бревстку по сосновому,
По другому по еловому,
Какъ и наша тепла пáрутка (баня)
По сыру пору рушена,
Вожена нá красѣ,
Катана на бѣлыхъ коняхъ.
Она поставлена нá путѣ,
Она поставлена нá путѣ, да на дороженькѣ,
На красивоемъ мѣстечкѣ,
На крутомъ, красномъ бережкѣ;
Какъ у нашей у пáруши
Плотницки были московскіё,
Работницки петербургскіё.
Щjö у нашеё пáруши
Трои дверецки стекольчятыё,
Три окошецка косещатыё...
На первöмъ на окошецкѣ
Лежитъ брусъ мыла изъ Костромы,
На другомъ то на окошецкѣ
Стоитъ бѣлилъ ту бѣлильничя.
И мазилъ ту мазильничя,
На третьемъ на окошецкѣ
Лежитъ дивицья крáсота».

Пропѣвъ эту пѣсню, дѣвушки повели невѣсту по общепринятому обычаю въ баню, чѣмъ и закончился дѣвишникъ.

На слѣдующій день холостые ребята, товарищи жениха, «пропивали» жениха, т. е. устроили безобразную повальную попойку. Перепившись повели пьянаго жениха къ невѣстиной избѣ. Невѣсту вывели подруги ея изъ избы, послѣ чего послѣдняя бросилась бѣжать въ поле. Женихъ долженъ былъ изловить невѣсту. Когда жениху удалось поймать невѣсту, и жениха и невѣсту отвели въ невѣстину избу и оставили ихъ на нѣсколько минутъ однихъ въ двоемъ въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ женихъ вышелъ къ молодежи, стоявшей въ сѣняхъ и объявилъ присутствующимъ, что завтра у него будетъ свадьба и что онъ проситъ всѣхъ къ себѣ «на пиръ на свадьбу».

Послѣ этого присутствовавшіе разошлись, остались только подруги невѣсты.

Къ несчастью, очевидецъ не сообщаетъ намъ конца свадебнаго ритуала. Тѣмъ не менѣе и въ сообщенныхъ нами обычаяхъ нельзя не видѣть остатковъ глубокой старины. Напр. ловля женихомъ невѣсты не есть ли это остатокъ прежняго «умыканія» невѣстъ?...

Приведенныя выше свѣдѣнія сообщены намъ бывшимъ нашимъ воспитанникомъ, нынѣ сельскимъ жителемъ Василіемъ Михайловичемъ Битоцкимъ; сообщены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года. Изъ сообщеній г. Битоцкаго видно, что мѣстность, гдѣ находится с. Корбанка, отличается множествомъ старинныхъ своеобразныхъ обычаевъ среди мѣстнаго населенія.

А. Баловъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

Нѣсколько лѣтъ занимаясь собираніемъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, я не упустилъ изъ виду печатный библіографическій матеріалъ и о литовскомъ языкѣ, который составилъ въ моемъ сборникѣ библіографическихъ матеріаловъ VI отдѣлъ, именно «литературу литовскаго языка». Сколько мнѣ было доступно, я во все это время собиралъ библіографическія свѣдѣнія и о рукописяхъ по изученію литовскаго языка и письменности. Но эти свѣдѣнія не были внесены въ сборникъ библіографическихъ матеріаловъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словарей, какъ то Юшкевича, Межиниса и др. потому что не имѣлось точныхъ свѣдѣній о самихъ рукописяхъ. Въ послѣднее время мнѣ удалось немногимъ пополнить этотъ матеріалъ, благодаря любезности гг. Довойно-Сильвестровича, П. Кряучунаса и др., сообщившихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописяхъ, именно о рукописяхъ Побрежи и Ивинскаго. Но тѣмъ не менѣе, предлагаемыя библіографическія свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ, можетъ быть покажутся сомнительными и далеко не полными, такъ какъ они составлены не по самымъ рукописямъ, а извлечены изъ разныхъ сочиненій, сообщающихъ свѣдѣнія о литовцахъ, ихъ жизни, языкѣ и письменности.

Фойгтъ, историкъ Пруссіи (Voigt, Geschichte d. Preussen, I, p. 258), разсказываетъ въ своей исторіи, что папскій легатъ Вильгельмъ графъ Савойскій, епископъ Моденскій, жилъ въ Пруссіи около 1223 года и, изучивъ литовскій языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната, и что эта рукопись въ ватиканской библіотекѣ могла быть хранима. Объ этой рукописи говоритъ Тунманъ (Thunmann. Untersuchungen. p. 217 и 241). (Krause Litt. p. 134. Jaroszewicz. Obraz Lit. I, p. 225).

Мацѣевскій въ своемъ трудѣ „Литовскіе Евреи“ на стр. 40 упомянулъ, что великій князь литовскій Витовтъ далъ литовскимъ евреямъ въ Луцкѣ въ 1388 г. привиллегію, которую можно найти въ сборникѣ Дзялынскаго (Zbiór praw litewskich. Pozn. 1841). Эта грамота была писана по русски, но евреи, именно троцкіе, перевели ее на литовскій языкъ. разумѣется потому, чтобы литовцамъ было понятно, какія права далъ князь евреямъ. Такъ какъ въ указанномъ сборникѣ нѣтъ литовскаго текста, то надо полагать, что литовскій переводъ этой грамоты остался въ рукописи въ какомъ либо архивѣ.

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣемъ о слѣдующихъ рукописяхъ.

Августинъ Ямундъ, пасторъ въ Рагнитѣ, переводилъ на литовскій языкъ Новый Завѣтъ, но смерть, послѣдовавшая въ 1576 году, не позволила окончить этотъ переводъ. (Rhesa, Gesch. Lit. Bib. p. 7.—Dzienn. Wil. 1824 I p. 382).

Бреткунасъ Іоаннъ пасторъ въ Кенигсбергѣ съ 1587 по 1602 гг. началъ переводить Новый Завѣтъ въ 1579 г., живя въ Лабявѣ и окончилъ въ 1580 г., а въ 1585 г. сталъ переводить Ветхій Завѣтъ и въ 1590 г. кончилъ переводъ, и такимъ образомъ вся библія была переведена на литовскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: «Biblia tatai esti wisas szwentas rasz'as lietuwiszkai pergulditas per. Jona Bretkuna 1590 m.». Эта рукопись состоитъ изъ 8 томовъ: 5 томовъ ветхаго завѣта въ листъ и 3 тома новаго завѣта 4°. Эти рукописи пріобрѣтены для библіотеки маркграфа Прусскаго въ 1599 году 14 февраля въ Кенигсбергѣ. (Rhesa. Gesch. Lit. Bib. p. 7).

Иванъ Яхновичъ (іезуитъ) написалъ литовскую грамматику около 1660 года. По мнѣнію г. Краузе, эта рукопись въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ. Яхновичъ род. 1589 г., умеръ въ 1668 г. въ Вильнѣ. (Krause Litt. p. 135, Rhesa Prutena p. 74).

Преторіусъ Фридрихъ (пасторъ) въ Жиляхъ съ 1646 по 1695 г. составилъ словарь литовско-нѣмецкій, написалъ катехизисъ на литовскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Всѣ рукописи Преторіуса потеряны послѣ его смерти. (Krause p. 137).

Перкунсъ Яковъ пасторъ въ Вальтеркемахъ съ 16?0 по 1707 года составилъ литовскій словарь, который послѣ его смерти потерянъ. (Krause p. 137).

Гуртекусъ или Гуртеліусъ (Hurtelius Johann 1660), сотрудникъ Клейна при исправленіи духовныхъ пѣсенъ, составилъ, литовскій словарь, который послѣ смерти Гуртеліуса тоже потерянъ. (Leppner, p. 115; Ostermayer Lieder Gesch. p. 153; Mitt. L. L. S. I p. 269).

Шульценъ Өеофилъ (Schultzen Theophil) пасторъ въ Катенавѣ съ 1662 по 1673 г. написалъ словарь «Deutsch-littauisches Wörterbuch». Шульценъ получилъ порученіе написать литовско-нѣмецкій словарь и учебникъ литовскаго языка, а при участіи Мюллера архипастора въ Инстербургѣ этотъ заказъ, отчасти былъ исполненъ, но смерть Шульцена помѣшала исполнить окончательно эти заказы. Рукопись словаря вѣроятно въ тайномъ архивѣ въ Кенигбергѣ, и, какъ полагаетъ профессоръ Нессельманъ, въ числѣ трехъ анонимныхъ словарей, хранящихся въ архивѣ.

Бродовскій Яковъ. Lexicon.-Lithuanico-Germanicum et Germanico-Lithuanicum u. s. w. Jacobo Brodowski Praeceptore Trempensi 1713—1744. f. Литовсконѣмецкая часть этого словаря обработана по словарю (Haak) Гака, 461 стр; нѣмецко-литовская часть обработана съ большимъ прилежаніемъ, но къ сожалѣнію не полная, начинается словомъ «Abtilgen» стр. 39 и заканчивается словомъ «Scharwerk» стр. 1050. Рукопись въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. № 127 и 128. (Nesselmann. Wörterbuch, предисловіе).

Словарь: Deutsch-Litauisches Wörterbuch iu zwei Quartanten. 4°. 1226 и 1184.

Кромѣ этого, существуютъ еще три анонимныхъ нѣмецко-литовскихъ словаря, одинъ старый и два новыхъ. Каждый изъ этихъ словарей составляетъ толстый квартантъ. Старый словарь, какъ полагаетъ Нессельманъ, долженъ быть Шульцена или Преторіуса. Рукописи въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. (Nesselmann. Wörterb., пред.).

Лизіусъ Генрихъ. Lysius Henrich D-r. Der kleine Katechismus D. M. Lutheri, Deutsch und Litanisch 1719. Рукопись въ библіотекѣ Литовскаго Литературнаго Общества Этотъ катехизисъ былъ напечатанъ въ Кенигсбергѣ въ 1719 г.

Шимельпфенигъ пасторъ въ Прокулѣ перевелъ на литовскій языкъ соч. И. Арнта: «J. Oranto szeszios knygos apie tikra krikszezionuma ir t. t. Шесть книгъ объ истинномъ христіанствѣ и пр. Гдѣ находится рукопись, неизвѣстно.

Кунцманъ Auszug aus Herrn Pfarrer Kunzmann geschriebenem Lexikon zur Completirung desjenigen von. Ruhigs. Рукопись передана наслѣдниками пастора

Рудольфа Якоби литовскому литературному обществу въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit L. G. p. 351).

Гофгейнцъ (Hoffheintz) суперинтендентъ въ Тильзитѣ нашелъ въ архивѣ Тильзитскаго пастората слѣдующія старыя рукописи:

1) Kelios lietuwiszkos Giesmes iszwerstos no C. G. Mielke». Нѣсколько литовскихъ пѣсенъ, переведенныхъ на литовскій языкъ X. Г. Міелькомъ. 57 пѣсенъ (1770—1790). г.

2) Maldu kuygos ant kasdieniszko wartojimo lietuwiszkose szuilese. Молитвенныя книги для ежедневнаго употребленія въ литовскихъ школахъ.

3) Prastos giesmes. Простыя пѣсни или неудачный переводъ пѣсенъ съ нѣмецкаго на литовскій языкъ, пасторомъ X. М. Петшъ (Pötsch) 183 пѣсни. Эти рукописи найдены въ 1883 г. Mitt. it. hit. G. I, p. 263.

Міельке Litauisches Gesangbuch Manuskripte zu dem Mielckischen litauischen Gesangbuch. Рукопись въ библіотакѣ Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (Katalog L. L. G.).

Litauische Bibel. Briefe den Wiederabdruck der litauischen Bibel betreffend. Рукопись въ библ. илт. литер. общ. (Katalog.).

Sammlung lithauischer Wörter und Redensarten, die in den Wörterbücher nicht alle befindlich sind. 4 Bände. Рукопись пожертвована пасторомъ Беттихеромъ литовскому литер. общ. въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. Lit. G. I p. 350).

Буткевичъ Tarmrieda lenkiszkai lietuwiszka, paraszyta par kun. A. Butkewicze bazilioni Правила разговора польско-литовскія написалъ кс. А. Буткевичъ базиліанецъ. Неизвѣстно гдѣ рукопись; объ этой рукописи говоритъ Ивинскій въ календарѣ на 1860 г., стр. 66.

Virgilius. Artojiste (Georgica) перевелъ на литовскій языкъ кс. Ксаверій М. Богушъ около 1808 г. (Bib. pol. I, p. 29. Karlowicz. Rękopisma. № 2).

Пашкевичъ Діонисій составилъ словарь «Słównik litewsko-polsko-łacinski» 2 тома 4° отъ *A* до *P*; слѣдовательно словарь не полный, однако рукопись эта была завѣщана какъ полный словарь Каіетану Незабитовскому въ 1830 году (Magz. powsz. 1837, p. 229). Г. Карловичъ говоритъ, что г. Чудло видѣлъ этотъ словарь у адвоката Юргевича въ Ковнѣ и предлагалъ за рукопись 18 руб.. (см. Jęz. lit.) Пашкевичъ перевелъ на литовскій языкъ Энеиду Виргилія, а рукопись пріобрѣтена отъ родственниковъ Пашкевича г. Кряучунас мъ въ 1883 году. Кромѣ того, осталось въ рукописи нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ съ польскаго языка и оригинальныхъ. Эти рукописи нынѣ у г. Матулониса. Вѣроятно г. Матолюнисъ, разсмотрѣвъ упомянутыя рукописи и письма Незабитовскаго къ Пашкевичу, сообщитъ о нихъ что либо новое. Пашкевичъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1760 г. убитъ въ 1832 году, въ своемъ имѣніи Бордзяхъ Ковенской губ. Россіенскаго уѣзда Гирдшинскаго прихода. злоумышленниками въ его дубѣ Баублисѣ, полагавшими что у Пашкевича найдутъ много денегъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не оказалось.

Суткевичъ доминиканецъ составилъ словарь «Słównik litewski». Словарь литовскаго языка, составленъ по старинныъ литовскимъ изданіямъ. Рукопись принадлежитъ Имп. Академіи Наукъ и подготовлена къ печати Э. А. Вольтеромъ.

Станевичъ Симонъ кс. занимался составленіемъ словаря «Słównik Žmudžko-polski» отъ А до К. Былъ ли этотъ словарь полонъ, мнѣ неизвѣстно. Рукопись въ архивѣ графа Платера въ имѣніи Гедиминайци, Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда (Auszra 1885, p. 165. Liet. Bols. 1888, p. 138.

Графъ Юрій Платеръ составлялъ грамматику литовскаго языка, но только не окончилъ. Рукопись въ архивѣ его имѣнія Гедиминайцяхъ Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда. Платеръ родился въ 1810 г., умеръ въ 1836 г. (Литовск. вѣстн. 1836, № 35, Auszra 1836, p. 165).

Гроссъ Симеонъ, монахъ бернардинецъ, живя въ кретингенскомъ монастырѣ, изучилъ жемойтскій языкъ и, полюбивъ его, написалъ грамматику жемойтскаго языка «Kałbosrieda lieżuwio żematiszka» 1835 г. Волончевскій объ этой грамматикѣ говоритъ такъ: «эта хорошая книга до сихъ поръ не напечатана и лежитъ въ типографіи г. Марциновскаго въ Вильнѣ»; это было въ 1848 г. Wołoncz. Wiskupiste II, p. 78.

Pamoksłai lietuwiszki. Литовскія проповѣди, рукопись въ библ. доминиканскаго монастыря въ Россіеняхъ, свѣд. сообщ. М. Довойна-Сильвестровичъ.

Олехновичъ Рафаилъ кс. и Ант. Дроздовскій собирали народныя пѣсни, о которыхъ говоритъ въ своемъ трудѣ академикъ Кеппенъ, сообщая, что Викентій Вильмикъ около 1825 г. собирался издавать эти пѣсни въ Вильнѣ; изданіе не состоялось; рукопись, можетъ быть, въ Вильнѣ. (Кеппенъ О происхожд. лит. языка, стр. 101).

Валиновичъ Сильвестръ написалъ сатирическую поэму на литовскомъ языкѣ противъ пьянства, развившагося въ Жемойтіи во второмъ и третьемъ десяткахъ нынѣшняго столѣтія. Литовское заглавіе этой рукописи неизвѣстно. На польскій языкъ эту поэму перевелъ Лаврентій Ивинскій подъ такимъ заглавіемъ: «Kontubernia Palemonska czyli Płungiansko - teszewska». Разборъ этой сатиры помѣщенъ въ «Pamiętnikach P. Kamertona III p. 237». Валиновичъ родился въ 1790 г., умеръ въ 1831 г.

Незабитовскій Каіетанъ магистръ права по предложенію канцлера графа Румянцева составилъ словарь «Słównik polsko-litewski» и «litewsko-polski», состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Рукопись въ библіотекѣ варшавскаго университета. Часть литовско-польская не полная, оканчивается словомъ kantupiti. Онъ написалъ также грамматику литовскаго языка: Grammatyka żmudko-litewska z uwzglendnienem innych narzeczy litewskich» 1837. Эта рукопись по видимому не полная, нынче въ рукахъ 2 г. Матулониса. (Mogz. powszek 1837, p. 228 и 229. Encykl. powsz. XVII p. 208 и XIX p. 448).

Пабрежа Амвросій Юрій монахъ бернардинецъ род. въ 1771 г. умеръ въ 1849 г. Побрежа, долго живя въ Кретингенскомъ монастырѣ, написалъ нѣсколько сочиненій на литовскомъ языкѣ:

1) Pamoksłai dwasiszki łabai pożiteczni». Духовныя проповѣди очень полезныя 4° 356 стр.

2) Pamoksłaj apei septinius sakramentus. Проповѣди о семи таинствахъ 8° 546 стр.

3) Pamoksłas arba erts apraszims wisokiu baisibiu grieka neczistatas. Наука или пространное описаніе ужасовъ грѣха разврата. 4° 140 стр.

4) Pamoksłay wayringosy materyosy at rozniu wytu ir wajriusy łaykusy sakitu. Разныя проповѣди на разные случаи. 4° 860 стр.

5) Pamoksłai ir katekizmaj. Проповѣди и катехизисъ. 4° 156 стр.

6) Kozonej at nekuriu nedieles dynu ir szwiętiu. Проповѣди на нѣкоторыя воскресныя дни и праздники. 4° 358 стр.

7) Kninga torenti sawiey kozonis at nekuriu nedielesdyinu ir at łabay daug szwętiu, teypogi wayringusi atsyeimusi, kaipo prinabasztyku ir t. t. Книга, содержащая проповѣди на воскресные и другіе праздники и при умершихъ. 4° 622 стр.

8) Nomenklator Botanicus seu comparatio veteris botanicae ad nomina botanicae systematicae f. 36 стр.

9) Skutki lekarskie niektorych roslin i sposob używania tychże w rozmaitych chorobach, wyjęte z dzieła Symona Syreniusa Doktora akad. Krakowskiej 4° 123 стр.

10) Żodyns Biilun augminiczyniu lotin-żemajtiniu. Словарь латино-жемойтскій названій растеній 4° 128 стр. Рукопись у г. П. Кряучунаса.

11) Sryje balsenyyniu biilun żemajtiu-łotynyyniu. Списокъ разговорныхъ рѣченій жемойтско-латинскихъ. 4°. стр. 253.

12) Tayslo augimiu arba botanika. Опись растеній или ботаника. f. 316 стр.

13) Weykalas augimiu.—Irankis weysynas augimiu sogadtiwuju. Rodikle augimiu wodyejtiu. Botanika. Сочиненіе о полезныхъ растеніяхъ.—Руководство къ разведенію полезныхъ растеній.—Указатель вредныхъ растеній. Волончевскій говоритъ, что эти послѣднія сочиненія оканчиваетъ Побрежа (Wołonczewski II, p. 71—75). Вѣроятно, объ этомъ именно ботаническомъ сочиненіи сообщаетъ мнѣ г. П. Крячунасъ слѣдующее: Видѣлъ, говоритъ онъ, своими глазами на рождество (въ 1892) въ Ковнѣ у кс. профессора Мацюлевича ботанику на литовскомъ языкѣ; это гигантскій трудъ кс. Побрежи, въ прочномъ переплетѣ; толстая книга въ листъ около 1000 страницъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, съ пространнымъ вступленіемъ и съ 4-мя именословами или номенклаторами и указателемъ въ концѣ. Рукописи Пабрежи духовнаго содержанія вѣроятно въ библіотекѣ Кретингенскаго монастыря; рукописи научнаго содержанія вѣроятно тоже тамъ, за исключеніемъ № 10 и 13. Первый у г. Крячуна, второй у кс. Мацюлевича въ Ковнѣ.

Dainos mit Noten und deutscher Uebersetzung aus Peter von Bohlen Nachlass Рукопись въ библіотекѣ Лит. Литерат. Общ. въ Тильзитѣ (ф. 17).

Hoffheinz. Giesmiu Balsai lit. Choralmelodien. Рукопись въ библ. Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (п. 5).

Budrius H. Dainos oder littauische Volkslieder mit ihren Melodien aus dem Munde ihrer Sänger geschöpft. von H. Budrius Procentor in Pillupönen.—N. Preuss. Prov. Blätt. 1848, V, p. 59.

Загурскій Rasztai lietuwiszki tikros rankos, iszguldimai ir sekiojimai parasze W. Ažukalnis. 1835—1856. 4°. Литовскія сочиненія, переводы и подражанія. Рукопись начинается стихотвореніемъ на польскомъ языкѣ «Głos z Litwy, затѣмъ Prakałba». Предисловіе, дальше «Giesmes maldingos» духовныя пѣсни. Rasztai tikros rankos ir sekioimai. Сочиненія и подражанія. Рукопись у г. М. Матулениса. (Auszra 1884 стр. 20, Liet. Bals. 1885, стр. 155).

С. Балтрамайтисъ.

(Продолженіе будетъ).

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей *акад. Н. С. Тихонравова* и *проф. В. Ѳ. Миллера.* Москва. 1894. (VIII + 88 + 304). Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ изданъ Этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, который первоначально имѣлъ въ виду «собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и разсѣянныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ», но затѣмъ, когда покойный Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги по переизданію былинъ 17 и 18 вв., а нѣсколько собирателей доставили въ него свои еще не напечатанныя записи,—изданіе значительно разрослось. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно заключаетъ 6 былинъ старой записи, къ которымъ присоединена статья Н. С. Тихонравова: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка», и 70 былинъ новой, въ томъ числѣ 34, появляющіяся въ первый разъ.

Что касается былинъ первой части, то большинство ихъ уже изслѣдовано А. Н. Веселовскимъ, Л. Н. Майковымъ и др.; новымъ является только «отрывокъ изъ неизвѣстной былины», содержавшей, повидимому, бой Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ и вводившей новое лицо—чашника фрязина Матвѣя Петровича. Въ былинахъ этой части Илья Муромецъ—знатный богатырь, совершенно лишенный чертъ, окрестьянивающихъ или облагораживающихъ его образъ. Соловей Разбойникъ не разъ называется въ одной былинѣ (ч. I, 10—11 стр.) Соловьемъ Будимеровичемъ; что это не случайно и не индивидуально, подтверждаетъ соединеніе Ильи Муромца и Соловья Будимировича въ письмѣ XVI в. (ср. А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины. СПБ. 1881. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка). Именно, письмо Кмиты говоритъ: «bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza»... Эта равноправность Соловья Разбойника и Ильи Муромца, указанная и отмѣченная въ современныхъ переживаніяхъ, объяснена В. Ѳ. Миллеромъ (Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892, стр. 86—107). Былина о Потокѣ, до сихъ поръ чрезвычайно популярная, по свидѣтельству Гильфердинга, въ Олонецкой губ., кажется, уже вполнѣ сложилась къ XVIII вѣку. Тоже можно сказать о былинахъ, посвященныхъ Ставру.

Наконецъ, въ видѣ нерѣшительнаго предположенія, я укажу на слѣдующее объясненіе одного мѣста былины объ Ильѣ. Извѣстно, что собственныя имена подлинника нерѣдко только осмысляются, аккомодируются, а несовсѣмъ погибаютъ въ заимствованіи. Какъ на новѣйшій примѣръ, кажется, можно указать на солдата Дениса, борющагося хитростью со смертью въ одной бѣлорусской сказкѣ у П. В. Шейна. (Матеріалы... Томъ II. СПБ. 1893. стр. 413). Сюжетъ сказки старый и общеизвѣстный [ср. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881. стр. 108—111 и далѣе], но имя Денисъ напоминаетъ какъ будто имя Дигенисъ, легенда о которомъ, по предположенію, дала начало пѣснѣ объ Аникѣ Воинѣ. Исходя изъ вышеуказанной мысли и наблюдая связь врага Ильи—Калина (= Калуна, по мнѣнію В. Ѳ. Миллера) и Смородины (напр. ч. II, стр. 31: злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ), я думаю, что сопоставленія (ч. I, стр. 2 и 5): на мостъ калиновъ, на рѣку Смородину; отвѣтъ Ильи: «ѣду я на мосты колиновы»—«только та у насъ дорога залегла ровно тридцать лѣтъ отъ Соловья» имѣетъ основаніе въ какомъ нибудь уже забытомъ сопоставленіи царя Калина съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Переходя ко второй части, я коснусь нѣсколько былинъ новой записи, въ число которыхъ входитъ весьма цѣнное собраніе Сибирскаго этнографа С. И.

Гуляева. Въ настоящее время уже трудно, кажется, ждать записи какого-нибудь новаго эпизода, появленія какого-нибудь богатыря: дѣло сводится только къ новой группировкѣ уже извѣстныхъ мотивовъ, къ мелочному различію въ подробностяхъ. Въ этомъ отношеніи новыя былины можно раздѣлить на три группы:

1) Былины сѣверной полосы Россіи, пересказывающія старые сюжеты почти безъ всякихъ варіантовъ: таковы №№ 33, 35, 38, 46, гдѣ Чюрило Пленковичъ названъ Поповъ Молодецъ, м. б. вмѣсто купавъ молодецъ, а мужъ Каторины—Обемялъ; № 50, гдѣ упомянуты заставы Дюка; № 59, гдѣ Ставръ названъ Астоверстомъ Гординовичемъ; № 60, гдѣ похожденія молодца въ Литвѣ приписаны Василію Буслаевичу; № 64, гдѣ Фаворъ-гора въ приключеніи Василія Буслаевича названа Фараонъ-гора и оба похожденія героя соединены въ одну былину; № 63, 66 и 69. Болѣе интереса представляютъ слѣдующія былины: № 11, гдѣ упоминается сидѣніе Ильи Муромца въ темницѣ, раздраженіе Самсона богатыря противъ Владиміра, стрѣла, пущенная Ильей въ грудь Самсона вслѣдствіе раздраженія на его бездѣятельность; № 61, гдѣ полиція требуетъ головы Василія Буслаевича; рѣка, куда загнана его дружина, названа Пучаемъ, пиръ въ началѣ былины происходитъ у Вакулы Окульева и оба похожденія героя спаявы въ одну былину.

2) Былины Московскія съ изложеніемъ спутаннымъ и конспективнымъ, интересныя для исторіи былиннаго творчества. Это—№ 3, гдѣ дубъ станичниковъ разбиваетъ не Илья, а Добрыня; № 23, гдѣ Добрыня встрѣчается съ Маришкой, уже будучи женатымъ на Настасьѣ, и весь эпизодъ крайне перепутанъ; № 64 съ чрезвычайно сжатымъ изложеніемъ шутокъ Василія Буслаевича. Сюда же нужно отвести Нижегородскую былину, № 65, о борьбѣ Суроги съ царемъ Курганомъ Смородовичемъ, т. е. Ильи съ Калиномъ.

3) Сибирскія былины, лучшая часть которыхъ записана отъ старика Тупицына и носитъ характеръ его индивидуальности. Это—№ 1, гдѣ Илья Муромецъ называетъ себя по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ, по потѣхѣ Борисъ-Королевичъ младъ, вмѣсто Смородины Днѣпръ и т. д.; № 9, гдѣ характеру Ильи приданъ въ высшей степени благочестивый оттѣнокъ; № 21, гдѣ упоминается посхимленіе отца Добрыни, Никиты Романовича,—Добрыня призываетъ съ неба дождь, чтобы крылья змѣя размякли; № 37 съ царемъ Батуромъ Батвѣсовымъ; № 41, (Михаилъ Казяритинъ) гдѣ разсказывается сперва то же, что обыкновенно о Дюкѣ Степановичѣ, а затѣмъ о королевичѣ изъ Крякова; № 42, № 56. Вообще въ былинахъ Тупицына замѣтно стремленіе къ замѣнѣ одного имени другимъ, сліянію нѣсколькихъ сюжетовъ въ одинъ подъ чужимъ именемъ; все это легко объяснить старостью пѣвца, тѣмъ, что онъ прежде зналъ множество былинъ, а теперь сохранилъ только остатки. Изъ другихъ сибирскихъ

былинъ наиболѣе интересны двѣ: № 39, съ варіантомъ къ плачу Богородицы на стѣнѣ, обязаннымъ, кажется, иконописному изображенію (ср. II Новг. лѣт. 1208 г.: «заутра плака святаа Богородица у святаго Якова, в Неревскомъ коньцѣ»), съ варіантомъ къ бою Василія-Пьяницы, его разговору съ конемъ и пр., и № 45, гдѣ Бермята отпускаетъ Чурилу домой невредимымъ.

Къ концу книги приложенъ указатель предметовъ и другой указатель личныхъ именъ; въ послѣднемъ кое-что пропущено; напр. Евандіевъ крестъ въ № 38 (вар. Рыбн. II ч., № 11, ст. 2: изъ подъ чуднаго креста Еландіева), Колѣчища (вар. Каличище), Карачевецъ въ I, 48: 25; Муръ-градъ въ I, 1: 31. Къ концу первой части приложенъ фототипическій снимокъ съ одной страницы былинной записи XVII вѣка; мнѣ кажется, что это совершенно излишне: рукописи XVII в. такъ общедоступны, что палеографическаго значенія этотъ снимокъ имѣть не можетъ; въ форматѣ же и правописаніи нѣтъ ничего типичнаго. Къ концу книги приложены ноты къ одной былинѣ. Книга издана изящно и цѣна ея очень не высока; отсутствіе снимка позволило бы еще понизить ее.

А. Погодинъ.

Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія». СПБ. 1893 г.

Журналъ «Древняя и Новая Россія», выходившій въ 1875—81 гг. подъ ред. С. Н. Шубинскаго и посвященный главнымъ образомъ русской исторіи, заключалъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей и замѣтокъ по русской этнографіи. Здѣсь, напримѣръ, помѣщали свои статьи Гр. Потанинъ, С. Максимовъ, П. Ровинскій и др. П. Гильдебрандтъ извлекалъ немало цѣнныхъ замѣтокъ изъ провинціальныхъ изданій, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ «Замѣтки и Новости». Кромѣ того, на страницахъ журнала воспроизведено немало рисунковъ, имѣющихъ интересъ для этнографа. Вышедшій недавно указатель къ журналу даетъ возможность пользоваться всѣмъ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, матеріаломъ.

В. Б.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

III.

Къ сдѣланному мною раньше сообщенію о крестьянскихъ играхъ Минской губ. (см. «Ж. Ст.», 1891, в. IV, 1893 г.. в. II и в. III) считаю не безполезнымъ привести въ дополненіе описаніе еще нѣкоторыхъ игръ и припѣвовъ къ танцамъ.

а) *Дѣтскія игры.* (Бродецкая вол. Игуменскаго у.)

I. Сьвинка.

Играютъ на улицѣ и только мальчики. Они выкапываютъ ямочку болѣе четверти аршина въ діаметрѣ и вершка два глубиною. Потомъ кладутъ камень, величиною въ обхватъ руки, на разстояніи съ сажень и болѣе отъ ямочки, и по очереди бьютъ палками въ камень, подбрасывая его съ каждымъ ударомъ, пока не закатятъ въ ямку. Это называется «загнаць сьвинку ў химў.» Изъ ямки камень отбиваютъ палками же на прежнее разстояніе и снова загоняютъ. Интересъ состоитъ въ томъ, кто послѣдній ударитъ въ камень такъ, чтобы загнать его «ў химў», и въ томъ, кто первый выброситъ изъ ямочки. (Практикуется игра и въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ уу.)

2. Игратць ў дуба.

Играютъ въ хатѣ. Одному изъ играющихъ, мальчику или дѣвочкѣ, завязываютъ глаза, берутъ его подъ руки и подводятъ къ дверямъ. Стоящій поближе къ тому, у котораго завязаны глаза, спрашиваетъ у послѣдняго: „Што ета?»—Кто либо изъ толпы отвѣчаетъ: «Дупъ!»—«Што на дуби?»—«Улей!»—Што ў томъ ульли?»—«Медъ»—«Каму яго ѣсьци?»—«Пану!»—«А мнѣ?»—отзывается тотъ, у котораго завязаны глаза.—«На тры . . . . . ! »отвѣчаютъ хоромъ всѣ играющіе.—»А каша дзѣ?» спрашиваетъ играющій съ завязанными глазами.—«На палицы!»—отвѣчаютъ ему.—«Я выѣмъ!»—«А мы кіемъ!»—и всѣ начинаютъ слегка бить того, у кого завязаны глаза, потомъ разбѣгаются и прячутся по угламъ. Играющій долженъ съ повязкой на глазахъ кого нибудь поймать или найти и передать повязку.

3. Гужъ.

Играютъ на дворѣ. На землѣ очерчиваютъ кругъ, въ который помѣщаютъ дѣвочку, называющуюся «Маткой». Остальные, мальчики и дѣвочки, находятся внѣ круга.

Играющіе выбираютъ наиболѣе ловкаго изъ своей среды и посылаютъ его въ кругъ къ «Маткѣ.» «Матка» приказываетъ ему кого нибудь изъ играющихъ поймать и привести въ кругъ, но отдаетъ свое приказаніе такъ, чтобы никто не слышалъ. Она выталкиваетъ затѣмъ мальчика изъ круга съ крикомъ; «гуужъ! гууужъ!.» Всѣ разбѣгаются въ разсыпную, стараясь не быть пойманными, обѣжать и стать на чертѣ круга, гдѣ взять уже нельзя. Если тотъ, кто былъ въ кругѣ, поймаетъ того, на кого указала матка, то приводитъ послѣдняго къ ней и оставляетъ вмѣсто себя, а самъ опять уходитъ въ толпу. Пойманный обязанъ въ свою очередь кого либо поймать, по указанію «матки», и т. д.

4. Кѐршанъ.

Играютъ на улицѣ, Дѣвочки и мальчики составляютъ цѣпь, становясь въ кружокъ. Одинъ изъ играющихъ садится въ кругѣ на землѣ и копаетъ ямочку; остальные спрашиваютъ: «Каршачѐкъ, каршачокъ, што ты робишъ?»—«Ямачку капаю».—«Нашто табѣ ямачка?»—«Каменьчыки складаць».—«Нашто табѣ каменьчыки?»—«Вашымъ дзѣткамъ зубки выбиваць».—«Зашто-прошто?»—«А што манѣ капусту парвали и пакапали!»—«А трэба було табѣ, каршачокъ, вялики гародъ гарадзиць!». «А чуръ ў балота жапъ ѣсьци!.»—причемъ коршунъ вырывается изъ цѣпи и пускается бѣжать; остальные гоняются, пока не поймаютъ. (ср. запись изъ Пинскаго у., «Ж. Ст.» 1891 г., в. IV, р. 204, п. 1).

5. Макъ.

Эта игра весьма близка къ вечериночной игрѣ «Калодачки», опис. въ «Ж. Ст.», 1893 г., в. II, р. 287, и составляетъ очевидно, варьянтъ ея. Играютъ дѣти обоего пола, въ хатѣ. Играющіе избираютъ кого нибудь «хаджаинамъ», ставятъ его посреди избы, а сами образуютъ кругъ, держась за платье или за поясъ другъ друга. Дѣти кружатся и поютъ почти тотъ же припѣвъ, что и въ игрѣ «калодачки»:

А на гарѣ макъ,
А ў далинѣ такъ!
Бѣдная мая галовачка!
Залатая маковачка?,
Станьже ты такъ,
Якъ той бѣлый макъ!.

Когда пропоютъ первый разъ, «хаджаинъ» отвѣчаетъ: «Я іщѐ навины ни драу!» За вторымъ разомъ: «Я ищэ тольки навину падраў!». За третьимъ: «Ищэ навина ни упрэла!»—Наконецъ, «хозяинъ» заявляетъ: «А ужэ макъ пара цапаць!.» Всѣ начинаютъ щипать «хозяина», стараясь не выпустить его изъ цѣпи, и щипать до тѣхъ поръ, пока онъ не прорветъ цѣпь.

Привожу далѣе нѣсколько плясовыхъ дѣтскихъ пѣсенекъ. Каждая пляска называется именемъ пѣсни, но пляшутъ однообразно при каждой: сплетаются руками, располагаясь въ кружокъ, кружатся, притоптывая ногами, и поютъ.

6. Цыркунъ.

Скакаў цыркунъ па сьцянѣ,
Зламаў ношку: «Охъ — ця мнѣ»!
Цыркуниха скача,
Дай па нозцы плача.

7. Вярабей.

Вярабей, вярабей!
Ни клюй маихъ канапель,
Ни маихъ, ни сваихъ,
Ни сусѣда майго!
Я таму вярабью
Кіямъ ношку парабью!
Вярабейка скача,
Дай па ножцы плача!

8. Мядзьвѣдзикъ.

Сядзиць мядзьвѣдзикъ на калодзи,
Дай ў дудачку й грае.

Забну о... абъ ламаку,
А калоду лае!

9. Утачки-Лебъёдачки.

Утачка сѣра,
Лебъёдачка бѣла!
Запляцйся, плецёнушка,
заплядися!
Шаўкавая травушка, явися,
явися!

10. Галубецъ.

Ой хто выскача, галубца,
Той будзя малайца!
Шоў мужыкъ багаты,
Найшеў чэрапъ щарбаты,
А ў багатага мужыка
Шырокая барада!..
Ишла баба па грыбы,
А дзѣтъ па апенки!
Дзѣдавы ў лѣси пасьпѣли,
А бабины сырэньки!

Къ напечатаннымъ раньше припѣвкамъ („Ж. Ст.", 1893 г., II) прибавлю еще нѣсколько записей. Особенность ниже помѣщаемыхъ припѣвокъ заключается главныхъ образомъ въ томъ, что онѣ пріурочиваются почти исключительно къ мѣстнымъ играмъ, центромъ которыхъ является время жатвы; вслѣдствіе этого онѣ во многихъ отношеніяхъ примыкаютъ къ пѣснямъ жатвеннымъ. Запись №№ 1—6, 42, 43 сдѣлана въ Дубицкой волости Рѣчицкаго уѣзда; №№ 6, 7 записаны въ Бродецкой волости, Игуменскаго уѣзда, а №№ 8—42 въ с. Никольскѣ Ново-Серженской вол. Минскаго уѣзда, съ 44 по 54 въ д. Ней-нртовѣ той же вол. и уѣзда, № 54 въ с. Мухоѣдахъ Дернавичской вол. Рѣчицкаго уѣзда.

1.

Церазъ гору кацилася
Жанихами хвалилася:
Каму адзинъ, а мнѣ два,
Чарнявые абадва.

2.

Била жана мужа,
Къ лаўцы прывязаўшы,
А ёнъ яе пяратрасну,
Шапачку изняўшы.

3.

Пыталася мацп сына;
— Ци хараша твоя дзяўчына?
— Табѣшъ, маци, ня путаци,
Што наитуя, трэба даци:
Ой, ци рупъ, ци палтѣну
За харошую дзяўчыну.

4.

Бў у мине варавейка,
Завэў сабѣ гнѣздичка,
Изьнесъ сабѣ яечка.
Сядзиць дзень, сядзиць два,
А на трэцій — лупиць, лупиць,
А чарку гарэлки трэбя вупиць, вупиць!

5. Грыцъ.

Плачэ, Грыцу (2),
Дай на дворэ стоя.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай ў сѣни упусьцила;
Цыцъ, Грыцу, цыцъ! *)
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай ў хату хочэ.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай ў хату упусьцила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Верэникаў хочэ.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай верэникаў наварыла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай на лаўку хочэ,
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай на лаўку пусьцила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Да на чэрэво хочэ.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай на чэрэво пустила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Што дзиры не бачыць.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Да ў дзиру усадзила.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго четырехстишія.

7.

Ой, мой милы Пракопаньку,
Прыѣдзь ка мнѣ на кипаньку,
Дай ня забудзь рубля ўзяць —
Адзинъ снапокъ привязаць!

8.

Охъ, ты сынъ, ты атцўоски сынъ!
Ты ня знаяшъ, какая я была —
Усяму гораду — красавица была!
Асталася ў пярынушкѣ бясъ милага,
Адной мнѣ й пасьцель халадна:
Закацилися адзѣялушки ў нагахъ,
Закруцились слёзаньки ў глазахъ!

8.

Ўчора, ўчора зъ вячора
Мине сьвекаръ биў,
Самъ сабѣ гаварыў:
Ой, добра чужая дзиця бицъ,
Чужая дзиця ня'дбиваяцца,
А ўсе сьлёсками абливаяцца.

9.

У майго сьвякратки хлѣба надастатки,
У моя матки хлипъ слатки;
Салубмку таўкуцъ и алатки пякуцъ,
Мякинку смажацъ, и алатки мяжуцъ.

10.

За мине, дзяўке, за мине,
У мине дабра многа:
Торба жыта зашыта,
Цѣўка муки набита,
Адно зернышка ў квасѣ —
И тое разгулялася,
На весельля спадзявалася!

11.

Дудзя, дудзя — вясельля будзя —
Торбачка зъ мяшочкамъ-жаницца будзя.

12.

Пячайка пячэ,
Свиньня хвистъ вялачэ,
Крыкъ — зыкъ —
У с... ватяни языкъ.

13.

Ѣхаў Тялимонъ на кабыли вараной;
И калеса новыя, и калѣни голыя!

14.

Ишоў Тодаръ съ Тадораю,
Нашли лапаць, зъ абораю.
Охъ! ты Тодаръ, я-Тадора,
Табѣ лапаць — мнѣ абора,
Табѣ лапаць абувацца,
Мнѣ абора — засцягацца.

15.

— Чаго баба надулася,
Чаму ў кажухъ ня убралася?
— Капъ у цибе быў такъ духъ,
Якъ у мине есьцъ кажухъ!

16.

Абулася баба ў чабатэ,
Дай на вулицу вышла!
Усѣ людзи дзивуюца, —
Што баба вялики зухъ,

17.

Ишла баба хвойничкомъ,
Зачапилась аплячкомъ!
Баба ў крыкъ, баба ў зыкъ:
Адчапися, мой апликъ!

18.

Ой, ишоў я зъ вячарынки,
Сярадъ цёмнай начынки:
Сядзицъ жаба на изпини,
Вытращыўшы вочы,
Я на яе: шля! шля! —
Яна й присѣла,
Капъ ня ўзяў я ў руки кія,
Янапъ мине можна зъѣла!

19.

Скароджу барануя —
Залетами курку рабую.
Преиходзиль свинапасъ: —
— Пазычъ курки на часъ!
— Ни пазычу, ни прадамъ,

Да схаваю къ калядамъ,
Каляды сьвяты дзень,
Буду гуляць внзь дзень!

20.

Якъ жя мнѣ на пиць,
Якъ жа мнѣ вяселуй ни быць!
Чатыри аруць, пьяць барануюць,
На мине маладую гура гарюють!

21.

Упилася я — ни за вашы:
Мая курка знеслася,
Я за ячка упилася!

22.

Грай, мызыка, кали граяшъ,
Кали добру жонку маяшъ!
Мая жонка — высока,
Твая слѣпа, касавока.

23.

Грай, музыка, на басу, —
Спячэ маци каўбасу —
Я Антосю занясу.
Я Антося любила—
И спадницу загубила!

24.

Грай, музыка, на параду,
А я у матки штанэ украду,
Низдзѣ дзѣну —табѣ дамъ,
Капъ ты хораша заграў!

25.

Гянна, хадземъ, валуомъ дайма!
Пакуль валэ падъядуць —
Сами пагуляйма!

26.

Пашла Гандзя жыта жаць —
Забылася сярпа ўзяць,
Серпъ ўзяла—хлѣпъ забыла,
Таки Гандзя дома была.

27.

Пашла Настуля па пятрушку
У чирвонумъ кажушку;
Янка Настули ни пазнаў,
Пярдъ ею шапку зьняў.

28.

Ишли дзяўкэ лѣсамъ, лѣсамъ, —
Гаварыли зъ чортамъ лысымъ :
Ишли хлопцы борамъ, борамъ, —
Гаварыли зъ паномъ Богамъ.
Ишли дзяўкэ крыница, —
Пили смалу дайницаю;
Ишли хлопцы мяжою, —
Пили мьётъ дзяжою.

29.

Табы, табы—дзѣўкамъ жабы,
Тыры, тыры — хлопцамъ сыры!

30.

На балоци ярѣшына —
Поўни дзѣвакъ навѣшана;
Хлопцаў — пяць, пяць, —
Усѣ ў золацѣ — спяць, спяць!

31.

На балоци — карыта,
Поўни вады налиты:
Хлопцы ноги мыли,
Дзяўкэ воду пили.

32.

Якъ у насъ — такъ й у васъ —
На гарэ крапиўка,
Па три грошы — кавалеръ,
А па грошу дзѣўка!

33.

Ой, дзяўчата, ня бажата,
Дзѣ вашъ разумъ дзѣўся?
— У сыбаки, каля с...
Ў каўдэкъ извиўся!

34.

Ой, на градзѣ я капусту садзила, —

Да ня даў мнѣ Буохъ,
Каго я любила;
Да даў мнѣ Буохъ,
Каго я ня знала!
Да за тыя пяраборы,
Што пярабирала!

35.

Ой Буохъ тому дай,
Хто паненку ўзяў —
А я ўзяў ўдаву —
Дурыць маю галаву!

36.

Ци я мужу ни жана,
Ци я ў доми ни хадзяйка?
Тры дни ў печы ни палила,
А на печы жарка!

37.

Ой, ў гародзи на градзѣ тры капьны бобу,
Да хто замушъ ўзяў, капьня выбыу году,
У гародзи на градзѣ тры капьны маку
Да ныхто мине возьмя, той будзя багаты!

38

Ой чыкъ чумачокъ, —
На прыпячку грэчка!
Мужыкъ бабу камячыў, —
Думаў, што авэчкя!

39.

— Не би, не би, тата, мамы,
Не раби насъ сиратами!
— Забью, забью, закатзю,
Вазьму сабѣ маладзю!
— Ахъ, ты, тата, зъ барадою,
Prападай ты зъ маладою!
— А на чорты мнѣ малодша,
Кали эта хароша!

40.

Жыдзя, жыдзя, чортъ ѣдзя
У чырвонымъ капелюшэ—па твоя душэ!
Гдзѣ сьвиньни рыли —
Тамъ жыда мыли,
Гдзѣ сьвиньни драли, —
Тамъ жыда хавали!

41.

Вотъ и пьшенцѣ канецъ—
Пашла сьвинушка ў танецъ,
А за ею парася, —
Вотъ и пѣсянька ўся!

42.

Рѣдзьку саджу, рѣдзьку паливаю, —
Расьци, расьци, рѣдзька вяликая,
На зиму схаваю.
Я ня буду рѣдзьки ѣсьци,
Кажуць людзи — горка;
Я ня буду жаницися;
Будзе бици жонка!

43.

У саломи ляжу,
На хлопцаў гляжу,
И киваю и маргаю,
Къ сабѣ хлопцаў прызываю.

44.

Кацицца, кацицца зорачка зь неба —
Хочацца, хочацца бѣлага хлѣба!
Хоць бы я маладзенька чуорны хлѣпъ ѣла,
Абы я, маладзенька, журбы ня мѣла!
На штошъ ты мине за сына брала,
Кали ты мине не любила?

45.

Ой, на дварѣ мяцёлка мяце,
Красна дзявица па воду идзе
И бычка вядзе.
Бычочакъ упинаяцца,
Хлопяцъ зь его замянаяцца.

46.

У агародзи дай расадушка расьце!
Парадзила мине матушка тонку—высоку
Чарнабрыву да харошу!
За мною да папэ да дзякэ, —
Нельга й ў церкаў пайци:
Яны ўсе сьмеюцца, на мине прызираюцца!

47.

— Куды мине, милы, павядзешъ

Гэтаку маладзеньку?
— На папаву санажаць, —
Траву зяляненьку:
Тамъ трава и вада —
Харошая паша
Жджёця, хлопца, до восяни,
Ту я буду ваша!
Куды хочашъ — вядзи,
То я ни баюся;
Гарэлки ня пила, —
Ту ня паралюся!

48.

Ой чабўоръ, чабўоръ да зь лябядою!
Въ цибе, дзяцинка, крывыя ноги!
Дайця мылицы (?) апирацися, —
Пайду съ хлопцами замецацыся!...
Ой, новы гарщакъ стаиць изъ вадою,—
Прападай ты, стары, зъ барадою!
Да новы гарщакъ за варотами, —
Прападай ты зъ абалтами!

49.

Дзяўчыночка, ого-го!
Прыми мине голаго:
Я кашульки ня маю
И жанициса думаю!
А я цибе-пъ прыняла
И кашульку—пъ дала!
А якъ ты ўцячешъ
И кашульку забярэшъ?

50.

— Пусьци, пусьци, падалянка, на печъ!
— Ня пущу — ня падобная рэчъ,
Ня пущу — матки баюся,
Пайду у матки папытаюся!
— Пусьци, пусьци на часиначку,
Пагрэць жывацыночку!

51.

Ня знаяшъ, матка, хто у мине быў?
Да быў у мине папоў сынъ!
Да я дўрна была — яму ганьбу дала.
Япъ за нимъ панавала:
Енъ бы торбы намў,ёнъ бы хлѣбя прянў!
А япъ яму падавала, сабаками заскавала,

52.

— Да чыя гэта дзѣвачка!
— Папова!
У ягародзи маркоўку палола,
Маркоўку — пастарнакъ,
Да усадзила ножачку ў буракъ!
Да пайдзеця па мельничка—дварочка,
Няхай вымя ножачку зъ бурачка!

53.

На вясельли была, на палу днавала
Памаленьку скачу—бу я ѣсьци хачу:
Капъ я ѣсьци ни хацѣла,
Ту пъ я вышай падляцѣла!

54.

Калипъ мая цеща ня умерла, —
Яна пъ мнѣ торбачку грошай протерла:
Ой, зяцю, мой зяцю, харошы,
Отъ тоби ў торбоццы грошы!

М. Довнаръ-Запольскій.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года

студента IV-го курса Ист.-Филологич. Факультета С.-Петербургскаго Университета

А. Погодина.

Лѣтомъ 1893 года, по предложенію профессора Владиміра Ивановича Ламанскаго я былъ посланъ С.-Петерб. Университетомъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ Ковенскую губернію для изученія живого литовскаго языка.

Прежде всего я проѣхалъ въ Тельшевскій уѣздъ, гдѣ поселился у г. Ложинскаго,

къ которому у меня было рекомендательное письмо. Онъ всячески старался оказывать мнѣ содѣйствіе, причемъ особенно удачно было для меня то, что какъ разъ въ это время у него строился домъ, такъ что я имѣлъ возможность слышать отъ рабочихъ всѣ оттѣнки мѣстнаго говора. Говоръ этотъ, образцы котораго я представляю подъ заглавіемъ *Образцовъ жоранскаго говора*, является однимъ изъ самыхъ трудныхъ для начинающаго: не говоря уже о томъ, что въ этомъ говорѣ краткія *ĭ* и *ŭ* произносятся почти какъ ĕ и ŏ, отчего происходитъ смѣшеніе многихъ словъ, въ этомъ говорѣ множество словъ латышскаго происхожденія, незнакомыхъ изучавшему только письменный литовскій языкъ.

Не смотря на трудность этого говора, благопріятныя условія, въ которыхъ я находился, дали мнѣ возможность недѣли черезъ двѣ настолько освоиться съ литовскимъ языкомъ, что я рѣшился предпринять, въ сопровожденіи г. Ложинскаго, путешествіе по Тельшевскому и Россіенскому уѣздамъ, чтобы, насколько удастся, присмотрѣться къ быту жмудиновъ и собрать по нѣскольку образцовъ всякаго говора.

Я обошелъ и объѣхалъ кругъ верстъ въ 150, имѣлъ возможность наблюдать четыре говора и узнать обыденную жизнь и интересы крестьянъ.

Вернувшись изъ путешествія, я проѣхалъ къ городу Россіенамъ, гдѣ поселился у мѣстнаго помѣщика С. И. Довойна-Сильвестровича, которому считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность.

Въ Довойновѣ я занимался, главнымъ образомъ, переводомъ «Свадебныхъ обрядовъ Велёнскихъ литовцевъ» Юшкевича, памятника этнографической литературы, занимающаго, вмѣстѣ съ сочиненіями Довконта и Волончевскаго, исключительное мѣсто въ литовской письменности по богатству этнографическихъ свѣдѣній. Для этого перевода мнѣ пришлось съѣздить и въ самыя Велёны, чтобы узнать значеніе многихъ устарѣвшихъ или мѣстно—Велёнскихъ словъ; тамъ мнѣ посчастливилось, въ лицѣ органиста Велёнскаго костела И. А. Куметиса, найти большаго любителя и знатока литовскаго языка. Его помощью я воспользовался въ значительной степени, о чемъ вспоминаю здѣсь съ благодарностью.

Изъ Велёнъ я проѣхалъ въ имѣніе гр. Тышкевичей—«Ландварово», такъ какъ мнѣ хотѣлось познакомиться и съ чисто литовскимъ говоромъ, но вслѣдствіе того, что мой отпускъ простирался только на Ковенскую губ., мнѣ пришлось уѣхать изъ «Ландварово» Виленской губ., раньше, чѣмъ я предполагалъ. Вотъ, такъ сказать, общій планъ моей поѣздки.

I.

Матеріалы для Атласа Литовско-Жмудской діалектологіи.

Какъ извѣстно, балтійскіе языки одни изъ самыхъ богатыхъ нарѣчіями; литовско-жмудскій, кажется, еще богаче въ этомъ отношеніи, чѣмъ латышскій; поэтому составленіемъ атласа литовско-жмудской діалектологіи, хотя бы по образцу атласа Биленштейна («Die Grenzen der Letten» Spb. 1892), можно было бы принести большую пользу какъ для философіи языкознанія, такъ и для изученія пра-литовскаго языка и доисторической жизни балтійскихъ племенъ, въ смыслѣ распредѣленія ихъ отдѣльныхъ племенъ.

Мнѣ хотѣлось бы представить здѣсь хотя небольшой матеріалъ для такого атласа.

Сокращеніе заглавій:

BF. A. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.

BG. A. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache. 1877.

Da. Литовскій катихизисъ Даукши. Spb. 1886. E. Вольтера.

ФМ. Литовскія пѣсни, собранныя Фортунатовымъ и Миллеромъ.

J. Литовскія пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ.

Jsvd. Литовскія свадебныя пѣсни, зап. Ант. Юшкевичемъ.
L.B. Litauische Volkslieder und Märchen, ges. von Leskien und Brugmann (LBB—пѣсни Бругм., LBL.—Лескина).
M. Mittheilungen des lit. liter. Gesellschaft.
PJ. Polangos Juze.
WEP. Вольтеръ. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди.
L. *Abl.* Leskien. Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen.
L. *Bild.* Leskien. Bildung der Nomina im Litauischen.
K. Gr. Kurschat. Grammatik der littauischen Sprache. Halle. 1877.
K.—*Kolberg.* Pieśni ludu litewskiego.
П. К. Памятная книжка Ковенской губ. на 1893 годъ.

I. Деревня Шилы Жоранскаго прихода Тельшевскаго уѣзда (образцы 1—10).

Границы этого говора я могъ замѣтить въ двухъ направленіяхъ: именно, на юго-востокъ отъ Шилъ она проходитъ около мѣстечка Ворнъ, а на западѣ около мѣстечка Тверъ, такъ какъ въ самихъ Тверахъ говоръ уже совсѣмъ иной; пограничной линіей на западѣ служитъ, насколько мнѣ извѣстно, большое трудно-проходимое болото.

Этотъ говоръ, который правильнѣе всего было бы назвать, Жоранскимъ, есть, по преимуществу, говоръ переходный: нѣтъ кажется ни одной формы, ни одной діалектической особенности, которая не встрѣчалась бы и въ какомъ-нибудь другомъ говорѣ, но въ совмѣстности всѣ эти особенности встрѣчаются только въ Жоранскомъ приходѣ; есть въ этомъ говорѣ даже немало общаго съ древне-прусскимъ и латышскимъ языками.

Прежде всего говоръ этотъ жмудскій, потому что всѣ жмудскія особенности (таковыми считаются, кажется: 3 л. на *a* вм. *o*: mat*a*, rad*a*; gen. sing основъ на *a* съ окончаніемъ *a* вм. *o*: vilk*a*; gen. sing. основъ на ā съ окончаніемъ *as* вм. *os*; произношеніе *ё* и *ů* не какъ ié, uo) здѣсь на лицо.

Постараюсь указать здѣсь другія особенности жоранскаго говора съ указаніемъ тождественныхъ особенностей другихъ говоровъ:

1) *ů* произносится здѣсь какъ *ou*, причемъ удареніе, если оно лежитъ на этомъ слогѣ, бываетъ, насколько я могъ замѣтить, только нисходящее, а не восходящее. Какъ извѣстно, это особенность діалекта Довконта, проведенная однако далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ: такъ въ «Исторіи Литвы» вмѣсто *ou* стоитъ вездѣ *ů*; но въ «Budas Sénowięs Lëtuwiu», гдѣ нарѣчіе вообще очень близко къ Шильскому, *ů* замѣняется черезъ *ou*: M. 10,6: szou, toumi, 7 kou, tou; B. S. 166 (по L. Bild, 233): souka. Довконтова *ou* изъ ǫ (*o* съ носовымъ произношеніемъ) M. 10,6: drousas, 238: roustas Шильскій говоръ не знаетъ: drǫsas, rǫstas.

Тоже произношеніе въ Кальваріи К. 13: sustouk.

2) ё произносится какъ *ej*; и эта особенность находится въ языкѣ Довконта; однако я замѣтилъ ее только въ «Исторіи», см. WEP. 126: weinos, deino, keimus; въ другомъ же его сочиненіи: «Budas sénowięs Lëtuwiu» вм. ё стоитъ ij: M. 10,238: wijni, dijna, brijdius, см. также PJ. 94: szwijsus. Древне-прусскій языкъ тоже на мѣстѣ литовскаго *ё* имѣетъ *ej* или, что, кажется, при др. пр. орѳографіи все равно, ay: braydis (=briedis), aysmis (=jiešmas). dejna, Deivas, leipe (leipe castrum. Ness. Thes. ling. prus. Berl 1876. p. 92 и 94), dejgi [или e: deus y Grunau, lepiten mons (Ness. p. 92), dena при формѣ deina (Ness p. 29), или у (i) dygi, lype, dineniskas-ежедневный Enchiridion. 23]

3) і произносится какъ е. Найти законъ этого употребленія очень трудно; иногда оно едва замѣтно, такъ что я въ образцахъ Жоранскаго говора, еще плохо говоря и различая литовскіе звуки, кажется, иногда записалъ *i* тамъ, гдѣ нужно было поставить *e*, какъ и *u* тамъ, гдѣ нужно было поставить *o*. Вообще произношеніе краткаго *i* во многихъ

мѣстахъ Литвы и Жмуди приближается къ *e*; въ Жоранскомъ говорѣ оно почти тождественно съ произношеніемъ *i* въ прусской Литвѣ. Такъ, Бецценбергеръ, изслѣдовавшій этотъ вопросъ, говоритъ слѣдующее (Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. t. VIII «Zur lit. Dialektforschung» стр. 122): «въ приходахъ: Прекульсъ, Давиленъ, Мемель, Кретингенъ *i* становится *ä* (письменное е), если только за нимъ не слѣдуетъ непосредственно группа согласныхъ, издревле начинающаяся съ *n* или *m* или если оно не защищено слѣдующимъ за нимъ звукомъ *i* или *e*, ослабленнымъ изъ *a* или *u*»; см. его же Lit Forschungen. № 50, kalden, penke, vainek, kret, № 59: aukšte, balte zieda; тоже въ Швекшнянскомъ говорѣ: Da 167 стр.: sene (=seni), nešte (=nešti), «gėrnas (=girnas), waden (=wadin) etc.; для годлевскаго нарѣчія см. LB. стр. 86: «знакъ *i* въ tiko, lindo etc. для звука близко подходящаго къ е». Въ древне-прусск. рядомъ betten-*e*d*e*n, и bitas-*i*d*i*n. (Nes 18).

4) *u* произносится какъ *o*, насколько я могъ замѣтить, согласно съ закономъ, выведеннымъ Бецценбергеромъ (Beit. VIII, 106—107): «въ тѣхъ же приходахъ (см. 3) *u* подъ удареніемъ становится *å*, если только за нимъ не слѣдуетъ и дал.,» тѣже случаи, какъ и относительно *i*, и шире его, какъ въ Мемелѣ. M. 5,262.

Туже особенность можно отмѣтить въ древне-прусскомъ языкѣ (вѣроятно въ одномъ изъ говоровъ его): possis, botte, kopte рядомъ съ kupte (Ness 78), konagis (=konegas Жоранскаго нарѣчія) colm и culm (Ness 77); отсюда, можетъ быть, можно объяснить и др.— прус. ape въ сравненіи съ Жоранскимъ ope; см. BF. № 67: bỳego pėle. См. К. 12: dovanoso. Обѣ эти особенности (*e* изъ *i*, *o* изъ *u*) свойственны языку Довконта: M 10,6: tarema, augomo widotinio, sò wissò; первая также языку Волончевскаго: PJ. 94: dwilektas.

Даже въ дифтонгахъ *uj* (=*u*: mujłas-мыло, smuikas-смыкъ) и *au* *u* произносится какъ *o*: такъ, я слышалъ: moiłas, bučiao; см. M. 5,262.

5) *am*, *an* переходятъ также, какъ въ Шадовскомъ діалектѣ M. 10,257 въ *um*, *un* или же въ *om*, *on*; въ Вилькомирскомъ уѣздѣ (Гуковскій. Описаніе этого уѣзда 1891. стр. 9) въ *um*, *un*; въ Пушолатахъ: J. 1,4: unt, 2,6: untra; 2,7: łonkele. Въ древне-прусскомъ было это явленіе также, какъ видно хоть бы изъ слова *brunse* въ соотвѣтствіи съ лит. brujše (=*branše, какъ pujkus изъ pankus—польс. pęknу), kujsis изъ kansis J. 246.

6) *aj*, *oj*, *ej* становятся *ā*, *o*, *e*: sugavá (=sugaváj) 1, bová (=buváj, но bòva=bùvo) 5, tamsta (=tamstaj). 2, visokiās spasabās (=visokiajs spasabajs). 2, pirštas (=pirštajs). 3, но wajkščioji. 8, perla (=perlaj. Nom. pl). 6; ryto (=rytoj). 2; velne (Nom. pl.). 2, eje (=ejej) 5, prisejede (=prisejédej) 1; ej=ja: (=e) rek (=rejk), greta (=grejtaj), dejna praledus (=dienaj pralejdus); kap-tap, ponati etc. см. Bez. ibd. 138.

7) *ē* склонно переходить въ *a*, особенно въ началѣ словъ, однако иногда и въ срединѣ (см. dur*a*les. 5. ср. К. 27: m*a*delu); agle вм. egle (срав. pr. addle, gabavo изъ gēbavo=цсл. жаба изъ гѣба=gēba, alkskande lit. elksnis); na=ne. varksma (=verksma). 1.

8) *ė* въ концѣ словъ произносится такъ, что его трудно отличить отъ *i*, иногда же ясно слышится *i*; см. egli=eglę (Acc. Sing). 1, pradeji (=pradeje). 2, brongis (=brongés=brongios). 6, vajkščioji (=vajkščioje) 8, unt keli (unt kele=unt kelio). 8, arkli (=arkle Gen Sing,). 9, см. Da: 167.

9) Отсутствіе іотаціи: paukšte, douso.

10) Присутствіе носовыхъ въ Gen. Pl., въ причастіяхъ: atvaren, pribegen etc, въ Loc. Pl.: Lalūnse, ažerūnse.

11) Выпаденіе *v* въ словахъ: nakoute, tora.

Образцы склоненія (для всего слѣдующаго см. статью Яунпса П. К. 1893).

	Основы на a.		на ā.		
Sing. N.	Dejvas arklis		ronka	aš.	tu.
G.	dejva arkle (=arkli)		ronkas (и ronkos)	monis	taves. saves
D.	Dejvou arkliou		ronka	mon	tau
Ac.	dejva arkli		ronka	muni	
Abl.	dejvo (=dejvu) arklio (=arkliu)		ronkō (=ronku)	monimi	
Loc.	dejve arkle		ronkō	monij	
Dual. N. Ac.	dejvo (=u)	arklio	ronke (=ronki)		
Plur. N.	dejve (=dejvi)	arkle	ronkas		
G.	dejvun	arkliun	ronkun		
D.	dejvams	arkliams	ronkoms		
Ac.	dejvus	arklius	ronkas		
Abl.	dejvas	arklias	ronkoms		
Loc.	dejvunse	arkliunse	ronkose		

tas. Nom. dual. todo (=tudu). Третій—tretinsis.

Спряженіе.

Praesens.	matau	toro	sovo (шью см. P. J. 14. siuo).
	matá	tori	
	máta	tor	
	matam	toriam	na-b-jam.
	matat	toriat	
Aor.	mačiau	prisejdežiau	
	mate	prisejede	
	ma'ė	prijajė	
	matėm		
	matėt		
Fut.	douso		
	dousi		
	dous		
	dousma		
	dousta		
Opt.	dončio. ср. ФМ. № 23, Kolb: № 29		
	butumej		
	butum		
Imper.	i. ak, akiam.		

II.

Уже въ м. Тверахъ въ 9 верстахъ отъ д. Шилъ говоръ мѣняется; прежде всего произношеніе *ů* и *ie* какъ *ou* и *ej* исчезаетъ и появляется произношеніе *u* и *ĭ*. Границы этого последняго произношенія, насколько мнѣ привелось ихъ замѣтить, таковы: на моемъ маршрутѣ; Тверы 16 в. Лаукова 19 в.—Хвейданы 30 в.—Вевержены она проходитъ между Хвейданами и Веверженами, однако, раньше-ли или послѣ м. Андреявы я замѣтить не могъ; затѣмъ, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъ Ворнъ въ Колтыняны (по направленію къ г. Россіенамъ), то за Ворнами уже появляется произношеніе *ů* и *ie*, какъ *ū* и *i*, которое доходитъ и до Россіенъ; далѣе, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъ Россіенъ въ Юрбургъ, то границей этого произношенія служитъ маленькая рѣчка Шалтона, за которой

говорятъ уже *uo* и *ie*. Внутри этого у-кающаго говора, признакомъ котораго служитъ, между прочимъ, произношеніе *ŭ* какъ *u*, а не *ŏ*, можно отмѣтить также нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ мнѣ привелось слышать два: Россіенскій, признакомъ котораго служитъ окончаніе Dat. pl. основъ на ā—*ums* (вм. *oms*) и *ims* (вм. *ems*), K. G. § 605. см. LBL. III: jurims marelims, которое указываетъ, кажется, на окончаніе *ūms* и *iems* въ этомъ говорѣ, однако Тельшевская форма, приведенная Куршатомъ, противорѣчитъ этому, если только не является здѣсь образованіемъ по аналогіи съ основами на *i*; другой говоръ этого произношенія, который я имѣлъ случай наблюдать въ м. Лауковѣ и Хвейданахъ (также отчасти въ м. Тверахъ) отличается нѣкоторыми особенностями, роднящими его съ сосѣднимъ Жоранскимъ говоромъ, какъ въ фонетическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ. Къ числу фонетическихъ принадлежатъ: 1) переходъ *an* въ *un* и въ *on*; 2) переходъ (довольно частый, хотя далеко не всегда) *aj*, *ej* въ *a*, *e*: žale dvara (=žalej dvaraj), aukšta (=aukštaj), pamulate (=pamulajte) paleste и т. д.; 3) произношеніе *i* какъ *ĕ*: užaugena, kliste, dukes, 4) широкое произношеніе ē: na, tatuši, wisidage, āsu (=ejsiu); 5) присутствіе носовыхъ: terp lunkun, rugiun, tryns, auksunse, 6) отсутствіе йотаціи: turu, dusu, 7) рѣдко встрѣчающееся, хотя все же до извѣстной степени существующее произношеніе *ŭ* какъ *ŏ*: ṡubadytom, bovo, doje (=duje, двое); изъ морфологическихъ особенностей можно отмѣтить окончаніе 3 лица *a* вм. *o*, хотя форма bovo (=buvo) указываетъ на присутствіе и другаго окончанія; gen. pl. основъ на ā имѣетъ или os (какъ я замѣтилъ въ Лауковѣ, гдѣ отъ разсказчицы сказки, старушки болѣе 80 лѣтъ, слышалъ только окончаніе *os*) или as (въ Хвейданахъ разказчица,—молоденькая швея, употребляла только окончаніе ās), см. BG. 129; въ Хвейданахъ же я слышалъ интересную форму Gen. Sing. основъ на *u-ous* вм. *aus*: medous, žmogous, но и žmogaus; кромѣ того, нужно отмѣтить особую приставку къ окончанію будущаго времени: asut (=ejsiu), vysut (vysiu).

III.

По дорогѣ изъ Хвейданъ въ Вевержены говоръ мѣняется и опять приближается къ Жоранскому такъ же, какъ и дальнѣйшій кульскій, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ Жоранахъ *t* и *d* смягчаются въ dž и č, въ Веверженахъ въ *c* и *dz* (N. jautis. G. jaute. D. jaucou. Ac. jauti, Abl. jaucu. Loc. jauce. Nom. Pl. jauce G. jauciu. Abl. jautas; iš medziu); въ Кулахъ смягченія нѣтъ вовсе.

IV.

За Россіенами по дорогѣ въ Юрбургъ за р. Шалтоной начинается новый говоръ съ произношеніемъ *ů* и *ie*, какъ *uo* и *ie*, говоръ вообще по своей фонетикѣ и морфологіи не отличающійся отъ письменно-литовскаго, за исключеніемъ Жмудскаго окончанія 3 л. на *a* вм. *o* (mata, buva) и окончанія Dat. Pl. основъ на ā-ims и ums: напр. pospésma su ožkums ant turgaus; см. сборникъ Іосифа Мицкевича, № 23, принадлежащій Императорскому Географическому обществу: № 81: graudziums ažarelims verksiu; № 83: vinims.

(*Образцы говоровъ въ слѣдующемъ выпускѣ*).

О происхожденіи названія г. Пскова.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за августъ 1887 года помѣщенъ переводъ статьи Прейса изъ «Inland» за 1839 № 13 относительно названія г. Пскова (эст. Pihkwa). Г. Прейсъ, разбирая происхожденіе слова Псковъ, приходитъ къ тому заключенію, что оно происходитъ отъ слова «песокъ». Это производство, по моему мнѣнію, невѣрно. Названіе г. Пскова чудскаго происхожденія и именно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Уже а priori представляется довольно страннымъ то обстоятельство, что на столь обширномъ пространствѣ, какъ Россія, лишь одна мѣстность получила названіе отъ слова песокъ съ необъяснимымъ изъ русскаго языка окончаніемъ «ва», «вица» (рѣка Пскова, Псковица), «въ». Есть дѣйствительно масса чисто русскихъ названій населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей, которыя безспорно именуются отъ песковъ, но при этомъ у всѣхъ такихъ названій отсутствуетъ вышеуказанное окончаніе. Такъ напр., возьмемъ какое либо изъ ближайшихъ ко Пскову мѣстныхъ названій. Въ одномъ Псковскомъ уѣздѣ насчитывается 4 деревни съ названіемъ «Пески», двѣ — «Песокъ», одно село—«Пески», двѣ пустоши—«Песчанникъ»; всѣ эти названія несомнѣнно происходятъ отъ слова «песокъ».

Исходнымъ пунктомъ моего предположенія о финскомъ происхожденіи названія Пскова служитъ прежде всего то обстоятельство, что пространство на востокъ отъ Чудскаго оз. и р. Великой было населено первоначально, до пришествія славянъ, финскими племенами, къ каковому убѣжденію привело меня изученіе древнихъ мѣстныхъ названій на томъ пространствѣ. Слѣдовательно нужно предполагать, что и названіе «Псковъ» также финскаго происхожденія. Для подтвержденія этого я приведу здѣсь только древнее названіе р. Великой, которая въ древности именовалось «Mudawa» (т. е. мутная вода; окончаніе «ва» нынѣ сохранилось у Зырянъ и Вотяковъ въ значеніи воды). Нѣмецкіе писатели еще въ XIV—XVI вв. именуютъ ее «Muda (Вартбергъ въ XIV в.). Въ настоящее время у псковскихъ полувѣрцевъ, народа финскаго происхожденія, населяющихъ Псково-Печерскій край въ количествѣ около 12 тысячъ, р. Великая носитъ названіе Suur Jmajogi (Великая Мать-рѣка), Suur Jma (Великая Мать), Jma jogi (Мать-рѣка). Такъ обыкновенно величались и у Прибалтійскихъ Эстовъ болѣе значительныя рѣки. Въ соотвѣтствіе этому названію, Великой,—рѣка, берущая начало у Изборска-Jzajõgi (см. карту Лотера), т. е. Отецъ—рѣка.

Одного корня съ названіемъ Пскова должны быть названія: р. *Пскова*, текущая на пространствѣ около 50 в. съ сѣверо-востока и впадающаа при г. Псковѣ въ р. Великую; затѣмъ рѣчка *Псковица*, впадающая въ Пскову, а названіе деревни *Писковичи*, при р. Великой, въ 8 верстахъ отъ Пскова.

Такъ какъ названія ненаселенныхъ, природою устроенныхъ, мѣстностей нужно считать древнѣе названій мѣстъ сдѣланныхъ человѣческими руками, то приходится признать, что названіе рѣки Псковы древнѣе названія г. Пскова и что первое названіе послужило основаніемъ ко второму.

Возникаетъ однако сомнѣніе, какимъ образомъ слово Псковъ или Пскова можетъ быть эстонскаго происхожденія, такъ какъ у эстовъ вмѣсто Псковъ произносится Pihkwa. Г. Прейсъ высказываетъ предположеніе, что знатоки эстонскаго языка найдутъ причину того, почему «русское» *c* въ словѣ Pihkwa перешло въ *h*. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно звукъ *c* перешелъ въ звукъ *h*, но не русское *c*, а финское. Эти два звука, какъ извѣстно, играютъ большую роль при различеніи разныхъ нарѣчій фин-

скаго языка или финскихъ народностей. Звукъ s служитъ между прочимъ отличительнымъ признакомъ языковъ вотскаго, ливскаго, мордовскаго, черемисскаго, а въ нарѣчіяхъ сѣверо-западныхъ, а въ томъ числѣ и эстонскихъ, на его мѣсто выступаетъ звукъ h. Слѣдовательно, если слово Псковъ (а) финскаго происхожденія, то оно должно быть заимствовано русскими у одного изъ вышеозначенныхъ народцевъ сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, включая сюда и Ливовъ. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Шелонской и Деревской пятинъ, которыя по сравненію мѣстныхъ названій были въ доисторическія времена населены народностями сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ названіяхъ звукъ *с*, *ш* тамъ, гдѣ у другихъ h. Напр. Пискуница, Пышкова, Росковякино (Шелонск. пятина), Вышма, Вшера, Веска, Москово, оз. Писковно (Деревск. пятина). Вообще въ Псковскихъ предѣлахъ преобладаютъ слова, сохранившія звукъ с, какъ отличительный признакъ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народностей. Кромѣ названія деревни Писковичи можно еще указать названія деревень Пискони (Изб. вол.), Пискунова (Мелех. вол.), Куева (Логоз. вол.—ср. въ Лифляндіи Кохова), въ Гдовскомъ у. Москва, Писва (ср. дер. Песива на противоположномъ берегу Чудскаго озера).

Корнемъ слова Пскова (Псковъ) слѣдуетъ признать pihk (или pisk). Онъ сохранился кромѣ эстонскаго названія Pihkwa, еще въ вышеупомянутыхъ названіяхъ Писковичи, оз. Писковно. По фински pihka, эстл. pihk, лив. piska—смола. Если къ этому слову присоединить обычное финское окончаніе названій рѣкъ на wa, то Пскова, Псковица или первоначально Piska-wa будетъ значить буквально «смолистая вода». Ливы и восточные народцы финскаго племени должны были назвать рѣку, впадающую при г. Псковѣ въ Великую, Piskawa, сокращ. Piskwa. Нынѣшніе русскіе обитатели Псковскихъ предѣловъ заимствовали слѣдовательно это названіе отъ народа, находившагося въ близкомъ родствѣ съ Ливами и Водью. Можетъ быть такимъ народомъ были предки Эстовъ, говорящихъ нынѣ на восточномъ нарѣчіи въ сѣверо-восточной части Лифляндской губ.—такъ наз. полувѣрцевъ (setukejed) Псково-Печерскаго края. Нарѣчіе это близко подходитъ къ группѣ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народовъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Изъ заимствованія Славянами названія рѣки, а можетъ быть и города Пскова отъ предковъ нынѣшнихъ Эстовъ именно въ этой формѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что совмѣстная жизнь Славянъ и Чюди за Пейпусомъ и при р. Великой не была продолжительна, такъ что первые не успѣли познакомится съ языкомъ Чуди на столько, чтобы перевести названіе Pihkawa на собственный языкъ, какъ это дѣлается обыкновенно тамъ, гдѣ совмѣстная жизнь продолжительна и гдѣ взаимныя сношенія и соприкосновенія устанавливаются постепенно; какъ это нагляднымъ образомъ можно замѣтить на пограничныхъ нынѣ пунктахъ Русскихъ и Эстовъ. Здѣсь почти всѣ названія переведены на русскій языкъ и такимъ образомъ почти каждая мѣстность имѣетъ двойное названіе: одно русское, а другое эстонское. Это явленіе совершалось и въ древности въ смежныхъ мѣстахъ продолжительной совмѣстной жизни Славянъ и Чюди. Какъ мнѣ кажется, слѣды перевода первичныхъ названій Pihka, Pihkawa на русскій языкъ можно бы усмотрѣть въ нѣкоторыхъ наименованіяхъ мѣстностей ближе къ лифляндской границѣ. Таковы въ Паѣкинской волости на юго-западъ отъ Пскова: оз. Смоленское; Смолины, погостъ при озерѣ; Смолины, деревня, Смолинка, рѣчка, впадающая въ Кудебъ; въ Изборской волости: Смолка, рѣчка, впадающая въ Городищенское озеро; въ Печерской вол. деревня Смолина гора (Смольникъ), при р. Метковкѣ, въ Паниковской вол. два отрѣза и одна пустошь Смоленецъ. Предположеніе, что эти названія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть ихъ, представляютъ переводы съ Чудскаго яз., основывается на томъ примѣрѣ, что въ восточной части Эстляндіи и отчасти въ западной части Псковской губ., гдѣ двѣ народности изстари живутъ совмѣстно или другъ подлѣ друга, большая часть мѣстностей имѣетъ два названія. Такой законъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ упомянутыхъ мною волостяхъ Псковской губерніи.

Что слово Псковъ (Пскова) чудскаго происхожденія, это подтверждается и другимъ русскимъ названіемъ Пскова, «Плесковъ». Прейсъ справедливо думаетъ, что Плесковъ не есть первоначальная форма, а вторичная, т. е. звукъ «л» не имѣетъ кореннаго происхожденія именно потому, какъ онъ утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ Эсты, познакомившись съ рѣкою или городомъ, подъ названіемъ Плесковъ, сообразно съ духомъ своего языка назвали бы его навѣрно Lihkwa, а по моему Lehkwa, Leskwa.

Но если Псковъ есть чисто русское названіе, то представляется довольно страннымъ, почему по отношенію къ этому слову не соблюдается строго законъ, свойственный извѣстной вѣтви славянскихъ нарѣчій, по которому послѣ звуковъ б, в, м—вставляется л, если за этими согласными слѣдуетъ ь или мягкій гласный звукъ. Не служитъ-ли здѣсь это нестрогое примѣненіе лингвистическаго закона подтвержденіемъ того, что это слово казалось Славянамъ не русскаго происхожденія, и они, на ряду съ передѣлкой его по законамъ собственной рѣчи, сохраняли его и въ первичной чистой не русской формѣ, которая наконецъ взяла перевѣсъ и сдѣлалась общеупотребительной.

Въ заключеніе своей статьи г. Прейсъ заявляетъ и по поводу новѣйшей формы *Опсковъ*, иногда употребляемой народомъ, что разъясненіе ея «потребовало бы пространныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологіи съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ»; но по моему это обстоятельство объясняется очень просто: г. Прейсу не было извѣстно, что по всему протяженію пограничной линіи между Эстами и Русскими названія плотно населенныхъ центровъ сплошь да рядомъ въ разговорномъ народномъ языкѣ употребляются на вопросъ: куда? такъ что эта форма остается при другихъ падежахъ этихъ названій. Поэтому названіе Опсковъ, Вапсковъ, ничто иное какъ то же слово съ присоединеніемъ впереди предлога «въ», «во».

Ю. Трусманъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ Венгріи мы находимъ названіе рѣки Piliske. (Пльска?) Такъ въ грам. короля Андрея II 1234 г. читаемъ—«per monticulum Holm dictum cadit in fluvium Piliske» Fejer, II, 3,409. (въ близости отъ р. Салы) и въ мѣстности со слав. названьями (см. Holm—monticulus). Далѣе въ старой Болгаріи на сѣв. отъ Преслава былъ городъ Плесковъ (Pliskova, Pliskuva см. у Льва Дьяк., Кедрина, Анны Комнинъ (см. Шафарика Slow. starož. II. § 3, 2 изд. str. 233). И древнѣйшая форма нашего Пскова могла быть Пльсковъ, и въ древнее еще время могла явиться и болѣе новая форма Пьсковъ. Начальное же *о* или *а* (въ ф. Опсковъ, Апсковъ) явилось не изъ предлога въ—во, а отъ стеченія согласныхъ, и отъ придыханія (*в*), какъ въ слов. оржаной, оржевскій вальготный... и пр. *Песокъ* же, собственно пѣсокъ (чеш. písek, польск. piasek серб. пиjесак), не имѣетъ ничего общаго со *Псковомъ*.

Прим. редактора.

Къ исторіи суевѣрій.

Въ «Актахъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Коммиссіею» (Тифлисъ 1870, т. IV, стр. 958—959, подъ № 146-мъ) помѣщенъ не безъинтересный для исторіи суевѣрія рапортъ Кавказскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Малинскаго генералу Ртищеву отъ 10 іюня 1811 г., № 242, слѣдующаго содержанія:

«Бывшій главный смотритель переселенцевъ Офросимовъ донесъ, съ приложеніемъ рапорта смотрителя Пашовкина, о принесенной сему послѣднему жалобѣ 13-ю престарѣлыми женщинами новозаводимаго изъ переселенцевъ сел. Ново-Александровскаго, на общество тамошнихъ жителей, что по случаю засухи въ полѣ отъ небытія нѣсколько времени дождей, по суевѣрію своему, собравши тѣхъ женщинъ и связавъ имъ руки, опускали

ихъ въ воду для того, что которыя изъ нихъ не потонули, тѣ признаны ими вѣдьмами, отъ колдовства коихъ не было дождя, и просятъ, за таковой съ ними поступокъ поступить съ тѣми крестьянами, какъ слѣдуетъ по закону, и запретить называть ихъ вѣдьмами. Къ сему помянутый смотритель присовокупляетъ, что староста за сіе смѣненъ и выбранъ другой и что ежели отдавать за сіе подъ судъ, то подсудимыхъ составится великое число, коихъ по теперешнему рабочему времени отлучать затруднительно. Относя таковой поступокъ сего общества къ невѣжеству и суевѣрію, я полагаю мнѣніемъ отрядить въ сіе селеніе Ставропольскаго уѣзднаго судью съ старшимъ дворянскимъ засѣдателемъ земскаго суда и стряпчимъ для немедленнаго изслѣдованія на мѣстѣ въ праздничный день, кто были зачинщики сего происшествія, коихъ не могло быть много, и кто предложилъ сію мысль обществу, и открывъ оныхъ, отослать въ совѣстный судъ къ суду, коему какъ о дѣйствіи уже открытомъ не можетъ случиться никакого затрудненія, рѣшить дѣло безъ малѣйшаго задержанія сихъ людей, на основаніи законовъ и по надлежащемъ утвержденіи выполнить приговоръ на мѣстѣ преступленія, дабы видѣвшіе оное и скорое потомъ послѣдовавшее взысканіе по законамъ, могли содержать въ свѣжей памяти, что сіе дѣло, соединенное съ опасностью жизни другихъ и законами неустановленное, есть худое, непозволенное, вредное и подвергающее дѣлающихъ оное стыду и неизбѣжному наказанію».

Сообщ. Е. Коз--скій.

Изъ области народныхъ вѣрованій

Къ ст. «Народныя вѣрованія въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи»

Весною текущаго года среди мѣстнаго населенія распространилась слѣдующая довольно характерная легенда. Въ одномъ селѣ на первой недѣлѣ великаго поста была у мѣстной молодежи вечеринка. Молодежь пѣла и плясала, забывъ о святости великаго поста. Въ самый разгаръ веселья въ комнату вошелъ невѣдомый странникъ и обратился съ строгимъ увѣщаніемъ къ веселившейся молодежи, но увѣщанія странника были встрѣчены насмѣшками и шутками. Одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ даже къ горѣвшей въ комнатѣ лампадѣ и закурилъ отъ нея папиросу. Тогда по мановенію старика всѣ бывшіе въ комнатѣ молодые люди неистово заплясали. Прошло нѣсколько времени; несчастные, не смотря на свое желаніе, никакъ не могли прекратить своей невольной пляски. Такъ прошло нѣсколько дней. Родные несчастныхъ обратились за помощію къ отцу Іоанну Кронштадтскому и послѣдній сказалъ имъ, что грѣшники будутъ плясать такъ до великаго четвертка, и только въ этотъ день Господь помилуетъ ихъ. И до сихъ поръ (легенда записана нами въ срединѣ Великаго поста) пляшутъ нечестивцы; отъ утомленія всѣ они почернѣли, но ни на минуту не прекращается ихъ неистовая пляска. Такъ Господь караетъ за кощунство и непочитаніе великаго поста.

А. Баловъ.

Аллитерація въ народномъ языкѣ.

Аллитераціей называется, какъ извѣстно, частое повтореніе нѣсколькихъ начальныхъ или конечныхъ слоговъ въ предложеніи. Чаще всего аллитерація имѣетъ своею цѣлью звукоподражаніе—въ данномъ случаѣ она называется ономатопеею. Если повторяются послѣдній слогъ извѣстнаго слова въ предложеніи, то такая аллитерація называется, обыкновенно ассонансомъ.

Ratcher. Ritter.
Ruztger Ritter.
Ich zürne nicht.
Ich zanke nicht(«Ундина» Фуке) примѣръ аллитераціи въ нѣмецкомъ языкѣ.

Эти строфы съ неподражаемой прелестью переведены на русскій языкъ Жуковскимъ. Звукоподражаніе въ переводѣ Жуковскаго доведено до высшей степени совершенства.

Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый рыцарь,
Не страшны волны мои, но люби ты,
как очи свои,

Я силенъ могучъ, я быстръ и гремучъ,
Молодую, рыцарь, жену, какъ живую
люблю я волну.

При искусномъ чтеніи строфы эти поразительно напоминаютъ журчаніе ручья, слова котораго и передаются въ приведенныхъ строфахъ.

Въ нашемъ народномъ языкѣ аллитерація, какъ средство къ звукоподражанію, встрѣчается преимущественно въ дѣтскихъ пѣсенкахъ. Приведемъ нѣсколько такихъ пѣсенокъ звукоподражательнаго характера:

1. Боммъ, боммъ!
Гдѣ братца Романа домъ?
Подъ мостомъ,
Подъ листомъ.

Въ этой пѣсенкѣ замѣтно подражаніе звуковое колокольному звону.

2. Съ вѣниками, съ вѣниками
Въ баню, въ баню...
Шелъ бы да не пустятъ
Шелъ бы да не пустятъ,
Шелуди попарить, попарить.

Въ пѣсенкѣ этой слышится отдаленное звуковое сходство съ краснымъ колокольнымъ звономъ «во вся».

3. Вилы грабли
Стогъ метали,
За собачкамъ бѣгали,
Колокольчикъ имали.

Звукоподражаніе мурлыканью кошки.

А. Баловъ.

Г. Пошехонье, Ярославской губ.

Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства.

Изъ числа матеріаловъ, собранныхъ пѣсенной экспедиціей 1893 года я позволю себѣ сообщить здѣсь нѣсколько народныхъ выраженій, относящихся къ пѣсенному искусству,—въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которые сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи 1886 года [1]).

Пѣсни по мѣстному произношенію въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской звучатъ, какъ *пісни*; пѣвцы или *пѣсенники* слывутъ подъ именемъ *пісельниковъ*. Слову *напѣвъ* среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соотвѣтствуютъ: *напѣвъ* же, *голосъ*, *проголоска* и *тонъ*, при чемъ послѣднее повидимому съ разными оттѣнками значенія. Такъ въ Вологодскомъ уѣздѣ говорятъ: «онъ *тонъ* знаетъ» въ смыслѣ:

[1]) См. «Пѣсни русскаго народа». Спб. 1894 г., стр. XVI—XVII.

хорошо помнитъ напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ выражаются: «*проглáску*-ту я знаю». *Тоны*—въ смыслѣ видоизмѣненій напѣвовъ: «разны *тоны напѣвовъ* бываютъ», говорили пѣвцы, когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выраженіе *въ тонъ* противуполагается выраженію *на пересказъ*; причеты намъ предлагали сообщать или *въ тонъ* или *на пересказъ*. Въ Костромской губерніи этому выраженію соотвѣтствуетъ: *въ голосянку*. Говорятъ также: «эта пѣсня тяжела *на голосá*» и «Коляды у насъ на одинъ *голосъ* поются», точно также, какъ и Кострюмскіе старообрядцы: «всѣ пѣсни у насъ на одинъ *голосъ*», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе *на пересказъ* не смѣшивается съ выраженіемъ: *гáвoромъ*: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно поется, говоромъ же произносятся стихи вовсе не предназначенные для пѣнія; это такъ называемая декламація.

Въ соотвѣтствіе къ *проглáскѣ* и *напѣву* удалось отмѣтить и самобытное названіе для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ сообщили, что «у каждаго пастуха свой особый *наигрышъ*», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ *напѣвъ*, для музыки *наигрышъ*.

Для обозначенія *медленнаго* напѣва служатъ слова *полóго*, *пополóже* (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: *отлого*, *поотложе*), говорятъ также: «*протяжнѣе*, не торопись». Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ *круто*: «*не круто* поется»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ плясовымъ напѣвомъ называются *крутыми*.

Въ большей части пѣсенъ извѣстные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выраженіемъ: *на проходъ*, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «*къ ряду поется*», какъ въ г. Никольскѣ. Любопытная особенность архангельскихъ и олонецкихъ пѣвцовъ, не понимающихъ, что такое *начало пѣсни* и что значитъ *спѣть пѣсню сначала*, сплошь примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову *начало* здѣсь соотвѣтствуютъ: *конецъ* или *край*: «*Съ конца* запѣвать?» или «опять *съ краю*?» спрашивали пѣвцы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «Не *съ конца* сказала», говоритъ пѣвица, пропустившая первые стихи; «*съ конца*-то не знаю», отнѣкивается пѣвецъ, позабывшій начало пѣсни. «*Съ краю*-то сдумалъ, конецъ-отъ забылъ», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «о двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Ѳ. Истоминъ.

По поводу холеры.

Записывая памятники народной словесности, въ числѣ прочихъ народныхъ пѣсенъ, употребительныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мы встрѣтили недавно между прочимъ одну пѣсню, составленную по поводу холеры, бывшей въ Москвѣ въ тысяча восемьсотъ тридцатомъ году. Приводимъ ниже эту пѣсню, записанную нами со словъ крестьянки Пошехонскагó уѣзда, Давыдковской волости, деревни Ежова, Марьи Васильевой, дѣвицы тридцати восьми лѣтъ.

Въ восемьсотъ тридцатый годъ
Потерпѣлъ въ Москвѣ народъ
Не отъ града, не отъ стужи,
Но, конечно того хуже.
Въ новой крѣпости манежѣ (sic)
Завелася вдругъ холера,

Забралася во Москву,
Навела на всѣхъ тоску...
Всѣ и дамы, кавалеры
Напугалися холеры,
Весь ремесленный народъ
Изъ Москвы направилъ ходъ...
И ещо проговорили —
Купцы лавки затворили,
Раскрасавицы дѣвицы
Улетѣли точно птицы.
Опустѣла Москва мать —
По ней некому гулять,
Опустѣлъ Кузнецкій мостъ —
Къ намъ пришелъ великій постъ...
Здѣся дохтуръ дворянинъ,
Онъ по славному лечилъ,
Онъ по славному лечилъ
Всѣхъ живыхъ во гробъ валилъ,
Еще грабилъ, воровалъ.
Очень хлёстко щеголялъ:
И у насъ теперь въ артели
Не нажить такой шинели —
Што этто за смѣхъ?
Подъ шинелью лисій мѣхъ.

Г. Пошехонье.
31 Мая 1893 г.

Сообщилъ А. Баловъ.

О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ.

Село Обдорское Тобольской губ., Березовскаго округа, или Обдорскъ, какъ оно чаще всего называется въ разговорной рѣчи, а также почти на всѣхъ географическихъ картахъ, по своему географическому положенію—почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ, принадлежитъ къ числу такихъ поселеній, которыя сибирскими остряками часто именуются «сѣверными столицами». Да и какъ не столица, когда такіе городки, какъ Обдорскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Средне-Колымскъ являются въ административномъ, промышленномъ и культурномъ отношеніяхъ единственными центрами для округовъ, равныхъ по пространству любому изъ государствъ Западной Европы! Такіе городки представляютъ послѣднія станціи на пути русской культуры, за ними разстилается мертвая тундра съ одиноко кочующими по ней дикарями. Изолированность такихъ «столицъ», при вліяніи инородческаго элемента, вызываетъ разнаго рода особенности бытоваго характера и въ частности отражается на языкѣ и говорѣ мѣстнаго русскаго населенія. Одно изъ первыхъ явленій, поражающихъ заѣзжаго человѣка въ такихъ «центрахъ», какъ Обдорскъ—это знакомство русскаго населенія съ мѣстными инородческими языками. Въ Обдорскѣ почти всѣ жители (мужчины всѣ безъ исключенія) довольно свободно объясняются по остяцки и по самоѣдски. Объясняется это конечно постоянными сношеніями съ инородцами. Многіе русскіе говорятъ по остяцки и по самоѣдски почти безъ всякаго русскаго акцента, и наоборотъ по русски выражаются съ акцентомъ инородца. Кастренъ, посѣтившій Обдорскъ въ 40-хъ годахъ, объясняетъ это явленіе между прочимъ и этнографическимъ составомъ населенія, которое будто-бы представляетъ смѣсь русскихъ съ инородцами. Это однако-же совершенно невѣрно. Правда, населеніе Обдорска только наполовину состоитъ изъ русскихъ (по переписи, произведенной въ ноябрѣ 1891 года врачемъ Зальмунинымъ, оказалось въ с. Обдорскомъ жителей всего—876 челов.; въ томъ числѣ. русскихъ—378; зырянъ—290; остяковъ—95; самоѣдовъ—103; поляковъ, евреевъ и татаръ—по одному); но русскіе не смѣшиваются съ другими народностями. Лишь въ послѣднее время становятся чаще браки съ зырянами; но это не оказываетъ вліянія на языкъ, такъ какъ скорѣе Зыряне перенимаютъ русскій языкъ, чѣмъ наоборотъ. Что-же касается до браковъ русскихъ съ Остяками и Самоѣдами (что бываетъ въ верхнемъ теченіи р. Оби—между Самаровскимъ и Березовымъ), то въ

Обдорскѣ это—явленіе крайне рѣдкое, почти исключительное. На 1000 браковъ едва ли наберется два—три случая. Мнѣ извѣстны только два случая выхода русскихъ женщинъ замужъ за Самоѣдсвъ, причемъ обѣ, живя и кочуя въ тундрѣ, совершенно осамоѣдились. Такимъ образомъ, Обдорское населеніе, составившееся изъ выходцевъ со всей Тобольской губ. и другихъ, смѣшавшихся съ прежними Березовскими казаками, представляетъ довольно чистый великорусскій типъ, чего далеко нельзя сказать о другихъ поселеніяхъ крайняго сѣвера—въ особенности Средне-Колымска.

Наряду съ распространеніемъ инородческихъ языковъ, нужно отмѣтить и порчу языка русскаго. Это также явленіе общее для всѣхъ Сибирскихъ «сѣверныхъ столицъ». Порча русскаго языка выражается въ такъ называемомъ «сладкоязычіи».

Вотъ что, напр., сообщаетъ г. Рябковъ, о говорѣ Колымскаго края Якутской области: «Русскій языкъ въ низовьяхъ Колымы, хотя и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ инородческимъ, но борьба эта не прошла для него даромъ, такъ какъ и самому пришлось претерпѣть нѣкоторыя измѣненія. Языкъ этотъ сильно напоминаетъ не то какой-то дѣтскій лепетъ, не то какое-то сюсюканье, дикое и непривычное для россіянина—великоросса, за что нижне-колымчанъ называютъ «сладкоязыкими» (съядкоязыкій-по колымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вмѣсто «пришла» непремѣнно скажутъ «пьишья» или «пьисья», не «рыба» а «іиба». Звуки *ч*, *ш*, *щ*, *ж* большею частью замѣняются звуками *ц*, *с*, *з* и наоборотъ. То-же самое свойственно и Средне-Колымчанамъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Между рѣчью послѣднихъ и рѣчью низовика существуетъ такая-же разница, какъ между средними физическими типами. Разница эта образовалась также подъ вліяніемъ двухъ народностей: юкагирской и якутской. По конструкціи языкъ средне-колымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно: Якутъ (въ Средне-Колымскѣ) вовсе не говоритъ по русски и поэтому мало коснулся формъ русскаго языка: здѣсь не было компромисса между двумя языками и не выработался говоръ. Русскіе цѣликомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтно только, что русскій, говорящій по якутски и не утратившій цѣликомъ родного языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе. Вотъ маленькій обращикъ того, какъ говоритъ коренной житель низовой Колымы: «Мать пьесвятая Богоѣдица, спаси и помiюй насъ, гьѣсныхъ юдей». Или: «и сто за пьѣкьятый наѣдъ» [1]).

О Туруханскомъ краѣ читаемъ у Ядринцева: «На низу Енисея русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ: на якутскомъ (?) самоѣдскомъ и тунгузскомъ. Самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ Туруханскихъ урожденцевъ отличается, сколько мы замѣтили, почти тѣми же особенностями, какъ у Остяковъ. Напр. подобно Остякамъ они вмѣсто звуковъ: *ж*, *ч*, *ш*, *р* выговариваютъ: *з*. *с*, *л*, *рл* и т. п. Говорятъ: посёлъ осень больсой доздь, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ [2]).»

Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но, такъ-какъ Обдорское населеніе состоитъ бо̀льшею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ напр. въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ. Отъ Колымчанъ Обдоряне, отличаются тѣмъ, что у послѣднихъ есть звуки *р*, *л* и только подобно Туруханцамъ они слабы въ шипящихъ и свистящихъ звукахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что Обдоряне выговаривая вмѣсто *ж*, *ш*, *ч*—*з*, *с*, *ц* очень часто говорятъ и наоборотъ вмѣсто *з*, *с*, *ц*—*ж*, *ч*, *ш*, напр. жо̀лото, жу̀бы (зубы).

Такимъ образомъ сюсюканье или сладкоязычіе есть явленіе, общее всѣмъ Сѣверно-Сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ Востоку и Сѣверу—всего

[1]) Сибирскій Сборникъ, 1887 годъ, ст. Рябкова: Полярныя страны Сибири, стр. 16.
[2]) Ядринцевъ: Сибирь какъ колонія, изд. 1882 г., стр 42.

сильнѣе въ Колымскомъ краѣ (особенно въ Сѣверной его части; всего-же слабѣе въ Обдорскомъ—самомъ западномъ изъ Сѣверно-Сибирскихъ мѣстечекъ.

Причиной «сладкоязычія» вѣроятнѣе всего служитъ вліяніе инородческихъ языковъ. Остяки, напримѣръ, очень часто выговариваютъ звукъ *ш* какъ-то шепеляво, средне между *ш* и *с*. Звуки *ж*, *з* встрѣчаются сравнительно довольно рѣдко и никогда—въ началѣ словъ. Вообще Остяцкій говоръ имѣетъ какой-то «слюнявый», если такъ можно выразьится, характеръ. Есть у нихъ, напр., такой свистяще-плавный звукъ, который никакимъ сочетаніемъ русскихъ звуковъ не можетъ быть выраженъ вполнѣ точно (всего ближе къ *хсл*). Весьма естественно, что постоянное, съ дѣтства, общеніе съ Остяками могло отразиться на говорѣ русскаго населенія въ Обдорскомъ краѣ.

Другія особенности мѣстнаго говора болѣе или менѣе общи прочимъ областямъ Западной Сибири и не являются характерными собственно для Обдорска.

Приведемъ списокъ мѣстныхъ словъ, изъ которыхъ многія впрочемъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Сибири, за исключеніемъ, конечно, взятыхъ изъ Остяцкаго языка.

Алыкъ— собачья упряжь.
Бадъяновка—лодка средняго размѣра.
быстрядь —теченіе.
братанникъ—двоюродный братъ.
бесѣдка – скамейка.
бѣлуга—дельфинъ.
Варъ—земляной запоръ для рыбной ловли.
варка—рыба сваренная и размятая въ кашу.
вѣтвя—наконечникъ шеста чтобъ погонять оленей.
вонзь (остяцк.) первый подъёмъ рыбы съ моря.
Встокъ—Востокъ
вѣщица—сплетница
весло—рулевое весло
важанъ—рыболовный снарядъ
вѣшала—снарядъ для сушенья рыбы
ва́женка—самка оленя.
Гребь—весло
горносталь—горностай
гусянка—небольшая баржа
гусь—верхнее платье въ видѣ рубашки съ капюшономъ
глубникъ—С.-В. вѣтеръ
городовушка—небольшая лодка.
гимга̀—рыболовный снарядъ.
Дѣва́ка, дѣво́чка — дѣвица
доспѣть—сдѣлать
дикій—глупый
дичать-глупить («не дичай»-не глупи)
ёндыль (остяцк.) — рекень въ оленій упряжи
езъ (остяцк.)—запоръ для рыбы
ежа—ѣда.
Замзгнуть—прокиснуть.
Исть—ѣсть
изгаляться—издѣваться.
Колезень—рыба (небольшой муксунъ)
кибасъ—грузило
карышъ—маленькій осетръ
кӯрома (ост.)—карта
каюкъ—крытая большая лодка
крестоватикъ—лѣтній песецъ
ко́панецъ—щенокъ-песецъ
калыдапъ (ост.)—рыболовный снарядъ
кысы—шкура съ оленьихъ ногъ
курья—лужа, остающаяся послѣ водополья
клюка̀—кочерга.
Лобарь—осетръ средняго размѣра
лѣсина—дерево
лытка—голень оленя.
Муксунъ—порода рыбъ
муксутуръ—трава.
мулёкъ—маленькая рыбка
мездра—внутренняя поверхность выдѣланныхъ шкуръ
ма̀лица—длинная мѣховая рубаха съ капюшономъ
макса—печень, преимущественно рыбья
морокъ—туманъ
морочно—пасмурно
морочать—темнѣть.
Натруска—пороховница, мѣшокъ съ дробью, пистонницавзятая, вмѣстѣ
на̀плавъ—поплавокъ при неводѣ

назем—навозъ.
неводникъ—большая лодка
няша—тина, грязь
недомуксунокъ—маленькій муксунъ
недопёсекъ—весенній песецъ
нюга (ост.) — покрышка чума изъ оленьей кожи
норникъ—песецъ-щенокъ
норка—оленьи ноздри
нуръ—рыба надѣтая на палку для храненія
нюшвай (ост.)—обувь изъ оленьей замши
неплюй (ост.)—шкура молодого оленя.
Отлипъ—деревянныя стружки
осерёдышъ—низкій песчаный островокъ.
оклематься—очнуться
оболокаться—одѣваться
ола (ост.)—полка для постройки чума.
охичать—устраивать, прибирать
Постель—оленья шкура
посельщикъ—ссыльно-поселенецъ
політикъ—политическій ссыльный
парка—мѣховая рубашка мѣхомъ вверхъ
пѣшка—молодой олень убитый осенью
посуда—судно.
поутъ—оводъ
пичуга—грузило
позёмъ—копчёная рыба
пыжъянъ—рыба муксуновой породы
побѣжникъ—веревка для вытягиванія невода.
Разлуня—палка у невода.
Соръ—озеро послѣ водополья
салмъ—мель посрединѣ рѣки, удобная для неводьбы
сýчить—злословить («чего ты, сýка, сýчишь»)
скулить—насмѣхаться
скулёха—насмѣшница
сиверъ—Сѣверъ, С. вѣтеръ
своебышникъ—упрямый, своенравный
сырокъ—рыба муксунковой породы
сяны ост. халцеллуу — костяшки и деревяшки въ оленьей упряжи
суватъ (ост.)—приспособленіе для сушенія рыбы
синякъ—песецъ весной и ранней зимой.
синка—нитка отъ колыдана
сѣрянка—сѣрная спичка
сца—ремень въ оленей упряжи
сестренница—двоюродная сестра.
Тиска—берестяная покрышка чýма
тонька—веревочка для привязыванья кибаса и нáплава
тýисъ—берестяной буракъ
Тетива—канатъ, на который надѣть неводъ
тéрпитъ—можетъ, въ состояніи
тагаръ (ост.)—коверъ изъ травы
ужна—ужинъ.
Уткелъ—вожжа въ оленеей упряжи
Хорохóриться—кобениться.
Чижи—мѣховой чулокъ
чувалъ—очагъ въ юртѣ
чумъ—конусообразная палатка у Самоѣдовъ. и Остяковъ.
чукрей (ост.)—тонкій ножъ
чишáтъ—мочиться
чёча—хорошо, красиво
чума (ост.)—обшивка треуха на мáлицѣ
чрмáкъ—берестяная чашка
чига—
чалканъ—
чалдонъ—болванъ (ругат.)
чеканка—крашеный холстъ
Шаньга—ватрушка
шатина—палка отъ колыдана
шайтанъ—остяцк. идолъ
шугá—тонкій лёдъ при замерзаніи рѣки («сало»)
шипъ—крупная стерлядь
щётки—подошва къ пимамъ, вырѣзываемая изъ подъ копытъ оленей
щóкуръ—рыба муксуновой породы
юрта—остяцкая бревенчатая избушка съ земляной крышей и съ чуваломъ
юрты—остяцкій посёлокъ
юрокъ—вяленая рыба безъ костей
юкала—вяленая рыба съ костями

Всего 136 словъ, изъ которыхъ 23 взято съ Остяцкаго.

В. Бартеневъ.

Село Обдорское Тобольской губ.
31-го марта 1894 г.

Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ. и округа.

Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ сообщаемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Бартеневымъ словъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ., но въ нѣсколько иномъ значеніи.

вѣшала—приспособленіе для осушенія невода.

гусь—одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

диковàть, не дикуй—дурачиться, не дурачься.

кысы́—обувь изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

курья—лужайка, песчаная коса, заливаемая въ водополье.

мáлица — длинная одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ.

ня́ша—тонкая глина по берегамъ рѣкъ.

позѐмъ—распластанная и высушенная рыба.

сòръ—залитое водопольемъ травянистое пространство, гдѣ промышляютъ рыбу.

чишáть—испражняться (о дѣтяхъ); хочешь чишать? ну, чишь, чишь!

юрòкъ—катушка съ нитками.

Хр. Лопаревъ.

С.-Петербургъ.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.

б. ч.